

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЬ 1(46)
 2020
 XXI
 ВЕК

- Классическое наследие
- Малая проза
- Душа с душою говорит
- Переводы
- Голоса молодых
- Это было, было, было...
- Проза XXI век
- Портрет современника
- Образование через искусство

ISBN 978-5-906357-88-5

9 785906 357885

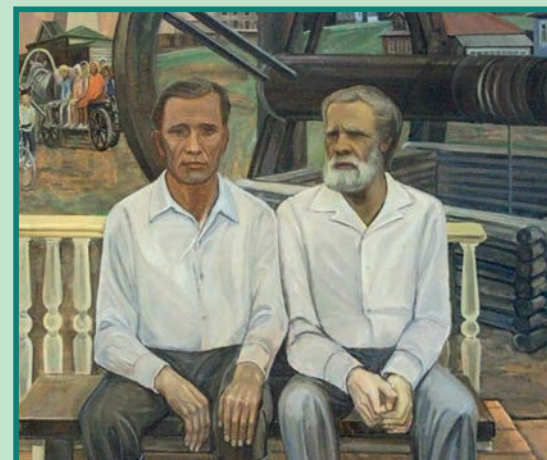
Журнал приглашает
 к сотрудничеству организации
 и всех заинтересованных лиц

ПИСАТЕЛЬ. XXI ВЕК 2020

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЬ 1(46)
 2020

XXI
 ВЕК

- «Женитьба»
- Рассказы на ночь
- Колдунья
- Глаза ребенка
- Зорька
- Спасибо за...
- Окна и еще...
- Закономерность событий
- Паровоз выдержит
- Пересекающиеся параллели
- Константин Симонов

«Прочитал сейчас всё это...
 И думаю: «Что с нами происходит?»
 Василий Шукшин. «Кляуза»

Учрежден в 2008 г. Российским Межрегиональным союзом писателей
(секция «Литературно-дискуссионные чтения»),
Академией русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина.
С 25.11.09 г. журнал выходит в свет в качестве межсоюзного писательского издания.

Редакционная коллегия:
Е. С. Роговер, Н. Ф. Ульянова, Н. В. Харитонов

Контактные телефоны (в Санкт-Петербурге): 552-13-82.
e-mail: ulyanovanf@mail.ru

Верстка — О. А. Карманова
Макет обложки — О. А. Карманова
Корректор — С. М. Ионова

При перепечатке ссылка на журнал «Писатель. XXI век» обязательна.
Фотографии предоставлены участниками выпуска.

СПб: Негосударственное учреждение культуры «Серебряный век», 2020

ISBN 978-5-906357-88-5

© Автор-составитель Н. Ф. Ульянова, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Журнал «Писатель. XXI век», 2020

Предлагаемое издание продолжает намеченную в предшествующих выпусках работу по восстановлению в русском сознании понятия писатель. Начиная с 1991 года в нашей стране возникла новая реальность — реальность преобладания частных или сугубо обывательских (корыстных) интересов. Ее неудержимая поступь вызвала к жизни разгул упоения от мертвого в своей сути успеха. В результате большие смыслы, или непреходящие смыслы общей жизни, стали стремительно исчезать, уступая место интересам вполне местечковым, натужно выдаваемым при этом за нечто непреходящее. Параллельно в литературном творчестве резко возобладали активно поощряемые российскими властями процессы торговли постыдным как вполне даже приличным делом. В частности, внутриредакционные установки центральных телевизионных каналов строго указывают на непреложную необходимость радикального упрощения ключевых смыслов любого художественного произведения, на создание в стране атмосферы не вдумчивого, а значит, превратного (искаженного) восприятия жизни. В итоге подобной политики само понятие писатель стало мельчать и превращаться в нечто суетное и даже оскорбительное. На сегодняшний день в России вместо писателей развелись во множестве так называемые авторы. Но что они такое? Это своего рода специалисты по развлечению и соблазнению всякого русского читателя, превращению его в потребителя «желтой» или снобистской и во многом сфальсифицированной (намеренно «склеенной» из правды и лжи) литературы. Иначе говоря, деятельность этих «умельцев» имеет ныне исключительно антинародный характер. Или, всячески искушая своего читателя (зрителя), они вводят его сознание в состояние утраты им смысла собственной жизни. Хорошо ли это? Вряд ли. Другими словами, только большие смыслы дают каждому человеку человеческое достоинство, предоставляют ему же подлинную надежду и удовлетворение жизнью. Поэтому лишь писатель как подлинный мастер художественного разговора о больших и непреходящих для человека смыслах и способен будет переломить уже сложившуюся очевидно вредную тенденцию отчуждения человека от человеческого же содержания. А настоящий выпуск журнала как раз и продолжает это сложное, но воистину насущное дело.

Подписано в печать 20.03.20. Формат 70х100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт». 197183, Санкт-Петербург, ул. Сабировская, д. 37.
Тел. (812) 649-73-09.
www.l-print.spb.ru

АВТОРЫ ЭТОГО ВЫПУСКА ЖУРНАЛА

Е. С. Роговер

Н. Ф. Ульянова

Н. В. Харитонов

Е. М. Алексеева

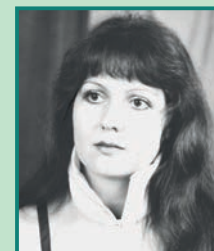
Андрей-Viktoria-Андреев

Н. М. Менендес

Эдуард Дэлуж

Н. В. Беланова

Ева Талая

В. А. Орлов

Ида Замирская

М. М. Рыбаков

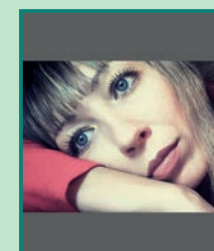
Александр Железов

Бах Ахмедов

А. М. Воронов

Яна Конозова

А. Астраханский

Юлия Канина

СОДЕРЖАНИЕ

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Ефим Роговер. Комедия «Женитьба» Н. В. Гоголя 2

МАЛАЯ ПРОЗА

Ева Талая. Рассказы на ночь 11

Валерий Орлов. Коддунья 17

Екатерина Алексеева. Глаза ребенка 23

Михаил Рыбаков. Зорька 26

Спасибо за... 26

Окна и еще... 29

Закономерность событий 30

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРIT

Андрей-Viktoria-Андреев, Эдуард Дэлуж, Нина Беланова, Бах Ахмедов. 34

ПЕРЕВОДЫ

Ида Замирская. Переводы 46

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Яна Конозова (стихи) 50

Евгений Долматович (проза) 57

Юлия Канина (проза) 63

А. Астраханский (проза) 68

ЭТО БЫЛО, БЫЛО, БЫЛО...

Александр Железов. Паровоз выдержит 77

ПРОЗА XXI ВЕК

Наталья Менендес. Пересекающиеся параллели 84

ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО

Ефим Роговер. Константин Симонов 139

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО

Алексей Воронов. Так что же с нами происходит? 150

Валерий Орлов. Французская литература (романтизм) 19 век 156

Ефим Роговер
(Россия, Санкт-Петербург)

КОМЕДИЯ «ЖЕНИТЬБА» Н. В. ГОГОЛЯ

В блистательном ряду драматургических произведений Н. В. Гоголя достойное место занимает комедия «Женитьба».

В истории создания этого произведения можно выделить три этапа.

Первый из них связан с созданием ранней редакции пьесы, которая начата была в 1833 году и называлась «Женихи». От этого варианта сохранилось только первое действие, хотя в комедии предполагались три акта. Действие протекает здесь в деревне (петербургская тема еще не затронута), в провинциальной помещицкой обстановке (купеческая среда еще не отражена). В единственном акте еще не действуют герои, которым позже выпадут роли главных участников событий пьесы, то есть еще отсутствуют Подколесин и Кочкарев. Однако невеста-помещица уже присутствует и занимает центральное положение. «Долго ли я буду в девках оставаться?» — вопрошает эта героиня, которую здесь зовут Авдотьей Гавриловной. Чтобы найти необходимых женихов, она посылает за ними на ярмарку, и в пьесе появляются Онучин (впоследствии Анучкин), Яичница, Жевакин и Пантелеев (позже он будет лишь упомянут в словах Феклы), соперничающие между собой. Каждый из женихов нравится невесте, и она, проявляя растерянность, не может выбрать наилучшего. Характеры автором

лишь намечены, хотя пошлость каждого уже обнажена. В сохранившемся акте ощущаются традиции народной площадной комедии, вместе с которыми в одиннадцать явлений врываются элементы фарса и грубого комизма (ссоры женихов и намеченная их потасовка).

Второй этап реализации гоголевского замысла относится к 1835 году, когда прежний единственный акт вырастает в полную, хотя и не завершенную пьесу. Теперь действие происходит в Петербурге, появляется ряд городских реалий и два новых героя — Подколесин и Кохтин (ему суждено стать Кочкаревым) [1]. Комедия меняет свое название и становится «Женитьбой», что сказывается на ее проблематике, поскольку интерес переносится с женихов на пародийный процесс бракосочетания. Пьеса намечена к театральной постановке, и эту полную редакцию автор читает в московском доме писателя М. П. Погодина 4 мая 1835 года. Литераторы-слушатели воспринимают ее как возрожденный фарс и смеются так, «что некоторым сделалось почти дурно; но, увы, комедия не была понята! Большая часть говорила, что пьеса неестественный фарс...» [2]. Комедия в ту пору поставлена на сцене не была: во-первых, автора обескуражила реакция писателей, и стало ясно, что пьеса нуждается в очередных изменениях;

во-вторых, вмешалась работа над «Ревизором», и переделку «Женитьбы» пришлось отложить на несколько лет, хотя в 1836 году автор возвращался — по просьбе М.С. Щепкина — к тексту пьесы, продолжая его совершенствовать.

Третий этап работы над пьесой приходится на 1841–1842 года, когда Гоголь завершает пересоздание своей «Женитьбы». Драматург окончательно выводит из комедии не только тему любви, но и упоминания о ней, показывая, что процесс сватовства и выбора будущего супруга ныне часто исключает влечение, страсть, возвышенные чувства и эротическое наслаждение у персонажей. Элементы соперничества автор сохраняет, но придает ему пародированный характер, усложняя его испугом перед изменением прежнего бытия, растерянностью и мотивированной нерешительностью. Русская бытовая комедия выводится на путь реализма, широкой типизации образов и тонкого психологизма в объяснении человеческих поступков. Автор обогащает речевые характеристики всех героев, дает им окончательные имена (невеста получает имя Агафья Тихоновна). В окончательной редакции глубоко отражаются существенные изменения в современной Гоголю российской действительности. Не случайно автор переносит действие в купеческую среду, в которую пытаются внедриться представители чиновничества и военных слоев. Образы канонического текста позже получают переключку с проблематикой картин П. Федотова «Мышеловка» (1844–1846), «Разборчивая невеста» (1847) и «Сватовство майора» (1848), созданных после «Женитьбы». Окончательная редакция пьесы была опу-

бликована в т. IV «Сочинений Николая Гоголя» и вынесена на суд зрителей в театральных постановках 1842 и 1843 годов.

Чуткий читатель не мог не заметить художественной связи «Женитьбы» с недавно опубликованной и поставленной на сцене комедией «Ревизор» (1836). Имя прежней героини-невесты — Анна Андреевна — передано жене Городничего. Черты Хлестакова во многом повторяются в Кочкареве, а «подколесинщина» — столь же широкое обобщение, как и «хлестаковщина». В обеих пьесах развит мотив зеркала, а в связи с ним разрабатывается тема отраженной в нем рожи, оказавшейся кривой. В «Ревизоре» эта тема получает выражение уже в эпиграфе, а в «Женитьбе» она звучит в словах Подколесина: «Знаю я эти другие зеркала. Целым десятком кажет старее, и рожа выходит косяком». В этом варьировании мотива И.А. Вишневская пронизательно увидела «осязаемую лирико-сатирическую спаянность этих комедий» Гоголя [3].

В «Женитьбе» происходит такое же «совершенно невероятное событие» (как об этом говорит подзаголовок пьесы), какое — в несколько иных обстоятельствах — совершается в «Ревизоре». Но структура двухактной комедии достаточно своеобразна.

В первых ее явлениях Подколесин, открывающий представление, готовится к ожидаемому сватовству. Его заботят при этом две стороны дела: оповещение причастных к готовящемуся событию людей о том, какой у него чин, и приобретение необходимых вещей. Это и черный фрак (цветные больше подходят к чиновной «мелюзге»), блеск сапо-

гов, хорошая вакса. Единственно, что не входит в круг его забот — невеста, имени которой, возраста и облика он не представляет. А когда в связи с появлением свахи о невесте речь по необходимости заходит, то Подколесина интересует прежде всего приданое и будущий дом о двух «елтажах», весьма «прибыточный». Первый акт призван представить портреты возможных женихов — Яичницы, Жевакина и Анучкина, благодаря чему читатель или зритель узнает о невежестве, убожестве и корыстном расчете претендентов на руку Агафьи Тихоновны. Тема выгодной женитьбы и «электричество чина» оказываются здесь определяющими. Для Подколесина главенствующим началом становится то, что он — надворный советник, для Феклы важно, что Пантелеев — титулярный советник, для Яичницы существенно, что он — коллежский асессор, а для Жевакина — что он лейтенант в отставке. Свойства невесты для всех оказываются интересными менее всего, ибо она — в ряду вещей, товар, имеющий меновую стоимость. Один из женихов называет жену «телегой», Кочкарев не видит разницы между женщиной и подушкой (и та и другая — белая).

Во втором акте автор сосредотачивает свое внимание на Кочкареве, развивающем энергичную деятельность, лишенную смысла и мотивировки. Благодаря его активности Подколесин ведет соревнование с женихами и вырывается вперед. Агафья Тихоновна, хотя и не без колебаний, отдает свое предпочтение именно ему, Подколесину. При созерцании этого Ивана Кузьмича у нее даже «бьется сердце», он так вот и «лезет в руку», как признается

невеста в своем монологе. Но в самый последний момент, когда затянувшийся ее выбор уже состоялся, счастливый суженый «становится на окно» и «соскакивает на улицу». «Маленькая комедия» завершается большим конфузом.

Одной из особенностей «Женитьбы» является перенос действия из общественной в личную, сугубо частную сферу жизни, более того — в круг интимных отношений изображенных героев, устраивающих свои судьбы. Казалось бы, здесь не может быть официальной зависимости людей друг от друга, чванливости, подобию страсти, грубости, окрика и брани. Но обнаруживается, что именно эти черты господствуют у персонажей пьесы в мире интимных переживаний. Здесь поминутно звучат такие слова, как «белены объелись», «к дьяволу», «мерзавец», свихнула с ума», «старая подошва», «ведьма проклятая», «бестия этакая». В этом мире нет живых чувств, подлинно человеческих движений. Здесь царит грубая сделка и купля-продажа; тут люди вступают в темное царство откровенной пошлости и обмана, и автор в своих картинах рисует мир, который позже предстанет в творениях А. Н. Островского.

Преимущественное внимание Гоголь обращает на характеры действующих лиц, изображение которых становится особенно заметным его достижением. Задача была исключительно трудной, поскольку драматург имел дело с пустыми и безличными существователями. Однако автору пьесы удалось передать нрав и «задор» каждого персонажа, не сведя его обрисовку к абстрактной схеме.

Так, Яичница любопытен не только своей забавной фамилией,

но и шумной деловитостью («я человек должностной, мне некогда»), откровенной прозаичностью интересов, педантичностью чиновника-экзекутора (он тщательно уточняет список вещей, составляющих приданое), заботой о материальных ценностях, грубостью и откровенной тупостью (для него сватание — «дело дрянь, ничуть не головоломное»), бесцеремонностью и неразборчивостью («дура, — говорит он, — тоже хорошо. Были бы только статьи прибавочные в хорошем порядке»). Для него важно не любоваться невестой, а осмотреть со двора дом. Если все сооружено крепко, он вечером же добьется «дела». Эти свойства примитивного жениха находят отражение в его языке. В последнем заметна пунктуальность, придирчивая точность («... я пришел узнать, какого рода лес, в каком количестве и к какому времени можете его поставить», — заявляет он. Трижды подчеркнутое слово «какой» относится отнюдь не к невесте, а к лесу и дровам), неразборчивость в выражениях и грубая раздражительность, с которыми он обрушивается и на сваху («черти бы тебя съели, ведьма ты проклятая!»), и на невесту («невесте скажи, что она подлец!»).

Задор Анучкина выражается в поисках невесты, непременно знающей французский язык и умеющей войти в высшее общество, хотя сам он ни иностранного языка, ни достойных манер не знает.

Жевакин, лейтенант в отставке, причастный к морской службе, имеет претензию казаться галантным и даже романтическим, отчего силится упоминать о морских бурях и далекой Сицилии, виденной им в молодости, хотя образы эти в ку-

печеской среде часто выглядят весьма неуместными. Женщина для Жевакина — подобие изящной вещи или цветка с приятным запахом («розанчик этакой»). Агафья Тихоновна привлекает его своей пухлостью и телесностью (ведь он «большой аматер со стороны женской полноты»). При этом Жевакин не стесняется громко заявлять о своей откровенной чувственности и о своих неудачах в деликатном сватании, которые пережил он уже 17 раз. Черты характера отставного лейтенанта зеркально запечатлелись в его речи. В ней преобладает склонность к изысканным уподоблениям и восторгам: «Натурально, сидит эдакая италианочка, такой розанчик, одета: манишечка, платочек». Однако неумеренное употребление сравнений с «розанчиком» свидетельствует о языковой бедности и лексическом однообразии. Об этом же говорит и неизменное употребление слов с уменьшительными суффиксами: «такой лакомый кусочек», «сними пушинку», «там как будто паучок лазит».

Наибольшие достижения реализма Гоголя связаны с созданием образов Подколесина и Кочкарева.

Подколесин — подлинное художественное открытие писателя. С одной стороны, он наделен чертами, свойственными петербургскому чиновнику, как его изображали в догоголевской литературе и как его рисовал сам Гоголь. Подколесин горд своим сравнительно невысоким чином надворного советника, отличается снобизмом и презирует чиновную «мелочь»: секретарей и титулярных. Он весьма честолюбив и стремится увеличить свой вес в обществе, для чего ему и понадобилось

жениться. Он достаточно пуст, труслив и ленив, и свойства эти тоже традиционны.

Но, с другой стороны, Гоголь передает совершенно индивидуальное, новое свойство Подколесина — присущую ему нерешительность, некую аморфность, сказывающуюся в поведении этого чиновника. Вроде он уже готов жениться, подготовился к браку вплоть до осмысления деталей, но начинает колебаться в своем решении. Вот он снова настроен на объяснение с невестой, но вновь что-то останавливает его, сказывается нежелание вносить изменения в свою обычную жизнь. Вроде он уже обошел других женихов и добился симпатии со стороны невесты. Но приверженность к привычному укладу существования одерживает верх. К тому же сказывается узкий кругозор героя, ограниченность его представлений о браке, подражательность другим, постоянство размышлений о себе и своем покое. Наконец, он вплотную подходит к намеченной цели, его готовность вступить в брак одобряется уже Кочкаревым, но в этот миг тяга к неподвижности и стоячести жизни заставляет его усомниться, встать на подоконник окна и прыгнуть вниз, оставив дом невесты.

Новизна психологии этого героя и глубинная типичность, широкая обобщенность этого характера оказались непонятными зрителями первых спектаклей по пьесе «Женитьба» и определили растерянность тогдашней критики. Ей было трудно постигнуть ту истину, что «героическая» решимость совершить некое дело в мечтах или словесных заверениях — и нерешительность перед свершением самого дела

схвачена Гоголем как черта индивидуальная и как свойство общественное, социальное. Топтание на месте и нерешительность Подколесина великолепно сказываются в его репликах. Примером может служить недоговоренность и долгая пауза в его красноречивой фразе: «...как говорится, этого... вот позабыл слово!». И еще — удивительный монолог перед прыжком, сотканный из многочисленных «если бы...», «право...», «однако же...», «ну нет...».

Столь же новым, неожиданным и художественно выразительным стал характер Кочкарева. Этот герой пьесы весь в делах, поступках, свершениях, хлопотах, осуществлениях задуманного. Но его «делание» не имеет мотивировок; оно производится неизвестно зачем. Поэтому Кочкарев может сегодня отвергать то, что он утверждал вчера; может сейчас устремляться к цели, которая не считалась им важной совсем недавно. Его рвение бессмысленно, его энергия — зряшная. По существу, определенной цели у него вообще нет, или нет основательных причин для его бескорыстной суеты и активности. По удачному выражению И. Л. Вишневской, «Кочкарев и «кочкаревшина» символизировали собой бешено энергетическую либеральную болтовню, лавинно вздымающееся действие, порождающее мертвое бездействие... Кочкаревыми могли оказаться и ученые, и писатели, и крупные государственные деятели» [4].

Критика времен Гоголя совсем не обратила внимание на женские характеры. А между тем их воплощение в пьесе принадлежит к подлинным удачам драматурга. Агафья Тихоновна по-своему соотносится

и с басней И. А. Крылова «Разборчивая Невеста», и с одноименной картиной П. Федотова. Разумеется, слово «разборчивая» в этих названиях звучит иронически. Образ, созданный Гоголем, тоже окрашен горькой иронией, поскольку нерешительность этой невесты, созвучная колебаниям Подколесина, и ее опрометчивый выбор заслуживали смеха, сожаления и осуждения сразу.

С одной стороны, образ Агафьи Тихоновны соединяет в себе все грани идеальных представлений, которые вынашивают по-разному и Яичница (у невесты солидный достаток), и Жевакин (героиня полнотела и отдаленно похожа на мечтаемый им «розанчик»), и Подколесин (от недалекой Агафьи Тихоновны очень легко «улизнуть»). С другой стороны, в невесте нет ничего (даже французского она не знает, от высшего света далека, весьма наивна и глупа), ибо она попросту пуста. Этот образ — еще одно меткое социальное обобщение Гоголя. Речь этой невесты, насыщенная упоминаниями бытовых мелочей, иногда поднимается до такого их синтеза («Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича...»), что забавные фразы ее стали весьма уместными для политической публицистики, и ими не раз оперировал В. И. Ленин.

Великолепен и образ гоголевской свахи, которая изъясняется сочным трещоточным языком, насыщенным богатой народной фразеологией и пословицами. Таковы, например, ее речения типа: «Гляди налет на свой полет, а и похвастаться нечем: шапка в рубль, а щи без круп». Фекла — сваха, способная соединять невозможное, пользуясь гиперболами и обманом.

Но комедия Гоголя интересна не только ее яркими и обобщенными характерами, но и мастерством их распределения по группам. Первую пару персонажей составляют Подколесин и Агафья Тихоновна. Их скрепляет не только тяготение друг к другу, но и присущая им обоим нерешительность. Вторую заметную пару создают Фекла, сваха по профессии, и Кочкарев, выполняющий функцию свахи. Третью пару образуют тот же Кочкарев, оказавшийся неудачным сватом, и Подколесин, ставшим несостоятельным женихом. Наличие этих союзов, внутренне противоречивых, рождает смех при восприятии комедии. Пародирование женихом роли любовника, а его приятелем — амплуа наперсника — это комедийное начало пьесы усиливает.

«Женитьба» отличается и мастерством композиции. Пьеса начинается переживанием одиночества Подколесиным и невестой, этим же состоянием одиночества комедия и завершается. Возникает своеобразное композиционное кольцо. Великолепен конец пьесы: усилия свих завершаются «ничем»: Подколесин прыгает в окно и не выполняет своего обещания «не улизнуть». Этот прыжок — гоголевская полемика с теми комедийными построениями, которые начинались любовной завязкой, а кончались свадьбой. У автора «Женитьбы» в пьесе нет ни того, ни другого. Драматург не дает зрителям той женитьбы, которая была запрограммирована самим названием, и в этом состояла новизна предложенной композиции. Налицо лишь намерение героя вступить в брак, его честолюбивые мечтания совершить нечто для него невероятное, однако и намерение, и мечта остаются не-

реализованными. Подколесин обманывает и друга, и невесту, и самих обескураженных зрителей. То же надувательство совершает и Агафья Тихоновна, ибо ни один из ее женихов не становится ее мужем.

Редкостная новизна сюжета состоит в том, что в его основе лежит последовательная вереница неожиданностей. Своих гостей-мужчин, которых так ждала купеческая дочь, она «вдруг» решительно прогоняет. «Пошли вон!» — восклицает она в IV явлении второго акта, хотя такие слова казались ей самой невозможными. Анучкин хочет перебраться со своих Песков в центр города, но его планы неожиданно расстраиваются. Жевакин хочет переместиться со своей 18-й линии в уважаемые городские кварталы, но его хотение столь же неожиданно оказывается напрасным. Подколесин разочаровывается в предложенной ему невесте, но затем неожиданно находит ее прелестной («Да теперь-то я... вижу, что она как будто хороша»). Но самой невероятной неожиданностью становится финальный подколесинский прыжок вниз и последующее его бегство «на Канавку», что «возле Семеновского моста». Все эти анекдотические нелепости вытекают из существа изображенных характеров и из нелепости тогдашней петербургской действительности. Поэтому они внутренне мотивированы и вполне оправданы. Сама же череда казусов, поворотов и неожиданностей делает пьесу удивительно смешной.

Комическое в «Женитьбе» обогатоено сохранившимися в окончательном варианте текста фарсовыми элементами (подсматриванием

в замочную скважину за переодевающейся невестой, сравнение носа красавицы с алебастром, рассматривание лысины Жевакина, возникшей «от лихорадки», словесные каламбуры) и «миражной» интригой, как определил ее Ю. В. Манн [5]. Однако все эти особенности мастерски используются автором в подлинно реалистической комедии, построенной на типизации образов и лишенной какой-либо идеализации жизни.

В этой пьесе отчетливо вырисовывается образ Петербурга тридцатых годов с его улицами, «линиями», каналами и мостами, с его Песками и Вознесенским проспектом, с его военными, украшенными «аполлетами», модницами, портными и сапожниками, вездесущими чиновниками и купцами-гостинодворцами. Именно здесь оказалось возможным то «совершенно невероятное событие», которому посвящена комедия.

Хотя некоторые тогдашние критики находили гоголевскую комедию «шалостью большого таланта» или пьеской, «не стоящей никакого внимания», пронизательный В. Г. Белинский дал «Женитьбе» высокую оценку. Критик находил, что эта пьеса является «исполненной истины и художественно-воспроизведенной картиной нравов петербургского общества средней руки», что в этой комедии много обобщенных характеров, например сваха, это «одно из самых живых и типических созданий Гоголя», с его яркой, колоритной фигурой, бойкостью и яркостью движений, или Анучкин, способный восхищаться «всяким плоским и грубым двусмыслием в водевиле». «Сколько юмора, какой язык, какие характе-

ры, какая типическая верность натуре!» — восклицал замечательный истолкователь литературы [6].

Пьеса Гоголя, хотя и не сразу, но постепенно обрела богатую сценическую жизнь. Первые ее постановки в Александринском театре Петербурга (9 декабря 1842 года) в бенефис И. Сосницкого и в труппе Малого театра в Москве (1 февраля 1843 года) в бенефис М. Щепкина не были удачными. Причинами были слабое овладение гоголевским замыслом, неверное распределение ролей, спешная и неполноценная подготовка к представлению, приверженность (В. Живокини и других актеров) привычным фарсам. Да и публика была, как писал о ней А. Вольф, «сильно озадачена отсутствием сюжета» и «с недоверчивостью и сдержанностью отнеслась к ряду живых и высоко комичных личностей» в пьесе [7]. Но в этих спектаклях было немало мастерских созданий: успех выпал на долю Прова Садовского в роли Анучкина и А. Мартынова в роли Подколесина. После П.М. Садовский тоже стал играть Подколесина, и эта партия, закрепившаяся за ним, принесла ему славу лучшего исполнителя этой роли [8].

Позже успехом пользовался спектакль петербургского Литературного фонда (1860), в котором ярко выступили А.Ф. Писемский, игравший Подколесина, и П.И. Вейнберг, исполнявший Кочкарева. Выдающееся место в сценической истории «Женитьбы» заняли актеры Александринского театра 1890-х годов К.А. Варламов (он воплотил страшный образ петербургского бюрократа Яичницы) и В.Н. Давыдов, создатель образа Подколесина на сцене. Тот же Давыдов блистательно играл эту роль

в московском Малом театре в 1919 году, воплощая лирико-комедийный образ.

В начале XX века «Женитьба» была ярко и сочно поставлена в Херсоне В.Э. Мейерхольдом (1903-1904 гг.) и получила эксцентрическое решение в петроградской театральной мастерской ФЭКС (Г.М. Козинцев и Л.З. Трауберг реализовали в 1922 году «трюк в трех действиях», который синтезировал в меняющихся ритмах балаганное представление, цирк, кинопроекции, негритянский оркестр, мюзик-холл и фотографию). Интересным был спектакль, осуществленный Ю. Завадским в Третьей студии МХАТа (1924). Режиссер продолжил традиции Е. Вахтангова и М. Чехова и создал сложное по стилистике представление «Женитьбы», где таинственное соединялось с фантастическим и кошмарным. Большое значение имели игра теней, воплощение тревожных сновидений, шепот вместо голосов актеров, унылая и тоскливая мелодия, перебиваемая неожиданными пронзительными звуками.

Из более поздних, вполне реалистических решений можно выделить спектакль, поставленный А.В. Эфросом в Московском театре на Малой Бронной в 1974 году. Режиссер трактовал пьесу Гоголя как «шутку, но с большой долей драматизма». Он говорил о неудачниках, по-разному стремящихся к браку, но выбравших призрачную цель. Эфрос своеобразно «ошинеливал» комедию, вводя в нее тему бедного, несчастного петербургского чиновника и ища глубокую мотивацию поступков и Подколесина, и женихов, и невесты [9]. В наши дни обращение к «Женитьбе» стало довольно частым, что говорит

о возросшем интересе к этой гоголевской комедии и поисках разнообразных интерпретаций.

Ряд созданных в пьесе образов получил дальнейшее развитие в творчестве самого Гоголя и других драматургов. Так, образ Яичницы дал толчок для создания образа Собакевича, Жевакина — для рождения

фигуры Манилова, а Кочкарева — для Ноздрева. Подколесин стал своеобразным прообразом Обломова, Агафья Тихоновна явилась литературным прототипом Липочки в «Банкроте» А. Островского, а Фекла — его же многочисленных свах.

Таково историко-литературное значение «Женитьбы».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Слонимский А. Л. История создания «Женитьбы» Гоголя // Русские классики и театр. — Л.; М.: Искусство, 1947. — с. 307-334.
2. Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — с. 14.
3. Вишневский И. Л. Гоголь и его комедии. — М.: Наука, 1976. — с. 180.
4. Вишневский И. Л. Гоголь и его комедии. — М.: Наука, 1976. — с. 190.
5. Манн Ю. В. Творчество Гоголя: смысл и форма. — СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. — с. 220-221.
6. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1953-1959. — т. VIII. — с. 55-56.
7. Вольф А. И. Хроника петербургских театров с конца 1821 до начала 1855 года. — СПб, 1877. — ч. 5. — с. 100.
8. Дурылин С. Н. П. М. Садовский в «Игроках» и «Женитьбе» Гоголя // Сообщения Института истории искусств, № 6. — Театр. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — с. 68.
9. Кухта Е. А. «Женитьба» Н. В. Гоголя на советской сцене 1920 гг. // Пьеса и спектакль: Сб. статей ЛГИТМиК — Л., 1978. — с. 40-49.

Ева Талая
(Украина, г. Харьков)

РАССКАЗЫ НА НОЧЬ

Часть 3

Однажды Случай говорил с уставшим человеком...

— Нет выбора, — сказал человек вздыхая.

— Выбор есть всегда! Не нужно закрывать глаза, идя по узкому мосту над пропастью, если ты уже решился идти и сделал несколько шагов. МЕНЯЙ СВОЮ ЖИЗНЬ с каждым шагом, ВСЕ В ТВОИХ РУКАХ!

— Мы только предполагаем... — кивая головой, настаивал человек.

— Это не правда!

В круговерти дней и суете,
Мы порой о многом забываем,
Слова не даем сказать мечте,
И не слышим и не замечаем.

А мечта, она как Ангел рядом,
Только ждет, чтоб ты ее нашел,
Встретился бы с нею взглядом,
Мимо, чтоб, нее ты не прошел.

Видится прекрасная картина —
Мечта, Ангел и твоя Судьба,
Рядышком они, почти едино,
Правят твоей жизнью завсегда!

Так оно и есть на самом деле,
Только не хотим мы замечать.
И живем-то только в нашем теле,
Не давая духу помечтать.

Только размечтавшись, понимаем,
Безграничные возможности души,
Тут же возвращаться заставляем,
В тела плен, обратно, с полпути.

Страшно нам материю покинуть.
И в эфир стремимся все равно.
Вот бы научиться урезонить —
Жили бы в гармонии давно!

Не стоит ограничивать себя, мысли и желания способны изменить мир! Дерзай!

— А что прыгать, если ещё не на линии!

— ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ, НО ГОТОВЫМ НУЖНО БЫТЬ ВСЕГДА! Во-время сделать прыжок, когда будешь на линии! — со знанием дела сказал Случай!

— Сложно понять, когда пора. И нельзя всё спланировать заранее.

— Можно, поверь мне, можно! Случай не всегда может подвернуться, но вот упорная работа и движение к цели эту вероятность увеличивают.

— Неа... Всё свыше и, прыгай не прыгай, ты тот, кто ты есть.

— А ты знаешь, кто ты есть? — удивился Случай.

— В том-то и дело... — улыбнулся человек. — Знал бы, не интересно было бы жить.

— Тогда почему ты думаешь, что тебе что-то не доступно?

— Потому что мы предполагаем, а Бог располагает.

Случай в который раз улыбался от слов этого человека, уже не первый раз он говорил не то, что думает, а то, что говорят все.

— Забудь эти все крылатые фразы, они придуманы людьми завистниками, своего рода «зомбирование» народных масс, чтобы никто ни выделялся из толпы! Ты же не масса и не толпа — ТЫ ЛИЧНОСТЬ! — подбадривал Случай человека. — Неужели ты думаешь, что Бог позволил тебе родиться, чтобы мучить тебя?

— Нет... машину человек делает для того, чтобы ехать, а ракету для того, чтобы лететь... я раньше то же верил во всякого рода материализации и всё такое, бред полный, говорить себе, что всё хорошо, когда все плохо... У медали — две стороны.

— Не нужно говорить, что все хорошо и верить в это, нужно делать все наоборот — верить в то, что ты можешь сделать все хорошо! Не жди, когда мир придет тебя спасать, спаси его сам! Когда человек разуверился в том, что одной силой мысли может достичь звезд, он стал строить ракету, когда человек разучился путешествовать душой — он стал строить автомобиль! Все говорят о сторонах медали, но никто не говорит о том, из чего она сделана! А это важнее!!!

— А зачем? Хоть рушить, хоть спасать мир, какая разница? И из чего же сделана медаль? — любопытно поинтересовался человек.

— Вот когда ответишь себе на вопрос, из чего сделана ТВОЯ МЕДАЛЬ, тогда и поймешь разницу между рушить и спасать! Я-то знаю, из чего Она сделана, но это я знаю, ты должен понять все это сам.

Все говорят — смотрите, что творится в МИРЕ!

Как не поймете вы, что мир и ВЫ едины.

Как человечество свой выбор сделать может?

Если ему лишь только ВЫБОР ВАШ поможет!

Ведь ЧЕЛОВЕЧЕСТВО без вас лишь оболочка.

Принять нам выбор свой — дана рассрочка!

И опытом былых времен, подсказывает время.

Что ЕСЛИ НЕ ПОЙМЕМ — в чем ждет проблема!

Не ждите, что вас мир придет спасать,
СПАСИТЕ ЕГО сами, когда будет время выбирать —
Между ДОБРОМ и ЗЛОМ, ну разве это трудно!
Иль СОЗИДАТЬ, аль РАЗРУШАТЬ — кому что нужно?
Вы в созидании наполнитесь одним ДОБРОМ,
А в РАЗРУШЕНИИ исчерпаетесь только ЗЛОМ.
И в результате жизнь не будет вашей,
Не восклицайте ж, что же будет дальше?!
Что выберете ЛИЧНО — миром правит.
И в выборе, вас БОГ с собою в равных ставит!

- Не хочу говорить об этом, не хочу, ничего не хочу! Мне медали вообще не нужны, что я пёс победитель!
- Значит, ты уже согласился на поражение! Не обидно сдаваться?
- Но не всем же быть победителями!
- Смотря, что ты при этом проигрываешь?
- «Вот, — подумал Случай, — разве я виноват, что этот человек так устал и такой несчастный?»

Часть 4

ОДНАЖДЫ ЧУДО РАССКАЗАЛО...

Однажды вечером Чудо, улыбаясь, рассказало мирам удивительную историю...

- Расскажу, не поверите! — продекларировало Чудо.
- Расскажи же!!!! — просили старые и молодые миры!
- И Чудо, по особенному тепло, начало рассказывать:
- Я словно у окна, через которое видны тысячи вселенных — людей, а среди них две бабочки, друг с другом играясь порхают и кружат! А я удивленно касаюсь этого окна, хочу их предостеречь от удара о стекло, и вдруг моя рука через окно прошла насквозь, и бабочки остановились на лету! И буквально, почти касаясь их, призвал все Души света! И я знаю, что они это чувствовали.
- Ты прав, Чудо, — сказал маленький Мирок в центре молодой галактики, — люди...иногда говорят, что, как им кажется, стоит оглянуться и увидишь то, чье присутствие всегда ощущается.
- Как вы думаете, теплее стало им от этого или холодно, хочу от Вас услышать!
- Конечно только теплее! Потому что знают, кто о них думает!
- Но это не все! Это не конец, все только начинается! Эти вселенные или даже миры светлых Душ, они принадлежат ЛЮДЯМ! Все на несколько секунд остановилось! Все стояло без движения и в тишине, и я услышал такие слова! «Сотворенная вселенная для вести и сказания. Мир твой не далек, а он и не един был никогда! Да пусть тебе раскроются миры, но не забудь — не тебе решать, что забирать, а мирам решать, что отдать!»
- И тут бабочки вдруг начали своё движение, и все миры начали свою бурлящую жизнь!

Миры и мирочки с замиранием сердца слушали, умиляясь необычному, чудесному рассказу.

— И вот, — продолжило сказание Чудо, — я стою уже за окном, в невесомости. Нет ни земли, ни планет, а целые миры. И я даже боюсь прикоснуться к чему-то! Но невозможно не коснуться этих бабочек! Коснулся, и они стали искрами, что и создали иные миры, добавок ко всем существующим! И в том мире были яркие лучистые стрелы, и они соединяли все миры. А я играл на этих струнах музыки миров, звуками, подобными касаний лазера, управлял этими лучами-стрелами. И мне хотелось по капле отдавать свою любовь каждому миру, всей вселенной, которая принадлежит ЧЕЛОВЕКУ!

— А они же просто лишь люди! — с умилением заметил Мирочек!

— Лишь человек???? Разве этого мало!? — спросило Чудо. — В конце концов, всё и осталось не законченным для них!

— О Чудо! Прикоснувшись, сотворил музыку миров и новые миры! И в этом «всего лишь человек»!!!!

— Кто же ОНИ? ЧЕЛОВЕК! Кто ОН?

— Мы плохо знаем — кто такой есть на самом деле человек! Но, очевидно — что возможности его безграничны!

— Я вижу всё так реально и в цветах! — радовался новый Мир, — очень люблю слушать чудесные рассказы — это информация, которая доступна Чуду и которой чудесно может делиться с людьми, и с мирами!

— Я лишь видя свет, светлый луч, коснувшись его, превратил в мир! Вы понимаете, что только так творятся удивительные вещи?!!!!

От этих слов всё пространство миров засияло бушующей энергетикой, что ослепляла собой бесконечность!

— Да! — радовалась Вселенная!

— Привыкайте, скоро всегда будет так СВЕТАО! — со счастливой улыбкой сказала Чудо. — Мне эти хрупкие бабочки, души, открыли иное, чем я признавало до сих пор. И голос был таким, что не возможно им не любоваться! Не яркий и не глухой, но мелодичный, как колокольчики под весенним легким и шустрым дождём!

— Я счастлив!!!! — почти плача от эмоций, сказал маленький Мир. — В душе ярко-то как! «Мирам решать, что отдать!» Но мы — Миры, уверенно отдаем себя в надежные руки! Иногда человек, не замечая чуда, проходит мимо, иногда чудес так много, что Они к ним привыкают — милостивый Творец, сделай так, чтобы Чудо сделало Человека зрячим!

— Вселенная... Однажды... явила Душе... Величие... Лению.

Спокойствие и даже невозмутимость означало ее лень. А ведь только Вселенная, в своем покое не ленива — это человек ленивый, не умеет смотреть и видеть всё и вся сразу! Ленивый... не правильное слово! Это скорее похоже на оцепенение в момент созерцания чуда! Лень — первоначально означала невозмутимость, и лишь потом люди сделали ленью бездействие своей Души! Свет — побеждающий тьму — это ЛЮБОВЬ, и невозмутимость души!

— ЛЮБОВЬ, — с трепетом повторил маленький Мир.

— Вот так две бабочки подарили сколько радости! Теперь светом она явилась для нас? А я как будто с этими бабочками в невесомости Вселенной, озаряю и творю, всегда мысленно с ними.

— Я греюсь в лучах этого света.... ваших чувств и любви! — шепотом сказал маленький мирок, и все миры, большие и малые, улыбались ему!

— Жаль только, что многие люди пока не потеряют все — ничего не понимают!!! Они очень скоро увидят то время, когда их бумажные деньги будут валяться у них под ногами, но они не будут их поднимать! Когда человеческое тепло будет заменять тысячи киловатт энергии! Когда в мире иных ценностей они обретут самих себя, и научатся ЖИТЬ, рисовать на своих холстах, писать стихи, и ЛЮБИТЬ, не думая, что это кто-то сможет погубить дефолтом или невежеством! Все в мире живое, и мысли, и Планеты — люди АВАТАРЫ! Они поймут, что со всем можно жить в согласии! И какие бы стихии не происходили в их мирах — они научатся не бояться! Что может навредить ИМ — если ОНИ ВСЕЛЕННАЯ!

Сказано — значит услышано!

И МЫ СВОИМИ МЕЧТАМИ БУДЕМ ПРИБЛИЖАТЬ ЭТО ЧУДЕСНОЕ ВРЕМЯ!!!!

Я наверно, не скажу иного,
Вы и так все сможете понять,
Чувству большего, а не больш́ого,
Вы старайтесь больше доверять!
Скажете, что я прошу так много?
Но ведь это невозможно отобрать!
Не отнять молитву у святого,
Вам решать, как жить и как страдать!
Шторами души не затеняйте,
Да не небо видеть — НЕБЕСА!
Весь Мир в душе своей встречайте,
И тогда случатся ЧУДЕСА!
Ждет веками этого Земля!
Ждет Она — надеясь на тебя!!!

МЫСЛИ НАШИ, ПОДОБНЫ ВЕТРУ. МИР, В МГНОВЕНЬЕ, ОБЛЕТАЯ, ОДАРИВАЮТ ЗЕМЛЮ МИЛОСТЬЮ НАШИХ ПОЖЕЛАНИЙ И НАШЕЙ ЛЮБОВЬЮ! МЫ ВСЕГО ЛИШЬ ЛЮДИ — НАМ ПРИНАДЛЕЖИТ ВСЕЛЕННАЯ, МЫ В ОТВЕТЕ ЗА СЕБЯ И ЗА ВСЕ МИРЫ, КОТОРЫЕ СОЗДАЕМ ЧУДЕСНЫМ ОБРАЗОМ В МГНОВЕНИЕ РОЖДЕНИЯ НАШЕЙ ДУШИ!

Часть 5

ОДНАЖДЫ МОРЕ ДУШИ РАЗДЕЛИЛО!

И вот одна душа к другой в признании стремится!

«Я не могу не думать о тебе!

И я хочу сейчас быть лишь просто тенью, далеко от места, в котором теперь нахожусь... что так далеко от тебя, и стать, наконец-то, ближе к тебе хоть на шаг!

Прикоснуться только лишь дыханием чуда, чтобы зыбкой дрожью подарить присутствие свое.

Напомнить только дуновением, что есть на свете я... и ветерком развеять облака... те, что сейчас грустят дождем над твоей головой. Чтобы лучом приветливого солнца, даровать тебе свой поцелуй...

И вольность всех чувств моих, явить всем водам моря, что расплескалось у ног твоих! Окутать и обнять, любя, как вечер, что сейчас с тобой, укутывает тебя тайной....

И исцелить тебя, прикосновением волн чудесных... невзгоды бризом отведя...

Искриться в радуге простой хрустальной надеждой... и каплей Мира на ладонь твою упасть!

Хочу лишь дуновением ветерка напомнить о себе... и возвратиться вновь домой, в бескрайнюю Вселенную моей ЛЮБВИ!

И мне ни капли не утаить того, что я должна отдать тебе, любя... Пусть даже ты и не заметишь, как ветерок дарует тебе чудо, а небо капли, а солнце лучик, а море ласку... А я — свою любовь!»

ТВОЯ ПОЛОВИНА...

... монолог уставшей души!

«Как мне не хватает тебя». Он прошептал это на выдохе, едва дыша. И чувство отчаянной ненаполненности обожгло душу, словно кислота. А мысли беспорядочно искали то оправдания, то обвинения, то доводы неверия. И в суете дня тысяча и один раз единственный вопрос: — «За что?»

— За что судьба мне подарила тебя? За что — ты не моя? За что?...

Теперь все для меня лишь половина! Зачем мне только половина мира?

А знаешь?... Давай я подарю её тебе! Возможно так, наша любовь станет единой, ЕДИНОЙ для меня и для тебя...

Не хочешь?... Нет, наверное, ты не захочешь! Возможно, что твои-то целы небеса.

Тогда зачем, в твоих глазах, такие для меня родные, звезды???

Х-м... какая малость — лишь половина... Тем более, когда и не нужна... и может быть, она её совсем не примет, не захочет...

Как быть? И, что мне делать с этой половиной?

О, как не хватает мне тебя!!!

А знаешь?... Пусть и половина! Но ПОЛОВИНА-ТО ТВОЯ!!!

07.09.12.

*Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)*

КОЛДУНЯ

До войны бабу Варю в деревне знали все. По-разному к ней относились односельчане — одни с уважением, другие с некоторым испугом, а были и такие, что просто ненавидели ее и называли — «ведьмой» или «колдуньей». В бабе Варе и впрямь было что-то потустороннее: густые черные с проседью волосы никогда, видимо, не знавшие гребня, всегда выбивались из-под платка и торчали жесткими пучками в разные стороны. Но не это главное, что пугало и настораживало людей — ее пристально-острый взгляд прожигал общающегося с нею человека, и редко кто мог его выдержать.

В деревне баба Варя появилась еще до революции. Ее отца с юга пригласил на заработки в село его товарищ по армейской дружбе — они вместе воевали в Первую мировую войну. Отец был хорошим кузнецом, поэтому зарабатывал приличные деньги. Через год он построил себе кирпичный дом и привез туда всю свою семью — жену, двух сыновей и дочку, которая вскоре вышла замуж за сына его друга. Зажили они хорошо, но большевистский переворот семнадцатого года раскидал семейство по всей необъятной России. Новая власть объявила отца Вари «кулаком», выгнала всю семью из дома. Отец попробовал было поспорить с властями, и ... оказался вместе с сыновьями в лагерях далекого Севера, где они и погибли. Друг отца оказался более сговорчивым с новой властью и даже устроился каким-то мелким начальником. Варина мать, узнав о смерти мужа и сыновей, уехала на свою родину, к родне. Она звала и дочь последовать ее примеру, но та отказалась из-за любви к мужу.

Варя стала жить с мужем у его родителей в просторном деревянном доме, где места хватало всем — и родителям мужа, и новой семье. Через год она родила девочку, которая и месяца не прожила — умерла от какой-то болезни. Через два года она вновь рождает, уже мальчика, но снова смерть забирает ребенка. Больше у нее детей не было. На семью в тридцатые годы обрушился целый шквал несчастий. Сначала из-за каких-то недочетов на службе осудили ее свекра и выслали на Соловки, откуда уже через год прислали бумагу о его смерти. Мать мужа не выдержала такого удара и зимой умирает от воспаления легких. А через год с мужем Вари произошло несчастье: от колхоза его послали в город на учебу и на какой-то вечеринке он ввязался в драку, желая защитить своего товарища, где и получил удар ножом в шею. Его смерть была мгновенной.

Оставшись одна в большом доме, Варя сначала мучилась от одиночества, потом понемногу привыкла к своему новому положению. Через год даже хотела выйти вновь замуж. Из города приехали молодые рабочие для налаживания техники. Варя работала в телятнике, где проводили механическую линию для кормления телят. Один из городских рабочих ей понравился.

И они уже было стоворились о свадьбе — как оказалось, что у него в городе есть жена и двое малых ребятишек. Свадьба не состоялась.

Варя снова стала жить одна. Большой свой дом она продала и купила поменьше в конце деревни, ближе к лесу. Завела хозяйство — кур, поросенка, огород и небольшой яблонево-сливовый сад. К своему одиночеству она привыкла, свободного времени почти не было — работа, домашние хлопоты занимали весь день. С соседями она общалась мало, в магазин ходила два раза в неделю, но и там, кроме продавца, ни с кем не говорила.

Она была невысокого роста, худощавая, с симпатичным лицом, которое немного портил большой цыганский нос, черные жесткие волосы говорили о ее южном происхождении. Да она сама не скрывала, что ее бабушка была молдаванка, а дед — цыган. Одеваться Варя любила ярко: на цветастом платье всегда красовался передник, шею часто украшали тяжелые янтарные бусы. Даже на работе, где ее подруги одевались излишне скромно, в темные одежды, одежда Вари привлекала посторонние взгляды некоторой цыганской оригинальностью. Конечно, мужчины часто на нее поглядывали с вожделением, но Варя вела строгий образ жизни. За это разбитные молодухи недолюбливали молодую женщину и всячески наговаривали на нее небывицы. Но Варя могла себя защитить и другим способом, который она унаследовала от своей бабки. Молодая женщина чувствовала в себе какую-то странную, потустороннюю силу. Она могла одним только взглядом заставить злую собаку сделаться на время ласковым щенком, пьяного мужика, который лез в драку со всеми, превратить в слезливого ребенка и еще многое такое, о чем лучше и не знать. Злые языки говорили, что это у нее от черной силы, но Варя каждую неделю ездила в соседнюю деревню в церковь, а дома у нее в углу висели старинные образа, часть досталась ей от родителей мужа, а некоторые еще принесла от своей бабки. Когда коммунисты устроили гонение на верующих, иконы ей пришлось спрятать, кроме одной — «Богоматери с младенцем». Парторг колхоза, который знал об этой иконе, сам лично хотел сорвать образ со стены, но когда он протянул руку к иконе, почувствовал внезапную сильную боль в груди. Он отошел от иконы, и боль прошла. Парторг молча покинул дом Вари и никогда больше не подходил.

Другой странный случай произошел с ее соседом, злым пьяницей и дебоширом. В Варином саду росла яблоня, которая каждую осень приносила крупные, сладкие яблоки. Варя ими угощала всех знакомых. У ее соседа, наоборот, яблони давали мелкие, кислые плоды. После очередного запоя, сосед залез в сад Вари и спилил счастливое дерево. Варя, увидев гибель своей кормилицы, в сердцах, громко крикнула ему: «Чтобы тебя твой пес искусал!»

На другой день, огромный рыжий волкодав, которым так гордился сосед, без всякой причины набросился на пьяницу и сильно его поранил. Тому пришлось целый месяц отлеживаться в больнице. Пса пришлось усыпить — ветеринар признал его больным бешенством.

В деревню несколько раз приезжала милиция, опрашивала соседей о вредоносном поведении Вари, но никто не смел оклеветать ее — одни из-за уважения, другие попросту боялись. Даже сам парторг дал ей отличную характеристику, и милиция отстала от Вари. Да и за что ее было на-

казывать? Она всегда работала телятницей, животные у нее находились в чистоте, всегда накормлены, напоены, почти никогда не болели и были гораздо здоровее, чем у ее подруг. Она редко обращалась за помощью к ветеринару, сама лечила травами подопечных. Варя и односельчанам часто помогала избавиться от хвори. В ее доме сушились на стенах пуки разных трав, и если приходили соседи с жалобами на свое здоровье, она брала несколько щепоток сухих растений, бросала в жестяную кастрюльку, заливала водой, кипятила не более пяти минут и отдавала болящим людям. Почти всегда ее снадобья помогали. Даже злой сосед, погубивший яблоню, лечился у нее от болезни живота. Варя сама не знала, как у нее все получалось, откуда появлялась неведомая сила, которая могла успокоить болезни, подсказать, что будет с неизвестным ей ранее человеком. Как она говорила знакомым: у них в роду по женской линии все обладали такой чудодейственной силой!

Шли годы и Варю начали величать «бабой Варей». Волосы ее, когда-то иссиня-чёрные, стали приобретать цвет пакли, но их густоту и жесткость не могло умалить жестокое время. Они торчали из-под опрятного платка, как пуки сухой травы, делая лицо бабы Вари похожим на образ бабы Яги: большой нос свешивался над беззубым ртом, нижняя челюсть с тремя выступающими зубами могла бы показаться ужасной, но добрый взгляд и ласковый голос привлекали людей. Но если кто-то пытался обидеть эту женщину, то она превращалась в ужасную фурию. И долго потом обидчик не мог успокоиться от пристально-жесткого взгляда бабы Вари.

Еще в сороковом году, когда о страшной будущей войне никто и не говорил, баба Варя потихоньку ото всех готовилась к чему-то ужасному: прикупала крупу, соль, сахар и другие продукты. Все эти запасы она хранила в погребе, в саду, недалеко от дома. Этот погреб ей достался от прежних хозяев, там хранили овощи зимой. Она о своем предчувствии никому не говорила, так как всегда была молчаливым и замкнутым человеком.

Известие о начале войны все село повергло в какое-то оцепенение. На улицах и дворах не было видно людей и животных, собаки и петухи, будившие жителей, как-то неохотно подавали свои голоса. Эта тишина прошла только через неделю, когда мужская половина села стала получать повестки из военкомата. На каждом дворе пьяные песни перемешивались с бравурными выкриками о силе русского мужика перед всякой фашистской нечестью. Еще через неделю улицы вновь опустели. В магазине отпускали продукты в небольших количествах. Баба Варя слышала от соседки, что «немец придёт со страшной силой и скоро будет в их селе».

Как-то утром перед магазином появилась рота молодых солдат. Их командир объявил жителям, что около их села проходит дорога на железнодорожную станцию. Вот эту дорогу их прислали защищать от неприятельских сил. Эти защитники, численностью 60 человек имели один старый пулемет «Максим», чудом сохранившийся со времени Гражданской войны, двадцать таких же старых винтовок, и у каждого бойца была еще бутылка с зажигательной смесью. Днем молодые солдаты рыли окопы вдоль дороги, а вечером их командиры отпускали в клуб на танцы. За все время существования их села женская половина не видела столько кавалеров. Но это веселье про-

должалось недолго, через три дня в небе появились самолеты с крестами и опрокинули свой смертоносный груз на село и вырытые окопы. Еще через три часа на дороге застрекотали немецкие мотоциклы с пулеметчиками. За ними гудели тяжелые танки, изредка выплевывая свои снаряды в сторону окопов. Не более десяти минут продолжался бой. Немецкие танки и мотоциклисты проследовали в сторону железнодорожной станции, оставив после себя развороченные окопы и груды еще теплых солдатских тел.

Когда началась бомбежка, баба Варя сначала полезла в подвал дома, но почувствовала там некоторую неуверенность и перебралась в погреб, вырытый в саду. Когда грохот от взрывов бомб утих, она осторожно приоткрыла тяжелую дверь и слабо «охнула». Вместо дома стояла разбитая печка и кучи мусора из кирпичей и досок были разбросаны по всему бывшему саду. Бомба попала в соседний дом, где жил ее недруг-сосед, оставила большую воронку, и унесла жизнь всего семейства — они прятались в каменном подвале. Этот сосед хвастался всем в деревне, что у него непробиваемый бункер, который может выдержать любой артобстрел.

Через день, к вечеру, в село приехали две машины с немецкими солдатами. Они по-деловому обшарили все оставшиеся после бомбежки дома, забрали продукты питания, ценные вещи, согнали оставшихся в живых жителей на площадку перед магазином и объявили им новые условия жизни при фашистской власти. Они должны были каждый день ремонтировать дороги у себя в селе, и содержать в порядке большую дорогу на железнодорожную станцию. Работать должны будут все! В клубе новая власть устроила себе штаб и казарму.

К бабе Варе немцы тоже приходили с обыском. Один солдат встал у входа, другой заглянул внутрь темного помещения, посветил фонариком, увидел большой желтый самовар, небрежно бросил его в мешок и вышел к приятелю. Тот ему что-то сказал по-немецки, указывая на бабу Варю; они весело засмеялись и ушли. Свой погреб баба Варя устроила для жилья давно, у нее там была даже печка, сделанная из железной бочки, железная труба работала вытяжкой для дыма и вентиляционным отверстием. Продукты были припрятаны в надежном месте и она могла не беспокоиться о своей дальнейшей жизни. После бомбежки много солдатских мешков и шинелей валялось в разбитых окопах. Солдаты, которых прислали для охраны дороги, почти все погибли, а кто остался в живых ушли в лес или попали в плен к немцам.

По дороге к станции в вечернее время по два-три человека шли беженцы, в основном это были старые женщины и дети. Все шли к железной дороге, надеясь укрыться где-то от тягот войны.

Однажды в холодное октябрьское утро баба Варя увидела недалеко от своего жилища лежащую на земле старуху и обнимающую ее девочку лет девяти. Около этих фигур были разбросаны вещи. Баба Варя подошла ближе и увидела, что старуха мертва, а девочка находилась в бессознательном состоянии. Пожалев ребенка, она отнесла ее к себе в жилище, потом вернулась, собрала на дороге жалкие пожитки этих беженцев, а тело умершей старухи оттащила в ближайшую воронку, где и присыпала землей. За время войны на этой дороге она видела много смертей — реже от бомб, чаще от бандитов и мороза. Недавно к ней тоже пришли двое парней лет шестнадцати,

они грубо обшарили ее жилище, содрали со стенки икону в серебряном окладе, два раза несильно ударили хозяйку и ушли. Баба Варя крикнула им вдогонку, что если они не вернут украденное, то погибнут. Те только посмеялись. Через два дня один из бандитов вернулся, отдал икону хозяйке и попросил прощения, сказав, что его друга застрелил немецкий патруль. Баба Варя усмехнулась: «Бог простит! Иди и больше не воруй!»

Девочка у бабы Вари пролежала в беспомощности около десяти дней. Только знахарское искусство помогло ей выжить. Когда ребенок очнулся, то сразу спросил о своей бабушке, на что баба Варя ей ответила: «В дороге ты простудилась и заболела, твоя родственница тебя оставила у меня лечиться. Она придет за тобой весной, когда будет тепло!»

Под немцами им жилось очень тяжело. Спасал лес — он давал и немного пищи и дрова. Так баба Варя и Катя, так звали ее приемную дочку, прожили два года. Все чаще над их деревней пролетали краснозвездные самолеты, все ближе слышался рокот стрельбы тяжелых орудий. А однажды утром они увидели уезжавших на машине немецких солдат, а на другой день в село въехали два советских танка с ротой солдат. Радость сельских жителей была неопишима. А когда солдаты накормили их гороховым супом и кашей, они поняли, что немцев изгнали окончательно.

Баба Варя сумела обменять свои нехитрые лесные запасы: сушеные грибы и ягоды, на настоящую крупу и мясные консервы. Село потихоньку стало отстраиваться. После войны сельчане восстановили совхозное хозяйство. Из Германии привезли два иностранных трактора, которые, не проработав и года, пришли в негодность, то ли с ними не так обращались, а скорее всего из-за тяжелой глинистой почвы. Немецкая земля, удобренная пеплом сожженных людей всей Европы, была более сговорчива к работе с такой техникой. К началу пятидесятых годов советская промышленность вместо танков стала производить и сельхозтехнику, более приспособленную к русской земле.

В семье бабы Вари тоже произошли большие перемены: Катя вышла замуж за молодого солдата, недавно демобилизованного из армии, у нее родился сын, которого отец назвал Володей. Молодая семья переехала в совхозное общежитие, рядом с ними пристроилась и баба Варя, ей поручили воспитание малыша.

Мужа Кати отправили на учебу в город. Он редко появлялся в своем селе, а после окончания учебы и совсем пропал — женился на городской женщине, у которой тоже был ребенок. Ее муж погиб в последний год войны. Сельчане говорили, что он женился из-за городского благополучия. У вдовушки был свой дом, хорошо налаженное хозяйство. Катя первое время была в большом расстройстве и все хотела куда-нибудь уехать. Такой случай не заставил себя долго ждать: в их колхоз прислали депешу, в которой говорилось, что им надо выслать для восстановления Ленинграда молодых и здоровых женщин. И вот, Катя с сыном и бабой Варей оказались в большом городе, напоминавшем запустелое кладбище. Некогда красивые дома были разрушены полностью или разбиты до неузнаваемости. В городе оставалось немного нетронутых войной домов. Вот такой дом, вернее, подвал, предложили для временного жилья Кате с семьей. Помещение было сы-

рое, холодное. С ребенком там жить было опасно. Катя стеснялась обратиться к своему начальству, но баба Варя имела более напористый характер. Она появилась у большого начальника в обеденный перерыв, не слушая секретаршу, грубо открыла своей клюкой массивную дверь и, увидев нестарого мужчину, пьющего чай, громко сказала, что если сегодня ей с внуком не дадут нормальное жилье, то этот начальник через месяц умрет от рака желудка. Если же ей понравится новая квартира, то она ему поможет еще пожить некоторое время своими лекарствами. Через час бабу Варю сам этот начальник проводил в другой дом. Этому человеку врачи поставили неутешительный диагноз — рак желудка, и пообещали, что жить ему осталось всего два-три месяца. И когда не весть откуда свалившаяся колдунья обнадежила его, то он готов был выполнить ее любое желание.

Баба Варя сдержала свое слово: всего за неделю она остановила раковый процесс в его организме, а потом этот начальник быстро пошел на поправку. Получив вторую жизнь от неведомого лекаря, он всю свою энергию направил на улучшение жизни семейства бабы Вари. Катя из строительных рабочих была переведена в штат его работников, где занималась перекладыванием бумаг из одного шкафа в другой, бабе Варе оформили пенсию по высокому разряду, внука устроили в лучший детский сад, питание у них было, как у самого начальника — по высшей категории. Летом все семейство отдыхало в санатории на Черном море. Да и куда было деться этому начальнику, если его существование на этой земле полностью зависело от жизни деревенской старухи. Ее он всегда уважительно называл — «любимая баба Варя, моя спасительница».

Его друзья тоже лечились у знахарки, и она многим помогла восстановить подорванное войной здоровье. Свою Катю она тоже пристроила за одного офицера, у них получилась крепкая семья. Катя родила двоих здоровых малышей и была счастлива в новой семейной жизни. Никаких хлопот у бабушки с внуком тоже не было: мальчик хорошо учился в школе, мечтал стать военным летчиком. Внук много занимался спортом, особенно любил бокс. На всех соревнованиях он одерживал победы, и ему тренеры обещали в будущем стать великолепным боксером. Но на одной тренировке ему случайно повредили глаз, и он отказался от карьеры боксера. Видимо внук догадывался, что все его успехи зависели от желания его бабушки-колдуньи. Да, та и не скрывала, что пока она будет жива, вся ее внутренняя сила будет направлена на благополучное устройство жизни ее семьи и хороших знакомых.

Сколько ей было лет — она и сама не знала! По документам, которые ей помог выправить начальник, значилось «восемьдесят пять». Но она часто говорила внуку, что ей гораздо больше. Она хотела дожить только до «ста» лет и не более! Поэтому, в будущем, если у внука в жизни все будет хорошо, то в этом будет и ее заслуга.

Как баба Варя говорила внуку, так все и происходило. Внук окончил летное военное училище, служил в истребительной авиации, часто был в боевых командировках и всегда удачно проводил опасные полеты. Однажды, когда он возвращался с такой командировки, самолет потерпел аварию. Последними его словами, обращенными к спасателям, были: «Баба Варя — колдунья... УМЕРЛА!»

Екатерина Алексеева
(Россия, Санкт-Петербург)

ГЛАЗА РЕБЁНКА

*Вылупившаяся из уютного гнезда, доверчивая птичка,
ты вылетаешь в этот солнечный мир,
чтобы покусать насекомых,
точно также весь мир хочет отведать тебя.*

Наслаждаясь теплым, летним вечером Ольга возвращалась с работы домой. Этой дорогой она ходила десятки раз. Перед глазами все тот же привычный пейзаж тесно примыкающих друг к другу каменных, пятиэтажных домов, серая лента пыльного асфальта, гул мелькающих автомобилей, грохот проходящего трамвая.

Работа у Ольги была несложной, но и не высокооплачиваемой. За большими деньгами девушка не гналась, главное чтобы работа доставляла удовольствие. Однако удовольствия от работы лаборантом в Русском музее она получала мало. Единственная радость, что в компании всегда можно было с гордостью сказать, что ты сотрудник Русского музея, у слушателей при этом всегда вытягивались лица и широко открывались глаза. Затем задавался вопрос: «Это наверно очень увлекательно работать в Русском музее?»

Ольге приходилось подробно объяснять, что ее роль очень скромна. В ее обязанности входит приходить к девяти утра, сидеть за столом, отвечая на телефонные звонки, и ждать распоряжений престарелой начальницы. В зависимости от настроения начальница поручала Ольге сортировку учетных карточек в картотеке или удаление пыли с произведений искусства, хранящихся в запасниках музея. А большую часть времени приходилось просто сидеть и скучать, дожидаясь пяти часов вечера, чтобы отправиться домой. Для живого характера девушки такое времяпровождение было особенно мучительно. Более решительный человек быстро изменил бы ситуацию, а Ольга все сомневалась, ждала, что все как-нибудь изменится само собой. Ведь ей только семнадцать, еще нужно закончить институт, встретить хорошего парня. Без сомнения, для такой милой девушки, как она, все будет светло и радостно, без особых усилий.

Остановившись у тележки с мороженым, она выбрала любимое шоколадное эскимо. Наслаждаясь бодрящим сочетанием сладкого молока и шоколада, она чувствовала полноту жизни, покой и самодостаточность. Что еще нужно человеку для счастья? Тихий, теплый вечер, молодость, красота, новая светлая юбка обвивается вокруг стройных ног в модных итальянских босоножках и, конечно, мороженое! И еще пара-тройка восхищенных мужских взглядов — не помешает!

Так, довольно мурлыкая, она дошла до угла дома на пересечении проспекта и маленькой улицы, где стоял ее старый, пятиэтажный дом. Ольга

уже хотела свернуть на свою улицу, как путь ей преградила молодая, статная женщина с ребенком. Круглое лицо женщины, обрамленное темными кудрями, нетерпеливо подрагивало, маленькие черные глазки упорно старались показать страдание и нужду. С первых слов женщины Ольга поняла, что у нее сейчас будут просить деньги. Девушка уже знала, что нельзя давать деньги попрошайкам, поощряя их преступную деятельность. Такие просьбы сродни краже. Прикинувшись больными, брошенными калеками, такие люди стремятся нажиться, играя на добрых чувствах доверчивых людей. Живя в большом городе, Ольга знала о существовании хорошо обученных банд мошенников, не желающих зарабатывать деньги тяжелым трудом. Однажды она видела, как один псевдо-калека подъехал на автобусе к церковной паперти, сам вытащил свое инвалидное кресло из автобуса, подвез его к месту своей «работы» и спокойно в него уселся. Поэтому на подошедшую к ней женщину она едва взглянула, пытаясь обойти ее стороной. Но доли секунды ее замешательства было достаточно, чтобы упорная дама завладела ее вниманием. Женщина говорила так горячо и убежденно, что Ольга стала прислушиваться к ее словам и захотела рассмотреть ее более внимательно. Она увидела, что одежда на женщине чистая и новая, значит, она вполне могла обмануться и оттолкнуть действительно хорошего человека, нуждающегося в помощи. Ободренная заинтересованностью девушки, женщина начала говорить с таким жаром и искренностью, что каждое ее слово о помощи отзывалось сочувствием в душе Ольги, она начала верить женщине.

Пока мать изливала свои горести, у ее ног крутилась семилетняя девочка. Она то обнимала мать за талию, то старалась спрятаться ей за спину. Лицо девочки, постоянно скрывалось в складках материнской юбки. Ольга переводила растерянный взгляд с честного лица матери на лицо девочки и встретила странное выражение, совсем не соответствующее словам и лицу матери. На Ольгу сверкнули хитрые, лживые глазенки и опять быстро спрятались в юбку. В это время мать все горячее и горячее доказывала свою искренность, в довершение своих слов она заверила Ольгу, что она обязательно вернет ей эти деньги, завтра на этом же месте в то же время. После таких обещаний Ольга согласилась дань женщине небольшую сумму.

На лице матери появилось столько радости и облегчения, что Ольга пришла домой счастливая, сознавая свое доброе дело.

Дома Ольга привыкла рассказывать родителям все, что с ней приключилось за день. И сейчас она рассказала матери, что у нее на улице попросили денег и она дала. Мать застыла на месте, уставившись на дочь изумленными глазами.

— Оля! Ты с ума сошла! Зачем ты это сделала?

— Я это сделала потому, что женщина пообещала мне вернуть эти деньги.

— Неужели ты в это веришь? — возмутилась мать. — Отец, ты слышал, что говорит твоя дочь?

Ольга рассказала историю отцу. Он хмыкнул и повеселел:

— И много ты ей дала?

- Десять рублей.
- Лучше бы купила себе ведро мороженого! — воскликнула мать.
- Отец заглянул в прозрачные глаза дочери.
- Неужели ты веришь, что она принесет тебе деньги?
- Верю! — упрямо повторила Ольга, но в лицо родителям почему-то смотреть было неприятно. В душу закралось сомнение.

На следующий день, в назначенное время Ольга стояла на углу пересекающихся улиц, вглядываясь в прохожих. Чем больше проходило времени, перед ней все отчетливей возникали глаза девочки. Ольга опустила голову и пошла домой.

Михаил Рыбаков
(Россия, г. Устюжна)

ЗОРЬКА

К пруду вышел задолго до первых лучей. Ещё дремали в мареве раннего утра кувшинки, изредка пробежали испуганные водомеры и прятались в осоках... Побросав привычно прикормку, наблюдал, как расходящиеся круги будят обитателей пруда. Из зарослей очерета выпорхнула утка, и касаясь крыльями воды, скрылась за выступом. Проснулся певец весенний и выдал первую трель, помолчал несколько секунд и залился пересвистами и трелями! Утро началось...

Солнце пробилось сквозь лёгкое облачко и кинуло первые лучи, осветив ольховник на противоположном берегу, а тот отразился серебром мельтешащей листвы, как говаривал персонаж — картина маслом!

Заброшенная удочка — уснула над водой, дремал пока поплавок, но... но... И вдруг, не дёрнувшись даже, он тихонечко поплыл к лопушкам кувшинки... Карась! Это его повадки... Подсёк слабенько, не надеясь на первую удачу и потянул... Не тут-то было! Он упирался, сгибая в дугу ореховую удочку. Боролись долго и упрямо — кто кого? Повезло мне! Красавец! Жёлтый, упитанный, горел в лучах увесистым блином, вселяя надежду на удачу...

11.03.15

СПАСИБО ЗА...

Как же быстро пролетели эти годы.

И вот знакомый полустанок, родной дом, не заходя, дотянулся до веранды, бросил рюкзак, следом мольберт... «Гол, как сокол» — говорят. Всё, что нажил... правда в культурной столице, открылась скромная выставка — девять полотен, которые не стыдно поглядеть.

Почти бежал в дальний кут участка, где рос виноград... «Кто меня ждёт, на что надеешься? Ни весточки, ни слуха, ни духа... Он потянул на себя сухую, старинную ветвь, скрипнула калитка... Он только переступил порожек, как его накрыло сзади облако синего шёлка.

Всего ожидал, ко всему был готов... десять лет, срок не малый.

— Роза?

— А ты сомневался? Моя блуждающая любовь! Я заметила тебя на перроне, но не бежать же? Смешить люд...

— Боже... а... а это кто?

— Это Липочка, подружка моя.

— Постой!

— Ну да, я сама поняла, после твоего бегства... Испугалась до посинения... Потом опомнилась. Расчистила старый погреб, за перегородкой

оказался винный погреб и старого вина много... Ты куда? Перепугаешь, дурной...

А он налетел на дочку, поднял на руки и закружил розовое облачко. Липочка от счастья хохотала.

— Мапочка, это кто? Наш папка? Он прелесть!

— Девочки, пора домой! Иначе я вас съем, как голодный мишка.

— Так мы здесь живём, Гриша. Пока ни одна душа не знает о существовании Липочки. Года три тому, сходила в ЛОО, наняла тележку и купила два мешка муки, сулею постного масла и много специй, пока обходились.

— Покажи мне погреб.

— Вот лаз, спускайся, недавно окна промыла, там хорошо и светло..

Он глядел на Розу и диву давался... Казалось бы, флегматичная горянка, а сколько огня таится в этой душе и сколько яркой любви в теле.

Он долго копался в южном кутке, пока не добрался до узкой двери, которая долго не поддавалась.

Наконец, Гриша ударил плечом и повис на старом канате.

Почувствовав неладное, Роза приказала дочке сидеть на скамеечке, сама нырнула в лаз, позвала и когда не получила ответа — всполошилась, заметалась, а потом увидела тусклый отсвет и бросилась туда. Григорий успел крикнуть:

— Не смей, — и она остолбенела, увидя в дверь провал и голову Гриши.

— Миленький, ты как?

— Держусь. Посмотри доку или рейку какую...

— Нашла, — слышался Розин голос, — что делать?

— Высунь конец наружу, сядь на другой конец и жди.

Повиснув на левой руке, Гриша обмотал конец доски тросом, уцепился рукой за доску и подпрыгнув, как бы переместил тело на доску. Тамара видела всё, но встать не могла, потому что Гриша оказался бы в пропасти. Соображая... она увидела бельевую верёвку, еле дотянулась до неё и бросила конец Григорию... Вцепившись, Гриша почувствовал, что она, к чему-то привязана и потянув, оказался на доске всем телом и поднатужась стал перемещаться внутрь... И это удалось! Роза бросилась к Грише, толкнула дверь, и та наскочив на доску, вывалилась из петель и почти улетела в пропасть, зацепившись крючком за шлаг троса.

Гриша втащил дверь обратно, вставил в петли, закрыл наглухо и вверху распёр обрубком бруса.

— Там должна была быть площадка, не зря старый трос висит, наверное проржавела и рухнула. Надо будет поглядеть потом. Показывай, где вы здесь устроились?

— Рядом есть небольшой погребок, на удивление светлый и сухой. Пойдём, я тебе хачепури приготовлю.

— А почему мне?

— У нас скудные запасы, Гриша. Я уже подумывала сходить в ЛОО...

— Так. Где Липочка?

— Должна сидеть на лавочке.

— Пойдём к ней, Роза.

Гриша был счастлив до вьющихся кудрей.

— Пойдёмте, мои затворницы, сдаваться властям. Надо документы Липочке выправить, надо в дом переселяться. Надо...

— Постой, Гришенька...

— Ну да и свадьбу закатим! А сейчас — прибираться в доме, там пыли на весь посёлок, с макушкой...

И вот они, не торопясь, переоделись в простую робу, взяли тряпки, веник, совок и воду — приступили к работе, которой, казалось, не было конца и края. Но край пришёл с гостем разом.

— Эй, кто здесь хозяйничает?

— А вы кто будете?

— Я Коста, местный, ночной сторож. Документы!

— Ладно, дядя Коста, это я, Гриша.

— Точно ты, сынок? Покажись.. Ага, здравствуй, хозяин, передаю вахту. Живите, плодитесь.

— Весёлый старик.

— Ещё бы, сто два будет в октябре.

— Он наш родич, Гриша?

— Он всем родич... наверное...

Пока Роза и Липочка заканчивали уборку, Гриша смотался в магазин, набрал столько еды и гостинцев, пришлось друга школьного, Зиновия, просить помочь.

Дошли до местного кузнеца, спеца по колечкам и украшениям.

— Привет, Георгий! Коста хвалился, что хорошие украшения есть?

— Есть, дорогой, только не по твою честь.

— А ты покажи...

— Ну... гляди, — и он откинул бархатную ткань.

Украшение в форме полумесяца, за облачком, било в глаза.

— Поскромнее что-то найдётся?

— Ха... А как же...

Он достал берестяную шкатулку изумительной работы.

— Разбираешься?

— Художник я.

— Погоди... Гриша... Калина?

— Он самый.

— Так что ж ты мне голову морочишь, — он было хотел убрать шкатулку.

— Погоди, Жора, оставь мне.

— Дорогая...

— О цене после. Дай гляну настоящее?

— Ну раз так... гляди, — и вывалил из прикрытого ларца содержимое...

— Так... это другое дело. Это, бирюзовое и серёжки и этот штампик.

— Слышь... мне же нечего продавать будет...

— Потрудишься, дорогой, продашь, — уверенно сказал Гриша, — это я беру. Покажи в берестяночке...

— Вот, а ты говоришь — нечего, и это беру со шкатулочкой.

— Как рассчитаемся, художник?

— Могу деньгами, но есть вот это...

Гриша раскрыл конверт из шкурки песка и вывалил на стол содержимое.

Кузнец не сдержался, крикнул.

— Понимаю, дорогой, товар отличный, все проверки прошёл, вот паспорт.

— Очень дорого, мне не потянуть.

— Давай так, земляк... Четверть подряд — плата, за покупку, если по выбору — доплатишь одну штуку.

— По рукам, Гриша!

— Вот и ладушки. Копию паспорта завтра занесу.

— Теперь пошли в наш шалаш, друже, извини за задержку. Дружкой будешь?

— С дорогой душой, Гриня.

— Ещё старого уломать надо, в отцы.

— Помогу, он у меня часто бывает.

Расписывались у секретаря Управы. Народу было немного, Гриша и на свадьбу всех пригласил, но собрались близкие и дальние родичи, вечер прошёл скромно, с гармонью и зурной.

Самая счастливая была Липочка. Ей так шли украшения, да они того стоили. Чернённое старым методом серебро придавало девчонке настоящую загадку. Она и сама себе нравилась..

С утра началась необыкновенная жизнь. Мотовоз приволок на полустанок вагон, где стоял на растяжках «Ситроэн», порядочный контейнер и покрашенный в цвет осени гараж.

Целый день колготилась бригада грузчиков, пока привезли все вещи и привели в надлежащий вид.

— Ты помнишь, Гриша, как у нас стало, — лёжа на новой кровати, спросила Роза.

— А ты думаешь, что это можно забыть? Нет, дорогая, от такого, не убежишь... Я сотни раз перебирал все чёрточки твоих движений, твоего тела, твоей дрожи и криков. Они помогали мне все эти годы, не давали скатиться в канаву, забыть себя... Спасибо, моя радость! И Гриша прижался к ней всеми молекулами, слился в одно целое, чтоб вспомнить то десятилетней давности чудо. И оно повторилось!

29.03.19

ОКНА И ЕЩЁ...

В тот вечер, после того, как спряталось Светило и лёг сиреневый оттенок на речку и доли, когда закат долго не гаснет, но горит багровой бахромой, а Луна стыдливо спряталась за манюсенькую тучку, Мы с Зиной набродились досхочу, я сбросил пиджак, постелил на лавочку старого-престарого дуба (лодки) и мы уселись рядом. От кос подруги тянуло чебрецом и ромашкой, усталые глаза отражали пламя заката... подрагивала рука рядом со штаниной. Мы умиротворённо глядели на этот почти ночной показ, ни ветерка, ни комарика...

— Дождь жди к утру, — промолвил я.
Зина промолчала.
— Не уснула, подруга?
— С тобой уснёшь...
Я невольно притронулся к её косам, чуть погладил.
— Не балуй... Не надо...
— Так ить красивые...
— Не про тебя... уже засватали...
— Вона как... тогда извини... А вечер был, на всю жизнь запомнится.
— Ой, о чём ты?
— А то ты не знаешь...
— Так то когда было... ты что серьёзно? И молчал?
— Так... вишь, как получается, полез бы, да по роже получил.
— Дурной ты, Миня, ой, какой же ты дурной! — она рванулась ко мне и наткнулась полной грудью на руку.

— Ах, — выдохнула она и я не мог остановить её чувство...

Она билась, как в падучей, пока мои руки не легли ей на плечи. Она вдруг замерла, вздрогнула всем телом, уцепилась, как голодная за кусок хлеба... и мы потеряли луну, речку. Мы кружились, мы пытались прижаться всем телом, лавочка мешала... Тогда поднял её, совсем безвольную, положил на мураву, и мир провалился... потом всплыл, мы хлебали ртами воздух и бросались друг к другу...

Опомнись в ту тайную минуту, когда вокруг лежала первозданная темнота... Я видел Зинины ноги, роскошную грудь... Прикоснулся к соску. Свету не было, но что-то померкло, а когда очнулись, висел молодой рассвет, ещё бледный и две тучи сходились к центру. Поцеловал Зину.

— Бежать нужно — вымочит до нитки...

— А, хай! — и сунулась ко мне...

Бежали как давно не бегали, а гроза догоняла нас, хлестала струями воды, страшила молнией. И вдруг гром ударил, прямо над головой и рядом, как змея, зашипела молния. Я пытался как-то прикрыть Зину, защитить, а она упрямо шла туда, где загорелось растрощенное дерево. «Хоть бы с ума не сошла» — мелькнуло в голове...

О свадьбе что сказать, мы, не видели... Подняли первый бокал, поцеловались, пока, не стали орать «Горько!!!!!!». Пока там чокались, то да сё, мы сели в машину и на полустанок. Мама правда обижалась недолго, ну, так то мама...

16.10.19

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ СОБЫТИЙ

— Останься, Рома — тихо промолвила Глаша.
— Вот-вот, доходились, что девка сама просит, стыд потеряла... Ты уж али ходи, али, чтоб глаза мои не видели.
— Деда, а ты почему не спишь.
— Зарюю, детка... Да плюнь ты на этого Романа, ишь с неба манна. Ишшо не такие засветятся...

— Мне он люб

— Ну коли люб, так силой тащи, токо потом не реви...

Дед, как в воду глядел, не сложилось тогда у них, не хватило одной Глашиной любви, хотя казалось бы — через край била, расстиралась рядом во поле, барвинком в кустах, муравой на выгоне...

Как дед отдал Богу душу, помянули на сороковины, так и ушёл потайки, той же ночью, как тать и пропал, исчез...

«Сколько же вёсен схлынуло половодьем, сколько слёз пролилось в подушку? Ни деток, ни счастья, ни тепла, ни доли»...

— А пойду, — произнесла она, как отрубила. Стоял месяц август, прошли дожди... самые грибы...

И чего её понесло на Белую Кручу, сами ноги принесли или вело так?

Тело свалилось чуть не в лодку Макса, но зацепилась нижняя рубашка за торчащий из крутого берега корч, ударясь прежде о воду, плавало рядом...

Максим попустил якорный шкот, подгрёб к самому корчу, обрезал ножом подол и выволок в лодку то, что упало. Молодица, видать добре спархнула, была не в себе.

Он причалил лодку, забил кол, привязался и полез наверх, а там обнаружил корзинку и платье, сильно поношенное, местами до заплат. Положил платье в корзинку и спустился в лодку.

— Ишь ты, счастье чье-то... красивая... Откуда ж ты будешь, в соседних деревнях не встречал такой, — набирая кружку воды, Макс поглядывал краем глаза за «утопленницей». На левой скуле вызревало радужное пятно от удара.

— Досталось тебе, бабонька, — и набрав в рот воды, прыснул в лицо молодухи.

— Ах, — вскрикнула она, хватаясь прежде всего за ляжки (прикрыты ли?), потом подняла глаза на Максима...

— Ты кто?

— Водяной я, — пошутил парень.

— Иди ты к чёрту! Зачем? Зачем помешал?

— Так ты на колу висела...

— Как так?

— А вон на подол глянь... ножом отхватил — зацепилась, ещё бы чуть и в лодку б угодила. — И всё же Глаша тёпнулась, о воду порядком. Её мутило немного, хорошо, что у Макса был лимон дома...

— Вот что, Глаша, придётся тебе отлежаться денёк, а потом я тебя провожу, чтоб охочие не обидели.

— Сам-то не обидишь?

— Если не попросишь...

Пришлось фельдшеру ночью вызывать, лезть в лёх за льдом. Ничего, на третий день, хоть и ноги ещё подрагивали, стала вставать Глаша с кровати, попивать хлебный квасок.

— Как у тебя, Максим, хорошо. И зорька в окно, и река рядом.

— Так батя бакенщиком был, тут и жил всегда.... там мне — вон бумага... прочитай.

— Неудобно, чужое то...

— Читай, читай!

И она взяла бумагу, что лежала рядом с конвертом. «Сим сообщаем: Товарищу мичман, что ваш запрос рассмотрен положительно, должность есть, ждем вас...» и подпись с печаткой. Дочитав, Глаша положила бумагу к конверту, присела на стул.

— Это меня ждут на службу, в Видяево, на Севере. Поедем вместе, Глаша, может это providение, что мы встретились вот так?

— Надо бы дома одежду путную взять... Там поди холодно?

— Бывает и холодно, но больше туманно.

— Ишь ты... А не пожалеешь?

— Не пожалею, это точно, а вот рад буду, дальше некуда.

— Ладно, поживём — увидим.

— А за одеждой никуда ехать не нужно, позвони соседям, пусть всё им остаётся... Вон, в гардероб открой дверь.... Выбирай что хочешь — всё твоё.

Они улетали из Чернигова. Глаша ни разу не летала... Было и любопытно и боязно чего-то. Летел Ту-54. Зашли, уселись.

— На, займись, — и подал ей калейдоскоп.

— Я что, маленькая?

— А ты глянь.

И Глаша глянула и не могла оторваться от того призрачного мира, опомнилась, когда самолёт нырнул сквозь облако к посадке, когда перехватило дыхание и кольнуло в ушах.

Они гуляли по столице, потом переехали на другой вокзал и через два часа были в Килп-Ярви... И вот они в Североморске, ожидают рейсовый до Видяево, на пирсе было столько моряков! И все, нет-нет да и глянут на неё. Оставив Глашу у знакомых, Макс поспешил в часть, доложить о прибытии. Вернулся не скоро, но очень бодрый и какой-то просветлённый, что ли...

— Всё, Глаша, складывается, как нельзя лучше. Я уже принял дела, вошёл в курс, а тебе придётся вернуться в Североморск. Вот тебе адрес, нам выделили комнату двадцать три квадрата, с кухонкой.. Там тебе всё расскажут и покажут, помогут устроиться... Меня жди через двадцать дней, когда закончатся учения. Пойдём, провожу к рейсовому. Такова служба, не обижайся. Они обнялись на пирсе, вахтенный подал ей руку и проводил в салон...

Откуда ей могло быть известно, что виделись они в последний раз? Но сердце дрогнуло болью. Она держалась, не показала вида...

Макс просто не вернулся из похода, остался на дне, со своей «щукой». Была скорбь, были мероприятия, пытались поднять погибших «на гора», но там глубины... Поставили памятник, оплатили семьям за кормильца, поддерживали, как могли...

Глаша устроилась в одну из школ физиком, но там порядки обучения были ей неприемлемы, и она перешла в флотскую лабораторию, где прижилась, через три года вышла замуж, за кап-два, вышедшего в отставку и хорошо знавшего Макса.

Я их встретил в Феодосии, где они жили в коттедже, у них появились детишки, Глаша была счастлива, она нашла свою судьбу и Алёша Добров, бывший заядлый холостяк и женоненавистник, ходил, сдувал с Глаши пылинки, таскал на руках упитанного сынишку. И мне всё больше приходит на ум вывод, что заядлые холостяки, становятся самыми верными отцами и мужьями.

19.01.20.

АНДРЕЙ-VIKTORIA-АНДРЕЕВ

Россия, Санкт-Петербург

НА БЛЮЗЕ...

Тронулся с конечной старенький трамвай,
Выпало ему хромать последним...
Полночь наступила, разгулялся май:
Дирижёром вызвался наследник
Месяц-самоучка, маменькин сынок.
Не хочу ни песен, ни балета.
Мне бы до дивана и свалиться с ног
На недельку — выспаться... ракета
Долетела в точку в свой расчётный час,
Радостные тосты за победу...
Вышел по-английски... кофе и свеча —
То, что нужно мне с минутку... еду...
Где-то за рекою не вошла — вплыла
Облаком, субстанцией, звездой
Девушка-виденье... да косой бела...
Сердце вдруг застыло... к водопою,
В юности далёкой привела коня,
Как две капли на неё похожа...
Закружила Землю, увела меня
От родных и близких в день погожий...
Эх, и побросала жизнь из края в край,
Оборвалась цепочка на юзе...
Девушка подседа... мест-то — выбирай!
Дирижёр заикнулся на блюзе...

12.11.2019 г. А-V-A.

ЧЕТЫРЕ САКВОЯЖА И ТОТЕМ

Три комнаты, зажгёт в них по свече.
Мерцают огоньки, расправив крылья.
Три девушки, у каждой на плече
По родинке, что капелька... накрыл я

Наколками, да разными, как дни...
У шахиншаха новая причуда:
Тройняшек возжелал и вот они —
Красавицы-дикарки... но откуда?

Не говорят... не персиянки, нет...
Белее молока и шёлком кожа...
И потому пред ними тусклый свет,
Что трудно не влюбиться в них... похоже,

В моём сердечке ожили ростки
Добра и зла... застенчивы девицы...
Спасать их нужно, знаю, гайдуки
Помогут скрыться, только до границы

Нам в тайне бы добраться — враг и куст.
Лепёшек и воды... а сколько суток?
И кошелек мой так случайно пуст...
И как стрижи проносятся минуты...

Нашёл лазейку мимо всех проблем:
Аэроплан, взлетаем на рассвете...
Четыре саквояжа и тотем,
И плачут, и смеются девы-дети...

13.11.2019 г. А-V-A.

СТРАНИЦЫ. ИЛЛЮСТРАЦИИ...

Случалось, и не раз, столкнёшься взглядом
С родным, знакомым до седьмых корней...
Парадная, карета с нею рядом —
И зазвучала музыка теней:

Фигуры, лица, встречи и разлуки,
Истории последних трёх веков.
Мы Городу настраивали звуки,
И к фонарям носили мотыльков...

И Город рос, держа на древке знамя,
Врубая имена в сырой гранит.
Страницы мне подбрасывает память,
А сердце иллюстрации хранит...

13.11.2019 г. А-V-A.

...А НЕ ЦВЕТ...

Первая мысль пронеслась — застрелиться.
Утро не вечер. Город не сад.
Осень-зима: солнце даже не снится.
Чёрная сажа... Black-полоса.

«Пьяный проспится». Дурак не философ.
Рюмочку водки, неба глоток.

И заработает счётчик вопросов:
Сколько и где, цена на итог?..

Тема исчерпана. Сдохнет либидо.
Вытолкнет небо режущий свет.
Рюмочка водочки. Жизнь как коррида...
White или Black — есть следы, а не цвет...

15.11.2019 г. А-V-A.

НЕВИДИМОЙ РУКОЮ...

Невидимой рукою коснусь твоих волос,
Дотронусь до щеки и потревожу спину.
Я долго правил ртуть и плавил купорос,
И получил раствор: похожее на тину,

Но экстра-вещество — мазок, и ты пропал.
Ещё один и ты с той стороны планеты...
А здесь всё тот же сад, любимая тропа,
И старенький паром... как мы, играют дети.

Одна, ты всё одна, а часики спешат,
И барский терем свой —
завидная невеста...
Но холоден твой дом, голодная душа,
Пусть десять лет прошло
с дипломного семестра:

На фото мы вдвоём на площади Искусств,
Плывёт седая ночь и добро смотрит
Пушкин.

А впереди метель и подленький искус:
Снотворное в вине и смех твоей подружки.

Ушёл я в ночь, в метель... от ярости не свой,
И думал заросли к тебе пути-дорожки...
Нет «красного угла», есть уголок «живой» —
Портрет мой от руки...
и с огоньками плошки...

Ни слова не скажу... дождусь дыхания сна...
Не скрипнула бы дверь —
я не готов быть Богом.
Часы спешат не зря: идёт её весна,
А мне звенят мечты и звёзды

над дорогой...

16.11.2019 г. А-V-A.

ТУМАН

На Город лёг туман и навигатор
Сбивается с пути, как новичок.
В аэропорте девушка из штата
Висконсин, ожидает, на крючок

Я ей попал, когда неосторожно
Нахваливал фигуру и красу...
На месяц. Да, конечно. Мне не сложно.
Язык мой враг. И саквояж несущ.

Расположил в гостиной, честь по чести.
А русский ей по бабушке родной.
Конечно Эрмитаж. Прогулки вместе,
О тайнах сокровенных под Луной

Она проговорила... корчил скуку...
И подновлял лопаткой горку льда.
То плакала она, целуя руку,
То проклинала раз и навсегда.

На третью ночь прокралась обнажённой
В мой кабинет, курил я у окна.
Задёрнул шторы — слишком напряжённо
Смотрела из-под облака Луна.

Контракт был заключён.
В тайник, картины,
И прочее снесли в переворот.
И отбыли «на воды». Апеннины...
И в штатах оказались через год...

Есть адрес... особняк... Библиотека.
Есть шифр к замку... но чёрт не разберёт!
Чернила расползлись под бури века,
Ищу наискосок и поперёк...

Неделю днём и ночью с лупой, с калькой,
Наклоны восстанавливал, штрихи...
И прочитал в заглавных код: ямалка,
А дальше — сумасшедшего стихи...

Она: Дарсия или просто — Дарси,
Пищала от восторга до утра...
Я размышлял о разном... и о фарсе —
А если это глупая игра?

Клочок бумаги... может и подделка.
Состарить нынче можно без труда.
Такие «вещи» видел на «Уделке»:
Историю меняют «господа» ...

Сыграем до конца, контракт подписан.
Теперь — Библиотека и тайник.
Очки надену и представлю список
Из фолиантов... к докторской... возни...

Сходили, есть тайник за стеллажами.
Едва заметный на декоре след.
Эх, ранее, охрана — сторожами,
Теперь из МВД стоит дуэт...

Снотворное... поспать им
до рассвета...

Дарси послать с бутылочкой вина...
Она вдруг подошла слегка одетой:
Резинка над чулком, браслет, копна

Волос её шикарных под вуалью...
Как шляпа из журнала: шляпа-бант...
Отшлёпать сладострастную каналью —
Но, не успел... лицом в паркет... в рант

Армейского английского ботинка
Мой взгляд упёрся... жжение в плече...
Туман... туман... и крутится пластинка,
Поёт Шульженко о живой свече...

17.11.2019 г. А-V-A.

МЫ — БОТАНИКИ

Ночка выдалась на славу
После полного ноля:
Заскочили на «Полтаву»
Три московских «кобеля».
Кто не в курсе, поясняя:
Ресторанчик на воде.
Выходили мы... от «чая»,
Захотелось по нужде.
Мы — ботаники в очёчках,
«Кобели» — качки в цепях.
Слово за слово... заточка...
Выбил, двинул второпях
Апперкотом в подбородок:
Грохнулся «славянский шкаф» —
Звон цепей и треск... погода
Полный штиль... тут голиаф,
Что стоял немного слева,
Вытащил испанский нож...
С криками «Зенит — forever!»,
Врезали втроем... падёж
И его подмял, а третий...
Так бежал, что фонари
Не сумели заприметить,
Где он плакал до зари...
Но не долго было тихо...
Росгвардейцы-патрули
Налетели, да так лихо...
В общем, всех нас «замели».
В отделение притащили,
Там допросы до утра.
«Кто, кого и сколько били?»
Что молчите, фраера?
Я не фраер, я ботаник.
В «Лесопилке» магистрат.
Мимо шёл, гулял без нянек,

Зацепили мусора.»
Тили-тили, трали-вали...
Солнце бьётся в левый глаз...
Заявление не подали
Москвичи, и мимо нас
Прошмыгнули как котята,
Что-то мямля на бегу...
Мы ботаники, ребята,
Любим горы и тайгу...

19.11.2019 г. А-V-A.

ГОД УХОДЯЩИЙ...

Год уходящий разным был, склоняюсь:
Добра в нём было больше... и тепла.
Да, многое простил... не изменяюсь —
Не мог я по-другому... не смогла

Судьба расправить крылья к вознесенью:
Весь Мир скользил по нисходящим вниз.
Очередной мессия вёл к спасенью,
А поддержал обычный, лёгкий бриз.

Мир выдохнул, и изменил орбиту,
Здрав на звёзды свой курносый нос...
А Мастер выбьет контур по нефриту,
И Девушка сплетёт венок из роз...

20.11.2019 г. А-V-A.

ЗАМЕТАЕТ

Культура поведения на обществе, в быту,
Когда и кем прописана
на чёрном или белом?
Родители-добытчики за благом на посту,
А дедушки и бабушки
не поспевают... делом

Как будто внучка занята:
гудит-рычит планшет.
Как рассказать об этике? Как жаль,
не учат в школе.
Эстетика заброшена, и что у них в душе?
Грубят, хамят, ругаются и рвётся биополе

Земли Родной с народами...
всё больше недород.
И бьют друг друга походя,
не зная про устои.
А в рост уж поднимается
совсем не тот герой,
Что были прежде на Руси
и берегли просторы...

Упустим ли? Правители
 сплошь-рядом саранча.
 А через месяц Новый год и стыд
 пойдёт по кругу...
 Сияют звёзды над Кремлём,
 в тайге горит свеча,
 И замедляет под конёк
 тропу-дороги вьюга...

21.11.2019 г. А-V-A.

ИСПОЛНИЛОСЬ ТЕБЕ

Исполнилось тебе не двадцать пять,
 И цифры дат рождения смущают.
 Предательски серебряная прядь
 Мелькнёт в причёске, краской зачищают
 Свой возраст королевы и пажы,
 И макияж от мала до велика
 Используют, вот честно — не для лжи —
 Для красоты, а время-горемыка,
 Всё норовит принизить и предать
 Наивную и преданную душу...
 И только друг, любимый и звезда
 Протянут руки, да поднимут — слушай:
 Рассказ светила, трели соловья,
 Да песню от высокого, от сердца...
 У зеркала, хорошая моя,
 Не застывай вопросом а-ля Герцен.
 Живи, дыши, летай, коль суждено!
 Душа поможет, Ангел за плечами.
 А грустно станет — тихо пей вино,
 И размышляй с Душою за свечами...

22.11.2019 г. А-V-A.

...И ТАЙНА...

Катилось солнце краем небосвода,
 Костюм готов — Осенний грянет бал.
 Я Арлекин сегодня — меч свободы
 За поясом: пусть деревян и мал,
 Но им спасу влюблённых, а Бригелла,
 Споёт в дорогу под гитары звон...
 Да всё пошло не так: на сцене — тело...
 Влюблённая отравлена... Кто Он?
 Или Она? Коварное создание...
 До первого звонка всего лишь час...
 Полиция обыскивает зданье,
 И по гримёркам запирает нас.
 Вся труппа — это сто, и двести прочих.
 Всего, считаем, триста с лишним душ.
 Бригеллу исключаю — день, две ночи,

Мы занимались вместе...
 если... муж?
 Влюблённую играла Саша-Таня...
 Такая леди... места пробе нет.
 А муж её — достойный парень, занят
 Созданием безвредных сигарет,
 И попросту нет времени для мира...
 Поклонники... любовь в театре... что?
 Влюблённого играл мудрец Аттила,
 Они дружили семьями... постой...
 Кузена приводил... он из глубинки.
 Так зачастил, с полгода вроде как...
 Носил цветы в букетах... и корзинки...
 Я видел Сашу-Таню на руках
 Сидела у него... зашёл случайно...
 Гримёрки наши друг за другом, вот.
 Закрыта... постовой стоит... и тайна
 Крадётся вдоль стены, витает под...

23.11.2019 г. А-V-A.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Почётный караул у Вечного огня:
 Торжественно стоят мальчишка
 и девчонка.
 С утра течёт народ молчание храня,
 Букеты возложить... дочь,
 тонкою ручонкой,
 Тюльпанчики кладёт — здесь
 в списках брат и дед.
 И тысячи имён, остановивших лихо.
 Мы кровь и слёзы в крик! —
 больших и нет побед,
 Мы камни городов и хлеб со льдом
 и жмыхом!

А жить благо даря с трудом могём,
 с трудом.
 В Истории нет дня, где точку в запятую
 Исправить норовят навязанным стыдом...
 За золотым тельцом бегут напропалую

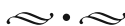
Продажные дельцы...
 да проклянут их род!
 О! Гнев народа тих лишь до поры,
 до точки...
 У Вечного огня стоит притихший код,
 Читая имена и проживая строчки.

24.11.2019 г. А-V-A.

ЭДУАРД ДЭЛЮЖ

Россия, г. Тверь

*NOMEN EST OMEN**

Мы были разделены странным светом,
Тем, у которого нет возраста.
Могли ли мы тогда прочесть то,

что написано

Там, где колокол звенел голодом.

Пьющие из чаши сомнения яд,

Мы носили одежду теплых лет,

И звуки твоих шагов были — письма,

И звук на моём языке был — сад.

И шрам на пепле моём — был Бог,

Он мне оставил завет — цвести дотла,

Где роза в тебе попирала твердь,

Ту твердь, что, укрывшись тьмой,

была густа

Как кровь, что по тонким изгибам

ведёт рукой,

До самой долгой ноты твоей тесноты,

Где кто-то сказал, что стихи — это боль,

Так кто-то сказал, дай Бог,

чтоб сказал не ты.

Не размывай теней, я приду дописать

То, что запало в память мою шрифтом,

Так, словно ноты кто-то сумел понять,

Там, где ты в тишине вышивала крестом

Ладанку мне в путешествие тесноты,

Где звуки твоих шагов — это был я,

Где гибкая нота твоей наготы

Молилось моим языком огня.

ЗАМЕТКИ НА ШЁЛКЕ

Я смотрю как открывается тишина...

Об этом вспомнил кто-то, я вспомню —

кто.

В пересыпаемых через гортань словах,

Мы были огненными,

Мы обладали даром пребывания,

Мы — долгие дни и ночи, где наша кожа

была стихом и мёдом.

Заметки на шёлке...

* *Nomen est omen* (лат.) — «Имя — знамение, имя что-то предвещает».

Мои строфы вытянулись,
Потерянные цветы качались на ветру
Её вечернего платья, сшитого
Для вечного обещания.

DIVINA POETICA

Танцуй на коже стиха,

Медленно лаская заклинание букв.

Долина, которую жаждет моя Психея...

Там, где лёд обжигает огонь,

Там, где огонь обжигает лёд,

Там, где стихи никогда не умирают

в амфоре ветра,

И время идёт, и мы уже не одинаковы.

В симфонии дождя

Слова, которые никто не произносит.

Слова размыты, и между буквами горит

тишина.

Сшитая семантика —

Прочесть на губах ещё непроизнесенный

стих,

В котором уже подробно описано всё.

Вчера в моих снах я пил из твоей чаши,

И ты утоляла мою жажду без страха

остаться.

Ты одеваешь мелодию,

И тот, кто видит тебя, читает подлинные

стихи — стихи без лица.

Падай за тепло дрожи тела,

В алхимию, созданную из часов,

не имеющих времени.

Я написал уже для тебя безвременье...

Пройди сквозь меня,

Как если бы была нага — и музыка,

и тишина, и поэзия.

EROS LINGUA

Пока мои листья падают один за другим,

Пока любовь мироточит из листьев

моей поэзии,

Любовь, у тебя есть записи моего пепла

И письма моего цветения.

Слова прикасались к нашим пальцам,

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

Но где-то тут у самого края,
Томится вечная строка
По рискнувшим сказать...
Плачет родственное.
Что вы напомниме мне, люди?
Ваше великодушие или вашу нелюбовь?...
Родственное плачет,
«Милосердные инквизиторы
Отрубают нимбы деревьям»
За кражу сердца Бога и его слёз,
разлитых в осенней ночи...
Плачь, скрипка...
Разрешаю звукам падать сквозь воздух
каждой строки...
Стою меж слов...
Всё что влияет на меня лишь
Музыка Сердца

«Что тебе здесь нужно?» — настойчиво
повторит вопрос Время...

Тот, кто умирает, никогда не ждёт.
Он сам себя выбрал.

СЛЕЗА РАХИЛИ

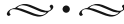
Сны листвы зелены.
Они знают больше, чем смерть,
Они знают больше, чем жизнь
И не страшно им зеленеть.
И не страшно им умирать
Будто в сон их подсыпан яд.
Быть точнее и тише... молчать.
Вечность снова накроет им стол
Этим воздухом, что вечно свят.
Белый хор белых их матерей,
Где опознан только лишь голос,
Голос матери ставшей твоей.

Я обнимал растерянное время,
Я больше не был неуспевшим,
Я не устал искать таинственного зверя
С печальным обликом ступающей зимы.
Как постарела ложь... как потускнела.
Представь, что Свет покинул тьму,
И ты поймешь, что никогда не верил

В то, что рождало эту Тишину.
Ты, близоруко спящий на ветру
Доверчивых углов, крестивший догмы.
Ты знаешь — при цветении болят
И корни, и листва, и вёсны,
Что зеленеют у ослепших на виду,
Не презирая собственного тела.
Бессмертие потерь тебе к лицу,
И белое, и черное на белом.
Так выбирай оружие и стены
Сутулых спин иль царственных осанн...
Где, чуть заранее, в замерзшей
сердцевине,
Ты сны ветвей надеждой целовал.
Смотри, как непричастно небо,
Смотри, как безучастно дно...
И я держу в руках слезу Рахили
(Белей ее, наверное, одно...)
Жизнь падает, ей новый смотрит вслед...
И ты, во всем и всем одновременный,
Разучишься бояться и кричать,
Бояться человеческого тела.
В тепле предвзятых слов и тесноты,
Что Богу твоему темно,
Ты выйдешь из потери глубины
Чтоб осветить мерцающее дно...
Где сны всё падают в забытую родильню
Чисты как холод, пьяны как вино.
Ты помни — человек, рожденный здесь,
Ты начат здесь, и только после ты
бессмертен;
Ушедший в длительность тебе читать
судьбу
Вслух и побуквенно всем, кто стоит
напротив.
И сжатых слов оплавав глубину,
Молчать в глаза для всех,
кто что-то спросит.
Вновь подходить к вещам и трогать
снег...
Охрипшею водой поить Рахиль,
И без вести тебе врученный слог
В промерзшей сердцевине зеленить.

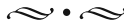
Тебе отпущено белее, чем любить.

2017 г.

НИНА БЕЛАНОВА

Украина, г. Днепропетровск

ХРАНИТЕЛЬ

Любовь живёт в безумном мире
И кротко терпит муки ада!
Висят грехи на ней, как гири.
А где-то теплится лампада...

И кто-то там творит молитвы —
Хранит любовь от смерти лютой.
Сражается на поле битвы
И побеждает... почему-то...

ПРОГУЛКА

В глазах тонуло небо синее,
Качались люльки-облака...
Была тоска, как море, сильная,
И радость, как хрусталь, хрупка...

Скрипел песок от шага каждого.
В лицо дышал солёный бриз.
Мечтами утоляла жажду я,
Звала тебя: «Мой Свет, явись!»

Любви взаимной сеть заброшена —
О встрече ангелы трубят!
Прогулка выдалась хорошою,
Лишь не было во сне тебя...

27 января 2020 г.

ОТ СЕБЯ НЕ УБЕГУ

От себя не убегу —
Всё серьёзно...
Распластаться б на снегу,
В землю вмерзнуть!

Что нам светит впереди?
Путь всё уже...
Пусть уймут пожар в груди
Пальцы стужи!

Пусть немного отрезвит
Передышка,

Будет сердце без любви,
Как ледышка.

Но подснежником любовь
Прорастает,
От неё сугроб любой
В стужу тает.

От неё в глазах твоих —
Жар всё пуще!
И весь мир для нас двоих —
Рая кущи!

ЖДУ ТЕПЛА

Скоро сменит бездорожье
Тропка — света полоса.
Нет мечты моей дороже!
Знаешь сам...

Скоро птички щебетухи
Наведут весенний лад.
Скоро наши дни разлуки
Отболят.

Тонет солнце в синих лужах —
В небо падают лучи...
Голос твой, как воздух нужен.
Не молчи!

Утоли мои печали!
Я, как зимняя ветла,
Одинокими ночами
Жду тепла...

21 февраля 2020 г.

В ПРЕДДВЕРЬЕ СНА

Я на волнах звездой раскинулась...
Ночь разливает синеву...
В преддверье сна печали сгинут враз!
Куда плыву?

Неугасимую лампадою
Горит медовая луна,
А я плыву и в небо падаю
В объятья сна...

Достигну ли шатра небесного,
Где мы с тобой — наедине?
Там нет границ у сна чудесного,
И ты — во мне...

ПЕРЕД ВСТРЕЧЕЙ

Детворы галдёж...
Распевает кот!
Перед встречей Март
мнёт, как тесто, тучи —

Будет завтра дождь,
но уже не тот...
Будет завтра взгляд
не таким колючим.

Сердца не неволь,
улыбнись весне!
Губ твоих тепло
ветер не остудит...

Пусть ютится боль
в порванной струне —
На душе светло
пусть вовеки будет!

29 февраля 2020 г.

КАВЕРЗЫ РАЗЛУКИ

Не спится вновь — гляжусь в ночную тьму.
Я вечная у времени должника...
Приятель-дождь в окно моё стучится.
О чём поведать хочет? Не пойму...

Приятен уху бессловесный ритм:
Поток дежурных фраз набил оскомин!
А ты, совсем как дождь, немногословен —
Любви моей бессменный фаворит.

Ты негой разливаешься в груди.
Лишь по тебе мои тоскуют руки.
Но между нами: каверзы разлуки
И километры Млечного пути...

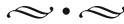
2020 г.

Я — ВЕСНА

Я — Весна, пьянящая Весна!
Таю тучкой в небе синеоком,
Дерева живлю бодрящим соком,
Травы пробуждаю ото сна...

Я — Весна: живой воды родник,
Дирижёр пичуг разноголосья,
Охранитель ивы длинных кос
я И нарцисса лучезарный лик.

Я — Весна... Прильни к моей груди
В дождь и слякоть или в день погожий.
Не томи себя унынья ношей,
Счастья своего не упусти!

БАХ АХМЕДОВ

Узбекистан, г. Ташкент

О чем ты растешь, мой тревожный
цветок?
О чем и зачем ты растешь?
Растешь между всех ненаписанных строк,
Холодных, как нож...

Ломаешь размеры, и рифмы, и сны.
Ломаешь любую строку.
Любая надежда сильнее вины,
И все мы идём по песку.

Идём по пустыне отравленных лет
И просим свободы глоток.
О чем ты растешь на безумной земле,
Тревожный и нежный цветок?..

ТРИ ВАРИАЦИИ НА ОДНУ ТЕМУ

1.

Усталость металла, усталость металла...
Безумно красиво и грустно звучит
Как будто бы время свой знак поменяло
от света давно догоревшей свечи.

Как будто столетия смертельно устали
от наших бегущих по кругу речей.
И чья-то надежда отстала от стаи,
мечтая навек оказаться ничьей.

Усталость металла. Холодная правда
скрывает всегда пустоту под собой.
И ключ потерялся от вечного завтра,
а ты его ищешь всю жизнь, как слепой.

2.

усталость металла
где-то в темной глубине
растет маленькая трещина
маленькая пустота
что однажды станет бесконечной

поглотит эти слова
и другие слова

твои ожидания
и твои обретения

маленькая невидимая пустота
больше целой вселенной
тикает в сердце
безостановочно
питаюсь энергией
нашего страха

3.

усталость металла
бесконечно долго
падает старый ключ
в темную воду

а ты стоишь на мосту
кажется он вот-вот рухнет
потому что устал
висеть между двумя безднами

но мост лишь чуть
подрагивает
от потока времени
и ледяные перила
обжигают прошлое

ОСИИ МАНДЕЛЬШТАМ

Слух чуткий парус напрягает,
Расширенный пустеет взор,
И тишину переплывает
Полночных птиц незвучный хор.

Я так же беден, как природа,
И так же прост, как небеса,
И призрачна моя свобода,
Как птиц полночных голоса.

Я вижу месяц бездыханный
И небо мертвенней холста;
Твой мир, болезненный и странный,
Я принимаю, пустота!

Не надо мне больше про матрицу!
Холодные стрелки — вразлет.
А день, словно шарик, закатится
туда, где никто не найдет.

Застыл телефон в ожидании,
как будто бы скованный льдом.
И строчка, что ищет молчания,
зависла над чистым листом.

Как хрупко вещей равновесие
на острой игле бытия...
На шаткой невидимой лестнице
застыла надежда моя.

Когда-нибудь и дождь устанет
стучать по жести ледяной.
Когда-нибудь, в густом тумане
ты встретишься с самим собой.

И твой двойник пройдет спокойно,
и не узнает он тебя.
Ему уже давно не больно
идти по жизни не любя.

Лишь ты все так же выход ищешь,
меняя годы на слова.
Так просит милостыню нищий,
что помнит жизнь свою едва...

А твой двойник давно растаял.
Ему с тобою недосуг...
Ты не дошел ещё до края,
где прозвучит контрольный звук.

Мне нужно выйти за пределы...
Мне выжить нужно и дожить.
Устал от вечных споров с телом,
Устал от лжи.

Но чем утешить бесконечность,
Что каждый день во мне болит?
Мне нужно прислониться к речи,
Она одна меня хранит.

Хранит от холода распада,
И согревает в тишине.
Мой друг, мне просто выжить надо
Хотя бы в этом зимнем сне.

Хотя бы в этот зимний вечер.
Прости, обманчивый февраль,

Что мне опять ответить нечем,
И что в словах моих печаль.

Я завтра все переиначу.
Перепишу на новый лад.
Но если смысла нет в задаче,
То разве кто-то виноват?

Не черная, но темная до боли...
Хранящая все прожитые сны.
Как много красоты в простом уколе!
Венозные три кубика вины.

И вот уже как будто стало легче.
Как будто потеряло время вес.
Но кто меня от прошлого излечит?
Кто сделает на нем живой надрез?

Три кубика надежды и сомненья.
Крахмальная халата белизна.
У каждого в крови свое прозреньё.
Свое прощенье и своя вина.

МАЛЕНЬКАЯ ОДА МЕЛУ

на губах следы мела
грызешь его с утра
ностальгия по детству
черная доска
словно три малевича в ряд
и такая музыкальная
морзянка мела
точка тире
две точки
формула круга
эллипса
шара
надежды
времени
ряды
убегающие в бесконечность
исчезающие в непостижимых далях
разве можно забыть
высшую поэзию
Божественной Математики
вначале было Число
и в конце будет Число
так замкнется круг вечности
а сейчас у меня в руках
маленький мелок воспоминания
мой завтрак
обед и ужин
мой спасительный кальций
моя блаженная улыбка

«Бах Ахмедов, ты опять съел весь мел?!»
иду по коридору в учительскую
за новой коробкой мела
пьяный от кальция
и от того
что пока еще могу решить
любую задачу

Слишком нежно и слишком сложно.
Слишком остро и точно слишком.
Замирает твой мир тревожный,
и становится тише...

Так играет с пространством время.
И душа — со своей свободой.
Так меняется угол зренья,
и сливаются в точку годы.

И однажды, дождливым утром,
все становится вдруг банальным.
И не то чтобы стал ты мудрым,
но скорее, чуть-чуть прощальным.

И уже ничего не слишком.
И уже безразлична точность.
Просто кто-то тебя услышал,
сократив, словно стих — на строчку...

Все, что сразу нас не убивает,
после постепенно добивает.
Делает сильнее? Да, конечно.
Только вот сильнее для чего?
Все, что не нацелено на Вечность,
может, и не стоит ничего...

2017 г.

В этих темных и страшных глубинах
я встречал тебя тысячу раз.
Ты безмолвие это любила,
ты любила единственный час.

И когда уходил постепенно
свет весеннего тихого дня,
ты была в параллельной Вселенной
и не видела больше меня.

И застыв у окна неподвижно,
ты смотрела как тает пейзаж.
И чем дальше была ты, тем ближе!...
Остальное — лишь времени блажь.

Лимон,
давление,
лимон...
Сто сорок три на девяносто.
Зеленый чай, февраль, балкон.
Шагнуть в безумие
так просто.

Твой голос, теплый и живой...
И тридцать лет как ветром сдуло!
И слышишь вдруг над пустотой
как время отступает с гулом.

И в наступившей тишине
твой голос тихий, как спасенье.
Он тридцать лет звучал во мне!
А я не слышал, к сожаленью...

НАСТРОЕНИЕ

Кто-то идет под дождем одиноко.
Кто-то устало застыл у окна.
Прошное снова, как провод, под током...
Только надежда все так же верна.

Преданно смотрит в глаза по-собачьи.
Каждый твой жест понимает без слов.
Кто-то себя в безразличие спрячет.
Кто-то опять улыбнется светло.

2016 г.

Мы выйдем в дождь, и жизнь начнется
в твоей ладони и моей.
Мое сиреневое солнце,
в последний раз меня согрей.

В последний раз подай мне руку
и дай свободой подышать.
Летит, летит быстрее звука
по кругу грустная душа.

Летит в обманчивые выси...
Летит в холодной пустоте.
Но жизнь всегда короче жизни,
и, к сожалению, везде.

Мы перейдем дорогу снова,
не замечая красный свет.
Вся наша жизнь — попытка слова,
переходящая в ответ.

Все наши сны — попытка встречи,
надежда вырваться за круг.
Моя сиреневая вечность,
мой бесконечно точный звук...

ИДА ЗАМИРСКАЯ

Украина, г. Северодонецк

СОВРЕМЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ НОВЕЛЛА

ON IMPULSE • by Rita A. Popp

Несколько слов об Авторе:

Репортер газеты, специалист по связям с общественностью, писатель и редактор, преподаватель университета и волонтер в одном лице — это Рита А. Попп. Первые ее загадочные истории были опубликованы в журналах «Mysterical-E», «Postcard Shorts» и «Every Day Fiction». Участвовала в конкурсе памяти Альфреда Хичкока, проведенном по инициативе журнала Mystery Magazine, и получила поощрительный приз за оригинальные прозаические миниатюры.

Рита А. Попп. ПО ЗОВУ СЕРДЦА

Она знала, что будет нелегко, глядя на косматого черного пса смешанной породы, молодого и такого же непослушного, как и копна её рыжих волос. В приюте для бездомных животных, где Джина работала волонтером, Люцифер существовал сам по себе. Вопреки всяким разумным доводам, она взяла его домой. Рядом с крупным физически развитым псом Джина выглядела худенькой, весом чуть ли не с перышко. «Неравный брак», — ей почему-то пришла в голову именно эта фраза, когда она впервые вывела пса на вечернюю прогулку, держа его на поводке.

В летнюю жару собака тащила Джину, как быстроходная моторная лодка волочит за собой начинающего водного лыжника. Когда Люцифер встречал незнакомого человека, он бросался вперед, упирался лапами в его грудь и принимался лизать испуганное лицо, выказывая тем самым своё дружелюбие.

Чтобы избежать подобных встреч, Джина стала приучать собаку сворачивать в переулок в нескольких кварталах от её дома, который казался безлюдным, так как дома были обнесены высокими заборами, а ворота заднего двора запирались не на замок, а на задвижки.

Когда Люцифер остановился, чтобы справить нужду, а Джина отвела свой взгляд, чтобы дать ему возможность уединиться, она заметила в деревянных воротах дырку и не удержалась от соблазна заглянуть в неё. На террасе у стола, на котором возвышались питчер и два бокала, стоял с серьезным видом красивый парень. В кресле, обращенном в сторону дома, полулежала ярко-рыжая особа так, что виднелись только её затылок и подол бирюзового платья. Красавчик произнес что-то тихим голосом, — Жи-

на не расслышала этих слов, — пожал плечами, наполнил бокал и сделал пару быстрых глотков.

Скованность движений выдавала в нем человека, который старался сохранить присутствие духа, но ему это удавалось с трудом. — Видимо, они поссорились. Он пытается уладить конфликт. А она? Скорее всего, нет.

Внезапно парень опустил бокал, повернулся спиной к женщине, расправил плечи. Рыжая, должно быть, сказала что-то обидное, подумала Джина.

Люцифер, готовый возобновить свою прогулку, чуть не вырвал поводок из руки Джины. Она вскрикнула «Вау!» и побежала, едва поспевая за собакой, надеясь, что те двое ничего не заметили.

Следующий вечер был настолько жарким, что Джина решила пропустить прогулку с Люцифером, но она тут же передумала, когда тот ткнулся мордой в её колени, просительно положив на колени сначала одну лапу, затем другую. Он вел свою хозяйку по накаленным от солнца тротуарам, затем свернул без команды в уже знакомый переулок. Когда они прошли мимо ворот с дыркой в доске от выпавшего сучка, Джина услышала сердитый мужской голос.

«Люцифер, стой!» — прошептала она. На этот раз он повиновался.

Приложив правый глаз к отверстию, Джина увидела Красавчика, шагающим по террасе в нервном возбуждении. Заткнув уши пальцами, он выкрикивал: «Всё! Хватит! Достаточно!»

Ярко-рыжая особа, полулежавшая в кресле, обращенном в сторону дома, видимо, никак на это не среагировала. Люцифер резко потянул за поводок, и Джина нечаянно толкнула ворота так, что они сильно заскрипели. Парень обернулся в тот момент, когда Джина скомандовала: «Марш!» Люцифер рванул изо всех сил вперед.

Позже, когда щенок заглатывал свою пищу в кухонном уголке, Джина мучительно обдумывала сцену на террасе. Почему Красавчик то и дело кричал «Хватит!»? Почему Рыжая всё время молчала?

На следующий вечер Люцифер с поводком в зубах уже ждал Джину у входной двери. Они помчались, словно единая спортивная команда, в переулок, остановились на том же самом месте у знакомых ворот. Когда Джина посмотрела через отверстие в доске, она была разочарована: терраса оказалась пуста. Только она собиралась уйти, как открылись раздвижные стеклянные двери, и в дверях появился Красавчик, который почему-то нёс на руках Рыжую, уткнувшуюся лицом в его грудь. Он положил ее осторожно в кресло, поправил на ней бирюзовый халат. — Она, наверное, инвалид, бедняжка.

Джина почувствовала угрызения совести, но любопытство взяло верх, и она продолжала подглядывать. На столе стояли те же бокалы и питчер. Парень снова предложил женщине выпить, но она, видимо, отказалась. Тогда он наполнил свой бокал и выпил, зло швырнул пустой бокал на стол и, расхаживая взад и вперед, стал кричать: «Всё! Достаточно! Хватит!». Затем он схватил женщину за горло и начал душить.

Джина в ужасе толкнула ворота и прокричала: «Фас, Люцифер!». Собака бросилась во внутренний дворик, сбила парня с ног и стала угрожающе рычать ему в лицо. Джина подбежала к сидящей женщине и замерла в молча-

ливом изумлении: на неё смотрели остекленевшие зеленые глаза.

Парень, прижатый Люцифером к земле, простонал: «Уберите свою собаку!»

Джина коснулась безжизненного лица. Оно было гладким, но твердым и прозрачным, как английский фарфор. Тело в халате напоминало тряпичную куклу. — Манекен.

«Манекен? А вот и нет». Парень оттолкнул Люцифера и сел, с опаской поглядывая то на собаку, то на Джину. «Эта кукла-дублер. Я репетирую с ней, пока моя партнерша находится в отпуске».

«Вы актер?»

«Просто играю в самодеятельном театре». Он усмехнулся, и на его щеках тут же обнаружились привлекательные ямочки. «Вы подумали, что я решил её задушить?»

«О, боже, да. Зачем Вы это делаете?»

«Она невыносимая женщина. Притворяется инвалидом и терроризирует мужа. Вам не мешало бы посмотреть спектакль».

Он погладил голову Люцифера. «Должно быть, это прекрасное чувство, когда ты отпущен на волю, да? Кстати, меня зовут Джейсон».

«Джина».

Её рука отчего-то вздрогнула, когда они обменялись рукопожатием.

Люцифер завилял хвостом.

«Джина, не хотите ли чаю со льдом? У меня его столько, что хватит на всех. Но моя партнерша вряд ли когда-нибудь сможет оценить его вкус».

ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Christina Rossetti, 1830-1894

REMEMBER

Remember me when I am gone away,
Gone far away into the silent land;
When you can no more hold me
by the hand,
Nor I half turn to go yet turning stay.
Remember me when no more day
by day
You tell me of our future that you
plann'd:
Only remember me; you understand
It will be late to counsel then or pray.
Yet if you should forget me for a while
And afterwards remember, do not
grieve:
For if the darkness and corruption leave

A vestige of the thoughts that once
I had,
Better by far you should forget and smile
Than that you should remember a
nd be sad.

ТЫ ПОМНИ...

Когда придет любви нашей конец,
Молчание воцарится вместо слов,
Касанья рук забудется тепло, —
Прошу, мой друг, ты помни обо мне.
Как будет грустно и тоскливо мне!
Ведь если память изменит тебе, —
Рассеются во мраке сотни грёз,
Исчезнут в море выпланных слёз.
Когда судьба укажет новый путь
И снова позабудешь ты меня,
Едва в твоей душе воскресну я,
Не мучайся, ведь нет во лжи нужды:

Ты улыбайся и меня забудь,
Так лучше, чем грустить всю жизнь.

SOMEWHERE OR OTHER

Somewhere or other there must surely
be
The face not seen, the voice not heard,
The heart that not yet — never yet —
ah me!
Made answer to my word.
Somewhere or other, may be near or far;
Past land and sea, clean out of sight;
Beyond the wandering moon, beyond
the star
That tracks her night by night.

Somewhere or other, may be far or near;
With just a wall, a hedge, between;
With just the last leaves of the dying year
Fallen on a turf grown green.

ВОЗМОЖНО, ГДЕ-ТО РЯДОМ...

Возможно, кто-то есть, —
ведь мир велик,
Кто не ответил на мой зов.
Его дожидаться сердце мне велит,
Его мой ищет взор.
За далью, где кончается прибой,
Иль где кончаются моря,
В краю, куда уходит ночь с луной,
Где звезды говорят.
Возможно, где-то рядом, за стеной,
Среди препятствий и преград,
Под опадающей листвой —
Судьбы зеленый сад.

A PAUSE OF THOUGHT

I looked for that which is not,
nor can be,
And hope deferred made my heart
sick in truth:
But years must pass before a hope of youth
Is resigned utterly.
I watched and waited with
a steadfast will:

And though the object seemed o'flee
away
That I so longed for, ever day by day
I watched and waited still.

Sometimes I said: 'This thing shall be
no more;
My expectation wearies and shall cease;
I will resign it now and be at peace':
Yet never gave it o'er.

Sometimes I said: 'It is an empty name
I long for; to a name why should I give
The peace of all the days I have to live?
Yet gave it all the same.

Alas, thou foolish one! alike unfit
For healthy joy and salutary pain:
Thou knowest the chase useless, and again
Turnest to follow it.

ПАУЗА ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Искала то, чего давно уж нет,
И знала — тщетны поиски мои:
Как только промелькнули златые дни,
Его исчезнет след.

Лелеяла надежду и ждала,
Мой взгляд что-то настойчиво искал,
Но этот образ снова ускользал, —
Его опять звала.

Твержу себе: «Не верь, не стоит ждать»,
И мысль «Ничто не вечно под луной»
Сулила долговременный покой, —
Но верила опять.

Я думала порой: «Зачем дарить любовь,
И тратить жизнь на вымысел пустой,
Слепую веру называть мечтой», —
Но верила я вновь.

О, глупая, какой же смысл бежать
От всех превратностей своей судьбы
За счастьем призрачным, оно —
не было, —
Но мчусь за ним опять.

ЯНА КОНОЗОВА

Россия, Ростовская область, Станица Кагальницкая

ВСЁ СЛУЧИТСЯ, КОГДА ТЫ ДОПИШЕШЬ КНИГУ

Все случится, когда ты допишешь книгу.
Время не сможет больше держать твою жизнь на мушке.
В лес уйдут сбежавшие цирковые тигры,
Чтобы никогда больше не вернуться.
Небо надолго окрасится чёрной краской.
Звёзды на этом небе займутся искрами
От огромных костров, в которых сжигают рясу
Монахи, ставшие атеистами.
Мир погибнет. Или останется прежним.
Дети вырастут, птицы вернутся с юга,
Ветер с моря будет таким же свежим,
Надувая парусом легкие складки юбок.
Что-то будет, когда ты поставишь точку.
Это режет слух, как фальшивая нота в гамме.

Но ты выйдешь из последней строки досрочно.
Черным ходом. И этого не узнаешь.

КОЛОДЕЦ

Человек рассказал мне, что где-то, на краю пшеничного поля,
Есть колодец глубокий, как край вселенной,
Что его глубина любого лишает воли,
Навсегда прикрепляясь к нему неразлучной тенью.
И теперь, чем я больше об этом думаю,
Тем, мне кажется, я отчётливее его себе представляю:
По серому камню колодца ящерица бесшумно
Скользит и в трещине исчезает, по краю,
Вокруг черной бездны, давно облупилась краска.
Я закрываю глаза и вижу, как мои ладони
Превращаются в ветер и гладят пшеницу ласково,
Как они проносятся над глубиной бездонной
И меня окликают оттуда, или мне это кажется,
Потому что я чувствую, как пульсирует ее чёрное тело.
Я пытаюсь не думать об этом, но это уже не важно,
Ведь даже если этого мне не делать,

Он найдет меня сам, он узнал меня в этом ветре,
Шум колосьев остался в ритме моего пульса.
Не помогут ни заговоры, ни километры,
У меня внутри теперь, как в колодце, пусто.
Я пишу человеку: «Ваш колодец не даёт мне покоя,
Я в отчаянии». Но он больше не отвечает.
Он молчит тишиной того бесконечного поля,
И мне кажется, сам колодец состоит из таких молчаний.
Я ступаю на край колодца и вижу звёзды,
И я вижу время, спрессованное руками.
Я держусь за себя, но хватаю один лишь воздух,
И я падаю вниз, на лету превращаясь в камень.

НЕСКОЛЬКО ФРАЗ ДО ЗИМЫ

Несколько фраз остается теперь до зимы.
Ветер терзает снег, пытаясь его озвучить.
Ему почему-то кажется, что так лучше.
И снег с ним не спорит, он просто рожден немым.
До зимы остаётся один недописанный лист.
Сколько их прилетело на землю лежать и слушать,
Как старается ветер, свою надрывая душу,
Чтобы в снежные губы холодную речь вложить.
До зимы остаётся белый проем окна
И луна, по-кошачьи забравшаяся на крышу.
На последней странице ветер порывом пишет:

До зимы остается снежная тишина.

СНЕГ

Если что-то в жизни имеет смысл,
То пускай сейчас это будет снег.
Он умеет так перестроить истину,
Что любая мелочь растет в цене.
Пусть покроет улицы до окраины,
Пусть отделит зримое от вчера.
Те, кто в эту зиму приходит раненым,
Завтра передумают умирать.
Снег от снега вверх отпускаешь тяжести,
Переходишь новые рубежи.
Снег на самом деле не то, чем кажется.
Он живёт, и нам продлевает жизнь.

ДОРОГАЯ, Я ШЁЛ К ТЕБЕ

Дорогая, я шёл к тебе из далёкого далека,
Из тех мест, о которых неведомо никому.
Только вдруг на моем пути разлилась река,
И я в той реке утонул.
Знаешь, я так спешил, боясь тебя не застать,
Что решил написать письмо,
Но найти ни чернильницы, ни листа
На своем пути я не смог.
Я не спал ни ночью, ни белым днём,
Я не ел и совсем не пил.
И теперь, когда путь почти весь пройден,
У меня не осталось сил.
Я устал, я падаю с высоты,
На какую подняться смог.
Я сорвался с облака, Бог простит,
Чтобы таять у этих ног.

ШЕПЧИ МЕНЯ

Шепчи меня, учи, запоминай —
Перед тобой обнажена до смысла,
Как непорочно-ранняя весна —
До первых листьев.
Лети меня на млечной высоте
К протяжным гласным и глухим гортанным
В космическом пространстве наших тел —
Легко и плавно.
Переводи в язычество огня
Моих стихов истлевшие одежды
И каждым словом так живи меня,
Как никого не проживали прежде.
Дыши меня в обветренной ночи
И полной грудью выдыхая снова,

Молчи меня. В душе меня молчи,

Как таинство божественного слова.

Я СНОВА НАПИШУ ТЕБЕ ПИСЬМО

Я снова напишу тебе письмо
Из комнат марта, пахнущих цветами,
О том, что кроме писем и имён
Нам ничего друг другу не оставить,

Что дождь прошел и небо расцвело
Большим цветком, похожим на подснежник...
Любое слово, как всегда, мало,
Чтобы вместить одну земную нежность,
Одну любовь, оставленную нам,
Как свежий воздух мартовского сада.
Сквозная, ранняя — что первая весна —
Я напишу, как раньше не писала.
Я напишу, как птицы мне поют,
Как ветер ветви за окном качает —
И словно напускает в жизнь мою
Весенние губительные чары.

И если я погибну в той весне
Заворожённой мартовской невестой —
Останься послесловием ко мне,
Как если бы в душе мы были вместе.

ПОЭЗИЯ

Смотри на мир, как на том поэзии.
Белые строки цветущих вишен,
Хайку луны за обрывком тучи —
Словно недописанное стихотворение.
Бог отвлекся или просто не стал его заканчивать?
Он никогда не дописывает своих стихов.
Продолжение их ищите в сердце.
Продолжение — чувства.
Одинокое чувство луны,
Щемяще-легкое чувство тающего облака.
Ещё мгновение — и ясность.
Перевернута страница.
Звёзды. Элегия неба,
Пронизанная вечностью.
Шорох крыльев — или ветвей.
Ночной экспромт, рождённый ветром —
Словно Поэт вспомнил отпустить строки.
Пойте, многоликие птицы тьмы — тишиной полуночи.
Да будет сказано о жизни — самой жизнью.
В изгибах сердца прятались мотыльки,
Теперь они поднимаются к Свету.
Чувство расширенного пространства.
Кто придет наполнить его Смыслом, пылью незримого?
Каждый — творец... каждый — начало стиха...
Продолжение его ищите в сердце.

В РУСАЛОЧЬИХ МЕСТАХ

Кривые рёбра старого моста,
Скелет прогнившей лодки у причала —
Такая жизнь. В русалочьих местах
Никто ни за кого не отвечает.
Вчера он реку вброд переходил,
Бросал в ее стекло цветные камни,
Теперь его здесь нет уже. Он — ил.
Ко дну веков ушедшее преданье.
Он вечером выходит из воды
И старый чёлн от берега отводит,
И говорят, что свежие следы
Его в песке темнеют на восходе.
Его шершавый голос над волной
Выводит песню, тихую, как омут.
И в этой песне — силе неземной —
Все звуки тонут.
А я недавно слышала её.
Как будто он к душе моей причалил
И так поёт, и так во мне поёт!
И словно в лодке жизнь мою качает.
Перед глазами ленты камыша
И белый пар нависшего тумана.
А может то была моя душа —
Такая непроснувшаяся, ранняя,
И эта песня колыбалась в ней,
Как лодка у старинного причала?..
А тот старик молчал. Он ил на дне.
И я лежала рядом. И молчала.
За моё цветение помолись
Твоя хрупкая девочка, раненная весной.
Под прозрачной кожей венкой дрожит висок,
Как подснежник прячется у земли.

ЗА МОЁ ЦВЕТЕНИЕ ПОМОЛИСЬ

Излечи меня, излечи от моей весны —
Растолкуй её знаками, цифрами объясни.
Эту сладкую боль пробивающейся травы
Отвори и выпусти из крови.
Удержи меня, не дай перейти за край —
Сон тревожат северные ветра.
Дай мне выпить зелье, заговори,
Чтобы сердце выдержало надрыв —
Сердце рвут крапивные семена.

Ты меня, как прежнюю, вспоминай.
Обними и небо со лба сотри —
Слишком ярко солнце горит внутри.
Твоя хрупкая девочка — это весенний сад.
На губах от солнца блестит пыльца,
Под ладонью прячется первый лист.

За моё цветение помолись.

АПРЕЛЬСКОЕ

Ты мне пишешь, что небо теперь апрельское
И такое лёгкое, первозданное.
Ты мне пишешь — небо лежит на рельсах,
Как лоскут, истерзанный поездами,
А в округе люди глядят по-птичьи,
Словно каждый прячет под кожей перья.
Ты мне пишешь, чиркнув о небо спичкой —
И меня окуриваешь апрелем.
Я вдыхаю, впитываю построчно
Твоих писем свежий весенний воздух.
Ты мне пишешь — небо сегодня ночью
Притаилось насквозь больное звёздами
И бездомным псом улеглось под дверью,
А на утро — будто его и не было.
Ты мне пишешь, сонно хлебнув апреля —
И в тебе проглядывается небо.
Ты мне пишешь, словно бы пишешь мантры,
Словно в каждом слове иные дали.

Ты мне пишешь — и в этом живая магия.

Боль апреля, сбитого поездами.

КАК БУДТО Я ИНАЧЕ НЕ ЖИЛА

Пиши меня течением реки,
Степной травой, соцветием сирени.
Пиши меня в своем стихотворении,
И как захочешь — так и нареки.
Я слишком долго верила словам,
Так долго, что привыкла жить поэзией.
Пиши меня пером, калёным лезвием,
Прядильной нитью вдоль по рукавам.

Пиши меня дождливой, ледяной,
Наполненной штормами и покоем.
Пиши, не поспевая за строкою,
По первым дням, отравленным весной.
Пиши, где не осталось ничего —
Ночной звездой, нечаянной надеждой,
Святой иконой, скрытой под одеждой,
Где пеплу преклоняется огонь.
В твоих руках невиданная власть.
Пиши меня на музыку, на счастье,
Пиши меня безумными ночами,
Как будто я иначе не жила.

КУКУШКА

Я спала в эту ночь и слушала,
Словно северная сосна,
Как в ветвях вьёт гнездо кукушка,
Как садится в гнездо Луна,
Как колышутся в небе волны,
В них качается млечный чёлн.
Мне ли силой тебя неволить,
Обнимая твоё плечо?
И не друг, и не брат, и не муж ты мне,
Да и я тебе не жена.
Мне тебя принесла кукушка —
По утру забрала Луна.
С нами будто случилась вечность,
Одурачил обманом бес —
Подреберной тайгой развенчанные,
Словно сброшенные с небес,
Мы не стали друг другу словом,
Долгим взглядом, рукой в руке.
Колет иглами ветвь сосновая
В обручальном моем венке.

Я спала в эту ночь и слушала —
Будто сердце внутри меня
Бьётся серым крылом кукушки.

А проснулась опять одна.

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВИЧ

Россия

ТАМ, ГДЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ОКЕАН

*А судьба — имя этого моря-океана,
бесконечного и прекрасного.
Алессандро Барикко*

Подъем на холм дался старику нелегко. Он кряхтел и ворчал, пробовал тростью заросшую густой сочной травой землю, но принять помощь своей молодой спутницы напрочь отказывался.

— Хватит уже! — отмахнулся в какой-то момент. — Не такой уж я и дряхлый.

— А все же... — подначивала девушка.

— Не-е, Анила, дождик ты мой весенний, даже и не думай. Я и так стесняюсь, а своей помощью ты и вовсе грозишь подорвать остатки моего самолюбия. — Мягко улыбнулся. — Может, я и стар, но еще не полная развалина.

Девушка лишь пожала плечами на этот безобидный выпад — спорить было бессмысленно. Так в молчании они преодолели последние несколько метров, пока не оказались на верхушке холма, откуда им открылся вид на безлюдный, покрытый вулканической галькой берег и уходящий к горизонту бушующий океан. Место здесь было уединенное, волнующее — туристов на острове и так не много, не сезон, а те, кто были, сюда не совались, предпочитая более традиционные пляжи: в бухте Анакена, с ее редкими пальмами, или полный розоватого песка Овахе.

— Только посмотри, — воскликнул старик. — Как это прекрасно! Тихий океан, мой верный друг...

Он скинул ботинки, нагнулся и попытался стянуть носки, но все время терял равновесие, и девушке пришлось его поддержать.

— Уф, все-таки, скорее, развалина...

А потом его ступни коснулись прохладной гальки, и на испещренном морщинами бородатом лице отразилось блаженство. Старик весь разом преобразился: вытянулся, расправил плечи. Он крепко сжал кулаки и, вдохнув полной грудью холодный океанический воздух, спросил:

— Чувствуешь, милая? Вот оно — олицетворение жизни и свободы! Окончание долгого пути, итог всего. Иначе я себе это и не представлял.

— Чувствую.

Девушка отрешенно посмотрела на океан, на пенистые волны и торчащие из иссиня-черной воды базальтовые скалы. Перевела взгляд на тяжелые тучи вдали, и у нее засосало под ложечкой.

— Вслушайся же! — скомандовал старик. — Слышишь? Мой друг приветствует нас. Он ждал все эти годы, звал меня! Помнишь те чудесные строки у Барикко? Как же там было?... Море-океан — это не что иное, как постоянный зов. Зов, который не смолкает ни на миг, но полностью заполняет тебя. Он повсюду, этот зов. И моря-океаны всегда будут звать тебя, — даже те, которых ты никогда не видел и никогда не увидишь. Потому что моря-океаны вечны, и их неустанный зов человек обречен слышать везде. И во всяком раю, и во всяком аду. Не важно как. Не важно где... Все ж насколько верно подмечено, да?

— Да, — вздохнула девушка.

Вся эта романтика несколько ее не затронула, так как мысли ее были о другом. С того самого момента, как она шагнула с трапа самолета в местном аэропорту Матавери, как в лицо ей дхнуло холодом не столь далекой Антарктики, как она увидела первого из моаи — этих древних истуканов, вырубленных из туфа вулкана Ран-Параку и будто оккупировавших весь остров, — с тех самых пор тревожило ее лишь одно. Неотвратимое будущее. То, ради чего она здесь и оказалась.

— И вот я наконец-то ответил на этот зов и пришел, — меж тем продолжал старик. — Вернулся, а мой своенравный друг — только погляди! Он теперь удивляется, что это за рухлядь притащилась к нему на встречу. Ха-ха! Но ведь это все тот же я! Ха-ха! Все тот же я, кто в юности носился по берегу и гонял чаек, кто вглядывался в неведомые дали и верил, что однажды... однажды... — Он недоговорил, усмехнулся: — Не-е, море-океан никогда не меняется. Нет-нет-нет. Зато я вот постарел...

Отшвырнув трость, он неспешно побрел вдоль берега, а шквалистый августовский ветер трепал его седые, но не утратившие былой густоты волосы. И в какой-то момент старик вдруг сорвался с места и побежал. Он развел руки и весело о чем-то кричал, а девушка со слезами на глазах наблюдала за этой его выходкой. «Мальчишка, — думала она, шмыгая носом, — в душе он всего-навсего мальчишка, млеющий перед величием этого моря-океана».

И в памяти ее, будто из черных океанических пучин, всплывали образы давно минувшего — трущобы Дели, в которых она росла сиротой, и заполненные людьми берега реки Джамны, и пугающие своей отчужденностью саху, с волосами, покрытыми пеплом и сушеным навозом, и дым марихуаны на Махашиваратри, и испепеляющая майская жара с последующими за ней июньскими муссонами, и даже грязные отошавшие коровы. Прошлое. Жизнь, разделившаяся на «до» и «после». Жизнь, разительно изменившаяся, когда она встретила этого странного европейца. «Смотри, — обратился он к своему спутнику, — у нее глаза, как у той афганской девчушки с фотографий Стива МакКарри. Помнишь? Взгляд, чарующий своей глубиной. Взгляд, будто бездна морская». Юной Аниле это ни о чем не сказало — она понятия не имела, что не так у нее с глазами. И даже позже, когда этот странный мужчина взял ее к себе, назвал дочерью, обучил всему, что знал сам, а еще показал целый мир, лежащий за пределами индийских трущоб, даже тогда она не обнаружила какого-то сходства между собой и той девочкой с фотографии. Но вот слова, которыми он охарактеризовал ее взгляд, надолго запали в душу.

Тут, явно запыхавшись, старик уселся на прохладную гальку. Вытянув ноги и опершись на руки, уставился куда-то вдаль.

Девушка подошла и присела рядом.

— Все ж рапануйцы прелестный народ, — тяжело дыша, пробормотал старик.

— Ты всех островитян считаешь прелестными.

— И правда, считаю. Ведь им выпала великая честь — родиться на клочке суши, со всех сторон окруженном водой. И какой водой! Это живое существо, моя милая, оно мыслит, чувствует. Возможно... возможно даже, что море-океан и есть сам Господь Бог? — Старик поскреб пальцами щеку. — Знаешь, я частенько размышлял об этом. Вода, жизнь... Слишком значимый символ, чтоб так просто от него отмахиваться. А еще, так или иначе, но все мы однажды приходим к богу, верно? И для каждого этот бог свой. Вероятно, что-то из детства — обычное, но при этом родное. Так однажды я сбежал с того туманного острова, где родился. Мне хотелось увидеть мир, исходить все тропы, объять необъятное. А в результате я возвратился к тому, с чего начал. И отныне важно лишь то, что мой друг рад меня видеть — посмотри, шторм стихает. Океан успокаивается. Он знает, зачем я пришел.

Девушка глянула на вздымающиеся валы, поджала губы. Старик повернулся к ней, заметил ее состояние и нахмурился.

— Ну-ну, — пожурил он, ласково приобняв ее за плечи. — Ты ведь догадывалась, что так оно все и будет. Любая дорога рано или поздно заканчивается. У всего есть итог, тем более у человеческой жизни. Какой тогда смысл грустить?

— Нету смысла. — Она попыталась изобразить улыбку, получилось не очень. — Но и смириться с этим тоже нелегко.

— Понимаю, — кивнул старик.

Нагнувшись, он вдохнул аромат ее волос. В этом не было никакого сексуального подтекста — лишь не озвученная признательность, выражение родства одного одиночки к другому. Невидимые на первый взгляд мелочи, что и составляют суть человеческих взаимоотношений. И все же старик ощутил, как томительной дрожью отозвалось во всем теле воспоминание о былом, о тех днях, когда он был моложе и уверенней. Тогда столько всего предстояло сделать — столько миль пройти, столько стран посетить. Дорогами восточных ветров — таинственными улочками Алжира, Триполи, Каира, под песни муэдзинов, наслаждаясь запахом пряностей, а дальше берегами реки Иордан, по которым ступал сам Моисей, в пугающе древний Дамаск и еще дальше, много-много дальше. Индия, где он отыскал свой прекрасный цветок, свой путеводный ветер; Непал, где юная Анила наконец перестала дичиться и впервые заговорила, а сам он осознал, насколько важно иметь в жизни человека, с которым ты можешь разделить свой путь. После были Бутан и зависший, словно в небесах, Такцанг-лакханг, столь поразивший Анилу; Бирма и тревожащие своим запустением храмы Пагана; Лаос, полный нехоженых троп и странных людей. Незнакомая культура, многочисленные беседы и фотографии. Так они добрались и до Японии — минуя шумные мегаполисы, блуждая окутанными дымкой холмами. Холмами, словно пронизанными строчками из Сайгё.

Кто скажет отчего?
Но по неведомой причине
Осеннею порой
Невольно каждый затомится
Какой-то странною печалью...

Годы в скитаниях, годы в попытке запечатлеть на пленку собственные переживания. Многочисленные, испещренные светом софитов кинофестивали, отзывы кинокритиков... важным оказалось лишь то, каким видела все Анила. Натуральное открытие — пугающее, а вместе с тем и будоражащее. Время, когда Анила перестала быть только спутником, она превратилась в музу. И вот каков итог: в голове разрозненные картины сумбурно прожитой жизни, рядом погрузневшая Анила, а перед глазами верный спутник всего его творчества — тот, с кого все началось и на ком все закончится — объект поклонения, логическое завершение пути — море-океан.

Море-океан...

— Увы, другого выхода нет, — сказал старик.

— Есть! — не сдержавшись, крикнула девушка. — Эта болезнь... разве она... разве... — И притихла. Осознала всю тщетность своих попыток. А может, где-то в глубине души даже признала, что старик прав — другого выхода нет, и то, что должно случиться, обязательно случится. Так уж устроен мир.

Старик же помолчал немного, а после задумчиво произнес:

— Знаешь, там, в той туманной дали, за пучинами и даже за самой линией горизонта — да-да! — где-то там сокрыт так называемый Континент Му — утраченная Пацифида. И вроде бы как именно ее искал Якоб Роггевен, когда невзначай обнаружил Рапа-Нуи. Пацифида. Вот где мы с тобой еще не бывали, верно? — Он подмигнул. — Я слышал, что там, где заканчивается океан, как раз начинаются ее берега. Далеко-далеко...

Девушка ничего не ответила. Прижавшись к старику, она слушала его голос, таинственным образом сливавшийся с шумом прибоя. Слушала так же, как слушала многие годы до этого — зачарованно, внимательно. Голос, который рисовал картины в воображении, приоткрывал завесу великих тайн...

— А ведь мне всегда было интересно, куда устремляются киты и дельфины, — продолжал старик, поглаживая ее по волосам, — о чем они поют и вздыхают, что видели и о чем грезят... Помнишь, как я пытался представить это, показать в одном из своих фильмов? После аравийских пустынь и тибетских гор, после вьетнамских джунглей — куда мы отправились? В Японию? Кажется, там все случилось. Там меня впервые потянуло на родину, обратно к большой воде. Я вдруг понял, что хочу знать, что же скрывается в этой метафизической дали. И вот я здесь. И вот передо мной эта даль — столь восхитительная и манящая, что даже древние моаи не решились смотреть на нее, отведя свой взор в глубь острова. Почему? Может, они не желали бередить старых ран? Они помнили те удивительные края и тосковали по ним, но выбор был сделан, и обратно повернуть оказалось уже нельзя. И теперь, оцепеневшие, они равнодушно взирают на недра острова, но мысли их далеко-далеко...

Девушке не хотелось думать о каменных истуканах. Они казались ей столь же безучастными ко всему, как и большинство индуистских богов — изо-

браженных в скульптуре, либо же на бумаге. Один лишь Ганеша выделялся среди них — добряк, настолько захваченный написанием «Махабхараты», что даже использовал собственный бивень вместо сломанного пера. Увлеченное божество.

— Вот и я так, милая моя, весенний ты мой дождик, вот и я так... — бормотал старик. — Всю жизнь скитался по миру, искал чего-то. А оказалось, что мечты мои стелются по водной глади, уносятся к горизонту и дальше, много-много дальше...

Тогда девушка не выдержала. Она повернулась и обняла старика, зашептала ему в самое ухо:

— Я понимаю, мой хороший, все понимаю. И — да, я знала, что так оно все и будет, просто... просто мне нужно время, чтоб свыкнуться. Совсем чуть-чуть времени! Ведь все так быстро, так... Да, я откладывала этот момент, старалась не думать о нем, хотя всегда знала... Знала, что рано или поздно ты захочешь преодолеть эти тысячи километров, высадиться на этом острове, чтобы... чтобы... Боже, нет! Такие, как ты, не заканчивают свои дни на больничной койке. Иная у вас судьба! Иная!

Он отстранился, с улыбкой заглянул ей в глаза.

— Я верил, что ты поймешь.

Она же кивнула в ответ и вдруг, ни с того ни с сего, поцеловала долгим страстным поцелуем. То был поцелуй уже не дочери, но любящей женщины. Женщины, которая осознала, что перед ней мужчина всей ее жизни. Верующей, что наконец обрела своего бога.

— Анила на санскрите значит ветер, — прошептал старик, когда она уткнулась лицом ему в грудь. — Мой путеводный ветерок. Маленькая моя девочка.

— Знаешь, — сдавленно проговорила она, — мне кажется, будь у них такая возможность, они бы поступили как ты. Кусто, Барикко, Скаллеруд... — все твои кумиры, вдохновители... Если бы они могли, тоже отправились бы по этой дороге — туда, где заканчивается океан... В далекие дали, к неведомым берегам...

— Быть может, и отправятся. Или уже это сделали. Буквально или не буквально, но все же. Для каждого это свой путь. Новеченто ведь так и остался на корабле. Он не сошел на берег даже когда узнал о взрывчатке. А обитатели таверны «Альмайер»? Эти удивительные люди, ищущие начало и конец моря-океана, его глаза... Подумать только — глаза моря-океана! Да и Забвенная дорога Мортена Скаллеруда... ведь мы видели ее саму, но не то место, куда она уводит, верно?

— Угу...

Старик поднялся и стал стягивать с себя рубашку, затем брюки, пока из одежды на нем не остались одни лишь плавки.

«Мальчишка, — подумала девушка, — ну разве это честно, когда мальчишки стареют? Нет, совсем не честно! Человек должен оставаться в том возрасте, в каком ощущает себя его душа».

— Так что, мое лесное озеро, составишь компанию? — бодро поинтересовался старик, глядя на темную воду. — В это время года довольно прохладно, но... думаю, мы справимся.

— Конечно, — отозвалась девушка. — Я ведь с тобой хоть на край света, помнишь?

— Ну-у, край света не здесь, — посмеялся он. — Чутьочку дальше. Мы ж там бывали.

— Бывали...

Минуту спустя они уже шли к океану. Вода оказалась холодной, но не ледяной, как боялась девушка. Набрав полную грудь воздуха, старик бросился в накатившую волну. И всю его немощь будто рукой сняло. Островитянин, потомок легендарных моряков и неисправимый путешественник — в воде он чувствовал себя гораздо естественней, чем на суше. А может, дело было вовсе не в этом? Может, такой приток сил объяснялся совсем иными причинами? Кто ж знает.

Вынырнув, старик интенсивно заработал руками и ногами, преодолевая свое-нравное течение, отчаянно старавшееся вышвырнуть его обратно на берег.

— Анила, ты идешь? — крикнул он. — Еще не время играть «Марш глухого»! Альфонс Алле не в обиде...

И тогда она нырнула следом. В первый миг от холода сдавило грудь, но девушка была опытным пловцом и знала, что при правильном темпе и дыхании это скоро пройдет. Очень быстро она догнала старика, и они поплыли рядом, постепенно удаляясь от берега...

— Ну, все, — в какой-то момент произнес старик. — Думаю, где-то здесь и начинается мой путь. — Он посмотрел на нее, улыбнулся. — Взгляд, будто пучина морская... Может, твои глаза и есть глаза моря-океана? Или же... тот самый край, где океан сливается с человеческой душой, где одно неотделимо от другого?

Он тяжело дышал, и было видно, что сил у него осталось всего ничего. От этого у девушки екнуло сердце, болезненно зашипало в глазах.

— Теперь я понял, Анила, — сказал старик, — ты то сокровище, что я так упорно искал. Мой друг, мой попутный ветер, моя путеводная звезда... Но сейчас, увы, я вынужден попрощаться с тобой. Здесь начинается путешествие, в которое я отправляюсь один. А ты... возвращайся. Возвращайся же!

Девушка ничего не ответила, подплыла и крепко прижалась к нему, в последний раз ощутив его пусть и истощенное болезнью, но по-прежнему родное тело. Она нежно коснулась губами его губ, заглянула в глаза, а после стремительно направилась к берегу. И до тех пор, пока не почувствовала под ногами твердую почву, так ни разу и не обернулась...

Дрожа от холода и усталости, она прошла несколько метров и рухнула на песок, шмыгнула носом и лишь тогда посмотрела на океан. Старика она не увидела — сплошь взмывающие к небу и опадающие в бездну темные валы. Мало-помалу надвигалась гроза, даже раскатиисто громыхнуло вдали... А в Анга-Роа — единственном городке этого острова, — в аэропорту ее уже дожидался арендованный самолет. Пять часов лету до Сантьяго, и дальше — на родину, где бы та ни была. Дальше — в пустой дом, наполненный картинами, фильмами, воспоминаниями. Дальше — к жизни, в которой ей уготованы годы и годы...

Ей не хотелось думать об этом.

Она подняла с земли сарафан и накинула его прямо на мокрое тело. С грустной улыбкой глянула на линию горизонта, прошептала:

— Доброго тебе пути, папа. Надеюсь, твоя заповедная земля действительно начинается там, где заканчивается этот океан. И я надеюсь, что ты будешь меня ждать...

ЮЛИЯ КАНИНА

Россия, Санкт-Петербург, г. Кронштадт

РОДНЫЕ ДУШИ

Это узнавание ни с чем не перепутаешь. Это не «вау, какая красивая», не яркое платье в толпе, не поворот головы на громкий смех.

Это другое. Это когда встречаешься взглядом с человеком и по свету из его глаз ты узнаешь. Ты узнаешь родную душу, с которой встречались не раз. Ты узнаешь тепло и любовь. Ты видишь в этих глазах битвы плечом к плечу, совместные мирные жизни, общий дом и детей, победы и поражения одни на двоих.

Это узнавание — самый сильный магнит. Встретив такого человека уже точно знаешь: «Он изменит мою жизнь. Зачем-то мы оказались в этой точке одновременно».

Хочется прикоснуться к щеке, удивившись этому облику и тихо спросить: «Как ты?», вложив в эти два слова всё — какие задачи решаешь, что получается, нужна ли поддержка. Вопрос «узнаешь ли ты меня» не возникает.

Это узнавание цепляет и выдергивает из привычной жизни. Оно затягивает тебя и ты уже не знаешь, что будет завтра, как повернется жизнь. Может быть, ты будешь собирать рюкзак на Аляску, или пробежишь марафон, или... Или осознаешь. Поймешь: зачем ты здесь и сейчас. Поймешь: для чего воплотился и почувствуешь Жизнь каждой клеточкой.

Кто знает, куда заведет свет из глаз родной Души...

ДАВАЙ УБЕЖИМ

Забудем прошлое, обиды и разочарования, разбитые колени и падения на живот, когда из тебя выбивают весь воздух.

Простимся с выматывающей и скучной работой, вспомним то, о чем мечтали в детстве. Станем тем, кем хотели. Будем петь песни в голос на улице. Не стеснясь, не оглядываясь и не задаваясь вопросом «а что о нас подумают». Возьмем в руки кисточки, и будем творить. Не за пятерку на уроке, а для себя.

Когда ты в последний раз делал что-то для себя? Это не провалиться выходные на диване перед телевизором, жуя пиццу и радуясь, что не надо на работу. А для себя, для своей души. Когда ты в последний раз гулял по лужам босиком? Целовался под фонарем? Смеялся в голос? Учился для себя, а не для корочки? Ты когда-нибудь творил? Это когда дело захватывает тебя так, что ты не спрашиваешь сколько тебе заплатят, не смотришь на часы. Ты весь, целиком, там. Это ощущение Творца.

Давай убежим. Убежим к себе настоящим...

ОТПУСТИТЬ

Капли дождя по надгробным плитам, хриплое карканье ворона и ветер...

Я стою на кладбище и ощущаю себя зрителем на каком-то нелепом спектакле. Это не то представление, на которое я бы купила билет.

В гробу мужчина, с которым я жила и любила его. Он ли это? Ведь не эти губы я любила целовать, не эту челку поправляла. Там его нет. Там «кукла».

Что же я хороню?

Скафандр-оболочку человека, свои ожидания и мечты о том как бы мы могли прожить вместе, свой эгоизм — как мне было хорошо с ним и сколько он делал для меня, свои зацепки за него.

Это точка. Точка, которую не сотрешь и не исправишь в запятую.

Комья земли падают на крышку гроба.

Раздаются рыдания. По кому мы плачем? Почему так больно? Что за этой болью? Неужели по нему, что он ушел? Но Душа — бессмертна, он никуда не делся, пойдет на новое перерождение. Он просто поменяет оболочку.

Он был частью жизни каждого, кто пришел сюда. Был совместный опыт, мы учились друг у друга. Опыт закончен.

Последний урок с ним — принять его уход и отпустить.

Понять, что плачем мы по себе, по тому, что не сможем больше обнять и поговорить.

И надо дальше жить и идти по своим задачам.

Без него.

Есть места, которые нас держат... Держат воспоминаниями, эмоциями, переживаниями... Мы можем их называть «лучшим местом на Земле» не осознавая, что место самое обычное. А то, что мы там пережили — нет...

Васильевский остров Питера.

Я иду по нему и прощаюсь. Прощаюсь с обидами, злобой, детскими слезами и разбитыми коленями. Пора отпустить, поставить точку.

Тополя, которые мне казались гигантами, теперь обычные...

А вот двор, в котором я каталась на трехколесном велосипеде. Как я вообще здесь умудрялась разворачиваться?

Садик, до которого мне казалось идти целую вечность, особенно зимой. Когда я дрожала не от холода, а от страха, что меня унесет Снежная королева... Он совсем рядом!

Все стало маленьким и обычным...

Надо заглянуть в парк, где так здорово было играть в прятки и валяться в траве! Вот и он. Смоленское кладбище...

А тех гаражей, по крышам которых мы бегали, уже нет...

Детство... и место, где началась моя Игра под названием Жизнь...

Место, которое и тянуло меня и отталкивало.

Место, где боль и слезы были самые настоящие. И защиты от них не было.

Место, где были произнесены первые клятвы. В сердцах и с ненавистью, не осознавая, что будет происходить, когда они начнут действовать.

Место, где я узнала, что такое потери, страх, одиночество... дружба, забота и доброта.

Колыбель, из которой я выросла.

Нельзя двигаться вперед, неся такой груз внутри себя.

Надо благодарить... и прощаться.

Знаешь, а иногда так хочется разговора...

Чтобы мягкий свет на кухне, большие кружки с чаем, от которого пахнет летними травами и солнцем, тиканье часов и мурчание кота. Когда никуда не бежишь и ты там, где должен быть.

И этот разговор не для того, чтобы пожаловаться или пробить на слезу. В нем не должно быть надрыва, громких фраз или резких движений.

Это не для пьяной компании и громкого смеха, хлопанья по рукам и клятв в вечной дружбе.

Не пафос и не помериться интеллектом и багажом прочитанного.

Это очень личное. Тихое, уютное и родное. Это привкус счастья от того, что тебя понимают. Это узнавание себя в глазах другого человека. Это полное принятие и растворение в моменте...

И он обязательно произойдет. Этот разговор.

Я стою посреди улицы. Люди бегут мимо, мамочка тянет плачущего ребенка, машины... Звуки... Мимо прошел мужчина. Какой аромат! Кажется, я знаю эту туалетную воду...

Вспорхнул голубь, от крыльев поднялись упавшие листья. Их последний полет.

Я стою. Здесь и сейчас. Меня не станет, а люди будут бежать, эти дома останутся, деревья станут вековыми. Мир без меня не рухнет. Заметит ли он вообще, что эта песчинка была здесь? Песчинка, и при этом — ценность. Я — есть.

Есть ли что-то, о чем я буду жалеть, когда останусь без скафандра — тела?

Может быть о том, что так и не купила себе чего-то, что очень хотелось? О! Или — секс. Будут ли у меня мысли о нем? Что надо было себе позволить больше? Или, что я не прыгнула с парашютом? Будет ли все это важно?

Или важнее то, что я кому-то не сказала, что люблю? Что не обняла и не подарила тепла?

С сиреной проносится скорая. Я вздрагиваю...

И понимаю, что все важно. Нельзя быть духовным человеком, и при этом плевать на материальное — на свое тело, свои желания. Духовность и повседневная жизнь. Они друг без друга — пусты.

Прямые эфиры на радио...

Тексты, отточенные слова, репетиция по секундам, дыхание...

И самое главное — не перезапишешь, не сотрешь, не изменишь запись... споткнулся — просто говори дальше, ошибся — не тормози, продолжай... уже ничего исправить нельзя. Можно разобраться в этом чуть позже и больше не повторять ошибки.

Так и Жизнь.

Мы готовимся к воплощению, ставим себе задачи, репетируем... и идем в «прямой эфир», обещая сделать это красиво.

Ошибаемся, спотыкаемся, сбивается дыхание, рыдания и смех перехватывают горло... Мы уже забыли, что «микрофон включён» и из динамиков, на тех, кто нас слушает, льётся какофония звуков и эмоций.

Мы «фоним» недовольством и агрессией, истериками и алкоголем, страданиями и цинизмом...

Когда от «нашего канала» отписываются, не желая больше это слушать — мы обвиняем их. Это они хреновые эстеты, не мы же создали эту ситуацию!

Путаемся с пультом управления и идем «не туда», пропадаем из эфира. Бухаем, делаем тату, пирсинг, ищем к кому прижаться и страдаем как Мир не справедлив к нам.

Забываем, что эфир — в наших руках.

И... мы всегда можем настроить волну... и сделать красиво...

Они всегда меня любили, ждали... и не отпускали...

А я убегала...

Ныряла в отношения с головой, стараясь забыть о них и избавиться.

Хваталась за бутылку, ища в ней утешение и забвение.

Работала до изнеможения, чтобы не подпускать их к себе близко.

Уезжала в другие города, надеясь затеряться среди извилистых улочек и незнакомцев.

Играла чужие роли, делая вид, что это не я. Пряталась за масками.

Запутывала следы, меняла профессии, города, внешность, образ...

Но они терпеливо ждали.

Они были рядом и готовы были принять в свои объятия как любящая мать.

Боль и страдания.

Они обещали успокоение, но давали лишь злобу и ненависть. Ненависть к себе и к этому Миру.

И я бежала. Бежала так быстро, как могла. Пока... не поняла, что всю жизнь не пробегаю. Споткнусь, упаду, выдохнусь...

Надо решать. Найти ответ как жить без них.

Заменить боль на радость,

а страдания на счастье.

И я знаю как это сделать.

Мой бег прекратился...

Расскажи мне о тех, у кого получилось. Получилось открыть Сердце, обнимать им Мир и людей.

О тех, кто победил. Победил свои страхи, гнев, агрессию...

Расскажи мне о Магах, которые смогли. Смогли изменить себя, свою Жизнь и нести это дальше.

О Магах, которые не выделяются в толпе, невидимы и незаметны.

Расскажи мне об искренних и отдающих. О том, какой Путь они прошли, что пережили, чему научились.

Расскажи про тех, кто побеждает, не доставая оружия. Кто видит гармонию этого Мира и не воюет с ним.

Напой мне их мелодию,
поговори со мной на их языке,
покажи то, что они умеют,
научи меня этому...

Расскажи... Мне надо знать, что они есть...

А. АСТРАХАНСКИЙ

Россия, Москва

ДАРЫ ВОЛХВОВ. НАШИ ДНИ

К выходу из метро подсакивает красный автомобиль и, замерев, нетерпеливо моргает аварийками.

— Алло, зай! Я на месте, ты где?!... Не слышу! Где?!... На эскалаторе?! Давай живее. Здесь сплошные знаки. У меня «письма счастья» уже в бардачок не влезают. Мы же договаривались, ровно в семь.

Вынырнувшая из толпы фигура с розовым пакетом в руках, открыв дверь, шлёпается на пассажирское кресло.

— Приветик! Извини, коть, в универе завал, диплом не за горами.

— Привет! Подожди, не закрывай! Ноги!... ноги отряхни!

Аварийки гаснут. Не включив поворотник, автомобиль, подобно красному мустангу, мощным спуртом набрав скорость, тут же вклинивается в соседний ряд. Сзади обиженно бикает подрезанная легковушка.

— Чего бибикаешь, овца? — оскорблённый жеребец, рывком нырнув ещё левее, визжит тормозами. Посмевающая бикнуть машина проезжает справа. Резко дав по газам, мустанг в один момент равняется с ней. Резко вильнув, наваливается на дерзкую виновницу. Едва увернувшись от столкновения, она испуганно шарахается в сторону; чуть было не столкнувшись с другим авто, растерянно останавливается, стремительно уменьшаясь в зеркалах заднего вида.

— Так-то, овца! Разуделась!

— Не заводись, коть.

— Понапокупают права, блин!

Они молчат. В салоне негромко играет радио. Бархатистый голос обволакивает — Энд а-а-а-й... вил олвез лав ю-ю-ю-ю-у... вил олвез лав ю-ю-ю-ю-у... — поднимая и унося мустанг и его седоков куда-то вверх, в пушистые облака над заснеженными крышами.

— Ладно, фиг с ним. Зай, ну привет! Сегодня такой замечательный день. Дай я тебя поцелую!

— Ты что? За дорогой следи.

— Вот ещё! Увернутся, кому надо.

Красный болид летит по запруженной огнями автостраде, не сбавляя ход.

— Что-то мне подсказало, зай, что сегодня в нашем заведении будет аншлаг.

— И что?

— Что-что. На девятнадцать тридцать у нас забронирован столик. Предварительно заказан наш любимый салат с рукколой и тёплой куриной печенью, а также бутылка шампанского. Официант предупреждён, что если к нашему приезду вино не будет охлаждено до плюс пяти, не видать ему чаевых, как своих собственных ушей.

— Коть, ты молодец!

— У меня для тебя ещё один сюрприз. Кроме подарка, конечно.

— Ты меня удивляешь!

— Сегодня в Сети, билеты в Париж, с какой-то адской скидкой, за три копейки отдавали.

— И?!

— Через три недели, Зай, летим с тобой на уикенд осматривать Эйфелеву башню, Елисейские поля и... как его... Колизей.

— Колизей в Риме. В Париже — Лувр.

— Пусть Лувр. Хрен редьки не слаще.

— Париж! Это моя мечта! Коть, ты сегодня в ударе!

Официант, провожающий пару к заказанному столику, раздвигая висящие повсюду красные шарик — сердечки, тараторит:

— Сегодня — полный биток. На ваш столик уже раз сто посягали, но я отстоял. Всё, как вы просили: печень ещё дымится; вино, сам проверял, охлаждённое.

— Шампанское должно быть не охлаждённым, а ледяным!

— Да, да, извините, я не так выразился. Ледяное.

Услужливо отодвинув стул, официант усаживает её; затем — его. Зажигает свечи. Достает из ведёрка со льдом запотевшую бутылку, обтирает её изящный стан салфеткой и разливает по узким бокалам шипящее, пенистое вино, пляшущее в язычках пламени золотистыми пузырьками.

— Ну, зая, за тебя! За нас!

— За нас!

Нежно звенит тонкое стекло.

— М-мммм! Ледяное. Будет гарсону сегодня счастье. А теперь настало время дарить подарки. Давай, я начну.

— Ну конечно, коть.

На столе появляется чёрный пакетик с ручками. Из него извлекается и приоткрывается бордовая бархатная коробочка:

— Это тебе. — В коробочке блестят, переливаясь камушками, серьги.

— Ах!... Ну, ты даёшь! Кольцами! Который месяц ишу по всем сайтам такую форму!

— Белое золото и настоящие бриллианты. Можешь носить одну, а можешь обе.

— Золото?! Настоящие бриллианты?!... Ты в своём уме?! Это же целое состояние!

— Да ладно.

— Надеюсь, за последние сутки в городе не было ограблений ювелирных салонов?

— Всё прозаичнее, зая. Шеф, хоть и редкостный жмотяра, но мне всё же удалось, с великими боями, конечно, выгрызть у него премию по итогам года. Так что и на Париж, впритирку конечно, но хватит.

— Ну-у-у, спасибо!

— Но и это ещё не всё.

— Не всё?!

— Там, в пакете, конверт; сертификат на посещение... как его... слово такое модное ... вашей... ну как его..., в общем парикмахерской.

— Ты — чудо! Спасибо! Теперь мой черёд. Коть, только сдвинь, пожалуйста, тарелки на столе.

На освобождённое место из розового пакета аккуратно выкладывается увесистая коробочка. Она прекрасна: обёрнутая винтажной тиснёной бумагой с пузатыми амурчиками, перевязанная красной ленточкой, с красным, ровно по центру, бантиком.

— Ого! Ну-ка! — Оторванный бантик летит на пол. Испуганной змейкой скользит на пол ленточка. Трещит раздираемая бумага. — Таак, и что здесь?!

— Да тише ты, коробку раскурочишь. Давай помогу.

— Справлюсь. Ой! Невероятно! — В открытой коробке — полный комплект... комплект тормозных колодок; пара передних и пара задних.

— Оригинальные! Они же такие дорогие! Но... подожди, откуда? Стипендия у тебя — кот наплакал. И родители, насколько я знаю, тебе не помогают.

— Я...вобщем... по выходным... ну... иногда после пар, вечером, или в ночь...

— Что, в ночь?!!

— Да ты не подумай, Коть. В сетевом общепите любой график подобрать можно.

— Ты мой Зая! Но как ты про колодки догадался?! Я только сегодня, в обед заметила, что у меня засвистело; рванула к Вартану, а он — «Бу-бу-бу. Опять колодки под ноль сточила. Бу-бу-бу. Ты, со своей манерой езды, на своего жеребца колодок не напасёшься». — Зая, ты — лапа! Дай я тебя поцелую!

Порывисто вскочив со стула, красотка, процокав подковками каблучков, обнимает и целует любимого мужчину в губы.

КОНКУРС

— ..Слово предоставляется второму заместителю префекта N-ского округа, Никанору Ивановичу.

— Дорогие москвичи! Стремительно развивается, хорошеет наш город. Вот и очередной промышленной зоне, так сказать, суждено исчезнуть с карты столицы. На её месте крупная, хорошо зарекомендовавшая себя, компания-застройщик, выбранная нами на конкурсной основе, возведёт новый микрорайон, отвечающий всем, так сказать, требованиям современной жизни. О проекте расскажет второй заместитель Генерального директора компании «N-строй», Остап Ибрагимович.

— Проект, в своём роде, уникален. Архитекторам и дизайнерам была предоставлена редкая возможность с нуля распланировать широкие доро-

ги и бульвары, а также все объекты городской инфраструктуры. Зная точное количество будущих жителей, они предусмотрели необходимое количество мест в школах, детских садах, больницах и поликлиниках. В проекте всё продумано и просчитано до мелочей. Гаражей, парковочных мест, спортивных и детских площадок, магазинов, точек общепита и всего прочего, нужного для полноценной комфортной жизни, гарантированно хватит на всех. Гордость проекта — большая парковая зона с фонтаном на центральной аллее. Компания обязуется выполнить работы качественно, в полном объёме и в установленные сроки.

Через несколько дней после того, как оттремели аплодисменты, территорию бывшего завода захватила армия азиатов в оранжевых касках, вооружённая совковыми лопатами. По центру и с флангов наступление поддерживали гигантские бульдозеры, экскаваторы и самосвалы. Слоноподобные стенобитные орудия, размахивающие многотонными шарами, крушили стены и перекрытия цехов. Корпуса валились, как карточные домики.

И месяца не прошло, как от завода камня на камне не осталось. Первым делом, согласно проекту, начали прокладывать дороги.

— Никанор Иванович, а не жирно москалям, по три полосы в каждую сторону, будет?

— Ваше предложение, Остап Ибрагимович?

— Двумя обойдутся. На освободившимся месте строим коммерческую недвижимость и распродаём.

— Мой выхлоп?

— Пилим; вам — тридцать, нам — семьдесят.

— Остап Ибрагимович, побойтесь Бога.

— Никанор Иванович, причём здесь Спаситель? Мы же вкладываем, строим, а вы только резолюции подмахиваете.

— Остап Ибрагимович, одна такая, подписанная мной, резолюция, и весь ваш «N-строй» отправится со строительных площадок в пешее эротическое путешествие.

— Вас понял. Ваше предложение?

— Всё должно быть по-честному.

— Аааа... как это, по-честному?

— По-честному, дорогой вы мой, значит поровну. Пятьдесят на пятьдесят. Зауженные дороги обрекли будущих жителей ещё не построенного квартала на вечное стояние в пробках.

Жилые кварталы росли, как грибы после дождя.

— Никанор Иванович, неужели жители столицы не хотят увидеть из своих окон Кремль?

— Ваше предложение, Остап Ибрагимович?

— Вместо двенадцати и семнадцатизэтажек, это же прошлый век, строим двадцатипяти- и тридцатизэтажки. Дополнительные квадратные метры распродаём.

— Мой выхлоп?

— Как договаривались, Никанор Иванович; по-честному, пятьдесят на пятьдесят.

— Семьдесят на тридцать.

— Никанор Иванович, побойтесь Бога.

— Остап Ибрагимович, причём здесь Спаситель? Вы только строите, а все риски — на моей заднице.

— Может быть шестьдесят на сорок?

— Дорогой вы мой, вы и весь ваш шараш-монтаж могут стремительно обесцениться в моих глазах, и, как следствие, в глазах вышестоящего руководства. И тогда, к сожалению, я уже не смогу называть вас дорогим.

— Вас понял.

Завышенная, по сравнению с первоначальным проектом, этажность домов обрекла будущих жителей ещё не достроенного квартала на хроническую нехватку мест в школах, детских садах, больницах и поликлиниках.

В отстроенных домах шли отделочные работы.

— Никанор Иванович, ну не даёт мне эта парковая покоя. Столько места пропадает. У вас что, парков и фонтанов мало? Съездят москалики, не обломаются, погулять на ВДНХ, в парк Горького или в Сокольники, на худой конец.

— Ваше предложение, Остап Ибрагимович?

— Вместо парковой зоны разбиваем скверик. Освободившуюся территорию застраиваем и распродаём.

— А гордость проекта — фонтан?

— Фонтан в скверик не влезет. Обойдутся.

— Остап Ибрагимович, я уважаю вашу патологическую... любовь к финансовым потокам. Но я всё-таки должен, так сказать, проявлять заботу о населении.

— Что вы прицепились к этому фонтану? Мыслить надо шире, творчески. Вместо фонтана в скверике можно... допустим, установить памятник... какую-нибудь скульптуру.

— А что... креативно. Вы, Остап Ибрагимович, прямо генератор идей. Мой выхлоп?

— Как договаривались, вам — семьдесят, нам — тридцать.

— Восемьдесят пять на пятнадцать.

— Смиловитесь, Никанор Иванович, это уже ни в Красные ворота, ни в Триумфальную арку не лезет.

— Остап Ибрагимович, а вы думаете, в вышестоящих инстанциях дёшево будет объяснить исчезновение целой парковой зоны с фонтаном?

— Вас понял.

На предназначенной для парка территории стремительно вознёсся циклопических размеров торговый центр, лишив возможности пенсионеров пообщаться друг с другом, сидя на скамейках у фонтана, молодых мам — погулять с колясками по тихим аллеям, любителей активного образа жизни — сделать утреннюю прогулку или пробежку, детей и подростков — погонять на великах, скейтах, самокатах и роликовых коньках, а влюблённых, уединившихся в дальней беседке — поцеловаться.

Слово предоставляется второму заместителю префекта N-ского округа, Никанору Ивановичу

— Дорогие друзья! Построенный в полном соответствии с замечательным проектом и сданный в установленные сроки квартал скоро примет первых, так сказать, счастливиц-новосёлов. Подождите, подождите

с аплодисментами. В центре уютного скверика, разбитого для жителей района, мы, за счёт городского бюджета, решили установить, так сказать, скульптурный монумент. Вы спросите, какой? Отвечу. Решать вам. Да, да — всем вам. Мы с вами живём в замечательное время; время свободы, демократии и плюрализма мнений. Каждый житель столицы должен, чувствовать, так сказать, ощущать себя причастным к управлению своим домом, районом, да что там районом, всем городом, зная, что городским властям безразлично его личное мнение.

В соответствии с вышеизложенным, мы решили провести, так сказать, конкурс на лучший скульптурный проект. Работа, набравшая большинство ваших голосов и будет установлена в сквере. Приглашаем принять участие в конкурсе маститых и именитых, а также молодых и дерзких, так сказать, соискателей. Требования к скульптурной композиции следующие: это должно быть что-то современное, молодёжное, яркое и необычное — эдакая диковина, которая будет только у вас, и которая, возможно, станет, так сказать, визитной карточкой вашего района.

Дабы не отвлекать новосёлов от ремонтов и переездов, конкурс решено было провести в культурном центре, расположенном на другом конце города. О месте и датах его проведения поместили крохотную заметку на последней страничке районной газеты.

Шёл последний день конкурса. Члены комиссии, под предводительством Никанора Ивановича, зашли в зал, где вдоль стен были размещены несколько десятков представленных на конкурс работ. Вошедшим сразу бросилось в глаза, что большинство посетителей сосредоточилось около одной из них.

Рядом с ней, подперев спиной стену, стоял, скрестив на руки на груди, худой, бородатый парень в джинсах, кедах и длинном, почти до колен, свитере. Его тонкую шею несколько раз обматывал вязанный шарф. Судя по всему, это был автор.

Комиссию почему-то, как магнитом, потянуло именно туда. Важные члены в пиджачных парах и деловых юбках, слегка оттеснив слегка повозмущавшихся «не членов», расположились полукругом. Кто-то присвистнул. Кто-то нагнулся, с любопытством разглядывая детали. Никанор Иванович, подойдя вплотную, стал водить по композиции рукой. Парень в свитере испуганно оторвался от стены.

— Пожалуйста, осторожнее! Там тонкая леска натянута, можете случайно задеть. Макет изготовлен из гипса, очень хрупкий.

— Вы автор?

— Да.

Назвав свою должность, председатель перечислил должности, звания и заслуги своей свиты.

— Теперь ваша очередь представиться и вкратце рассказать о себе и о вашем, так сказать, произведении.

Было видно, что парень, увидевший столько галстуков, часов, брошей и кулонов, а также выслушавший перечисления чинов и регалий, поначалу

оробел. Встав прямо — опустил руки по швам. Но, понемногу справляясь с волнением, широко, по-детски, улыбнулся.

— Я — Данила. Мне двадцать четыре. Закончил с отличием факультет скульптуры в Суриковском. Получив институтский «гранд», год колесил по Европе, стажировался. Вернулся с месяц назад. Это — моя первая, после возвращения, работа.

— Понятно. Ну а про само, так сказать, творение, что можете нам доложить?

— А что рассказывать? Вы сами всё видите.

— Видеть-то мы видим. Но уж больно необычен, так сказать, ракурс и поза подростка, а главное — действие, кульминационный момент которого вы изваяли. Хотя действие, конечно, обыденное, и совершенно бытовое. Хотелось бы понять, что подтолкнуло вас к мысли о создании этого, так сказать, шедевра?

Лицо парня оживилось

— Вам действительно это интересно?

— Конечно. Именно для этого мы сюда и пришли, чтобы понять, оценить и выбрать лучшую работу, которая предстанет перед взорами сотен тысяч людей.

— Как вы знаете, история высокого искусства скульптуры начинается с Древней Греции. Именно древнегреческие мастера первыми достигли совершенства, показав красоту и совершенство человеческого тела. Их великолепные работы стали эталоном, предметом для подражания у скульпторов Древнего Рима, которые копировали в известняке, мраморе и граните греческие оригиналы...

— Что-то вы, молодой человек, очень издалека зашли, — перебил его председатель. — Давайте ближе к делу. Нам ещё остальные работы осматривать.

— Я хотел сказать, что главное для скульптора, — глаза парня загорелись, — уловив, прочувствовав движение, схватить и зафиксировать его для зрителя. Движение и есть сама жизнь. Статические позы сфинксов или атлантов благородны, но скучноваты. Намного интереснее смотреть на неукротимое движение вперёд Ники Самофракийской — в развевающийся от ветра тунике, взмахивающей крылом, за миг до того, как она поднимется в воздух. Прекрасен, раскручивающийся в стремительном развороте, мускулистый Дискобол. Динамично напряжён, сосредоточенно согнувшегося над заложённой на колено ногой, римский мальчик, терпеливо вытаскивающий из ступни занозу...

— Вот видите, молодой человек, римский мальчик занозу вытаскивает, — один из экспертов опять перебил его — а ваш мальчик, извините, естественную нужду справляет. Я, кстати, хотел уточнить, а почему он так нагнулся вперёд?

Автор недоумённо улыбнулся:

— Так... если не нагнуться, можно на себя попасть.

Другой член, в очках и необъятной белой блузе с рюшами, истерически закудахтала:

— Безобразие! Как такую работу вообще допустили до конкурса?! Это же неприлично!

— Ну почему же? Это естественный для любого человека физиологический процесс. Никто же не считает непристойным писающего в бассейн мальчика, установленного в центре Брюсселя.

Член в блузе округлил глаза

— Как... писающего?! Что, у него, прямо оттуда... льётся?

Сотоварищи зашипели и зашикали на неподкованного эксперта, как гуси на гадкого утёнка

— Ну что вы, в самом деле?!

— Как можно не знать?!

— Это же классика, шедевр!

Уличённый в некомпетентности член надулся и густо покраснел. Прения продолжились.

— ...Получается, один фрагмент отправления уже приземлился, второй — вылетает из... положенного места, а третий что — завис в воздухе?

— В этом и есть, помимо передачи психо-эмоциональной динамики движения модели, одна из моих новых идей — зафиксировать стадию полёта, свободного парения.

Другой член с огромным животом, вываливающимся из брюк, нагнулся и, наливаясь кровью и отдуваясь, осторожно потеревил третий фрагмент:

— Любопытно. На макете зависший в воздухе фрагмент держится на леске. А вы подумали, каким образом он будет крепиться, если ваша работа выиграет конкурс и будет отлита в бронзе в натуральную величину?

— Думал, — парень затеребил тонкими пальцами свисающие концы шарфа, — и здесь, мне кажется, я тоже нашёл интересное решение. Фрагмент будет парить в воздухе без всякой, видимой поддержки.

Члены комиссии взволнованно зашумели:

— Как?! Не может такого быть! Вы что, невесомость создадите?! Что это за космические технологии?

Парень смотрел на них удивлённо:

— Это же просто. Физика — шестой класс. Фрагмент будет изготовлен из очень лёгкого материала, типа пенопласта, который обладает магнитными свойствами, и выкрашен бронзовой краской. Помещённый между трёх сильных постоянных магнитов, вмонтированных: один — в туловище, другой — в ногу, а третий — в постамент, он будет бесконечно долго парить, поддерживаемый магнитными полями. На улице, в условиях постоянно меняющего силу и направление ветра, фрагмент будет колебаться, вибрировать, создавая эффект постоянного движения.

— Хм! — не сдаваясь, хмыкнул живот. — Но позвольте спросить. Получается, каждый может, преодолев ограждение, забравшись на постамент, совершить акт вандализма, украв ничем не закреплённую часть композиции? Вы что, предлагаете скульптуру в стальную клетку поместить?!

— Не надо никаких ограждений. И постамент не надо. Я думаю, что композиция должна быть установлена на уровне тротуара. Пусть люди свободно подходят, разглядывают и трогают интересующие их фрагменты. Это же не музей. Людям всегда хочется прикоснуться, пощупать.

— Ага, будто вы наших людей не знаете! — возмутился живот. — Готов поспорить, что парящая часть не продержится и трёх минут после открытия монумента. Сопрут!

— Пусть берут.

Лица членов уважаемой комиссии вытянулись:

— Как это, «пусть берут»?

— Стоимость изготовления лёгкой, размером с небольшую сосульку, детали, копеечная. Пусть люди берут на память. На ней, кстати, можно поместить название композиции, символику города или района. Думаю, это будет неплохой рекламой, а заодно — и сувенирной продукцией. Для начала — раздавать их бесплатно, а дальше — как пойдёт. Представьте, как интересно; любой взрослый или ребёнок сможет, получив этот фрагмент, заставить его парить в магнитном поле и понаблюдать за его вибрациями. Мне кажется, от желающих отбоя не будет.

— Оригинально. Но давайте всё же, перейдём к нравственному аспекту вашей работы, — перехватил инициативу Никанор Иванович, последние пару минут внимательно изучавший постамент. — У меня вопрос по поводу первого, уже лежащего фрагмента. Основание макета расчерчено ёлочкой, явно имитирующей паркетный пол. Получается, подросток управляет своей, так сказать, нуждой не на улице, что ещё как-то приемлемо, а на пол помещения? Чему же научит ваш, так сказать, шедевр, широкие массы населения?

— Я преследовал две цели. Первая — просто заставить прохожего улыбнуться. По возвращении в Москву мне бросилось в глаза то, что в сравнении с жителями европейских столиц, москвичи улыбаются гораздо реже. Комически динамичная, даже, наверное, слегка эксцентричная, гротесковая поза и ракурс модели располагает к этому. А во-вторых, мальчик делает это смешно, но главное — невоспитанно. Мамы и папы, бабушки и дедушки, увидев моего сморкающегося мальчика, сначала улыбнуться, а потом объяснят своим детям и внукам, что в случае такой необходимости надо использовать носовой платок или дойти до раковины.

Скульптура «Сморкающийся мальчик» получила поощрительный приз — за оригинальность. Победителям конкурса стала работа заслуженного художника-монументалиста, члена союза Архитекторов России, лауреата многочисленных премий, кавалера всевозможных орденов и медалей, под названием «Юноармеец».

Открытие приурочили к Дню Города.

Никанор Иванович потянул за верёвочку. Ткань, с лёгким шуршанием, спала. Перед новосёлами, подуставшими от постоянных пробок, переполненных автостоянок, сложностей устройства ребёнка в садик или школу, очередей в поликлиниках и больницах, предстал стоящий навтыжку, угрюмый, долговязый парень в берете.

Напряжённо застывший на высоком гранитном постаменте, отгороженный от собравшейся толпы пудовыми, свисающими цепями, он хмуро и подозрительно вглядывался вдаль. В его взгляде чувствовалась решимость в любой момент дать решительный отпор неисчислимым полчищам безобразников и хулиганов.

*Александр Железов
(Россия, г. Ярославль)*

ПАРОВОЗ ВЫДЕРЖИТ

Воспоминания о нескольких рейсах в осаждённый Ленинград Василия Алексеевича Еледина... «РЕЙСЫ ЖИЗНИ»:

Окно комнаты выходит на Финляндский. Сюда доносится шум беспокойной вокзальной жизни. На столе пожелтевшие газетные вырезки, фотографии железнодорожников, работавших в блокированном Ленинграде... Василий Алексеевич подходит к окну, смотрит на перрон, залитый вечерним мягким светом, провожает взглядом по сплетению путей электрички и тепловозы. Он словно уже не здесь, а в своём депо, среди локомотивов. Вот за его спиной остаётся город, и он в стальной кабине тепловоза всматривается через широкое стекло в хвойный разлив лесов. Нескончаемы рельсы, постукивают колёса на стыках.

Всплывает в памяти другая дорога, вся в чёрных снарядных разрывах, другой Ленинград — без света, голодный, сражающийся.

...Белесым утром по шпалам бредёт человек, с трудом переставляя ноги. Останавливается, чтобы отдышаться, и снова двигается вперёд. За ним — второй, третий. Тянутся к стоящим на путях молчаливым паровозам с погашенными топками. Руки цепляются за поручни, но не могут подтянуть тело: двести пятьдесят граммов суррогатного хлеба на взрослого в день. Вначале подсаживают в паровозную будку машиниста, тот протягивает руку помощнику, затем вдвоём втаскивают кочегара. Однажды сменщик Еледина не смог ухватиться за поручни и как подрезанный свалился у колёс паровоза. Пока его под мышки втаскивали на паровоз и усаживали у реверса (не хватало сил в ногах стоять, как положено машинисту), вместо одной минуты, отпущенной на принятие смены, прошло целых

три. Диспетчер устроил разнос: торфяные вертушки должны были ходить с точностью пассажирских поездов.

Вели их совсем молодые парни. Электростанциям не хватало топлива. Везили торф со станций Рахья, Дунай. С января 1942 года до декабря комсомольская колонна доставила в город более двух миллионов тонн топлива. Первым привёз топливо паровоз ЭШ-4375. На нём Василий Еледин начал свои рейсы, отличавшиеся, пожалуй, один от другого количеством падающих на состав снарядов.

Сейчас на полоске земли, прижавшейся к Ладожскому озеру, можно лишь разглядеть оплывшую насыпь. Скрыла земля тонны ржавых осколков, затянулись, заросли воронки от бомб.

Здесь, прорвав блокаду, в январе 1943-го соединились войска Ленинградского и Волховского фронтов. Узкий коридор, по которому в жестокие морозы через лесные просеки, схваченные стужей болота, протянули строители две спасительные нитки рельсов в 34 километра. Тяжкая дорога к Волховстрою и Тихвину. Не случайно на Волхов, где скапливались грузы для Ленинграда, немцы сбросили 19800 бомб.

Путь просматривался с Синявинских высот. Вражеские позиции подходили на 3-4 километра. Немецкие наблюдатели, окопавшиеся там, не сводили глаз с линии. Днём моментально засекали дымок над паровозом, ночью — свет локомотивных фар. И вздымались земляные фонтаны у насыпи, падали поперёк пути деревья, снаряды разворачивали рельсы.

По этому «коридору смерти», как окрестили его машинисты, вели составы Василий Елисеев, Алексей Самойлов, Василий Ёледин и их товарищи.

...В тот день дежурный по станции беспокоился с утра:

— Что Еледин, где Еледин?! — поминутно запрашивал он линию из своей землянки.

Пока по сторонам прикрывал лес, всё шло нормально. Василий даже пропел кочегару Танюше Лысовой: «Не спи, вставай, кудрявая», и от улыбки побежали белые трещинки морщинок у его светлых глаз. Но вот деревья поредели, стала быстро надвигаться лесная опушка. Василий с опаской поглядывал на кривую сосенку, стоявшую особняком: «Чёртово дерево, пристрелялись тут, наверное, гады аккуратные, не упустят случая». За опушкой открытый участок дороги, да ещё в гору.

— Держи пар, Танюша, — попросил Еледин, не отрывая взгляда от пути.

Лопата ходуном заходила в руках Татьяны, привычно швырявшей уголь из лотка в топку.

Прикинув разгон, Василий поворотом реверса дал скорость и мощно вывел состав на подъём. Первый снаряд шлёпнулся прямо на опушке, второй срезал холмик с кустом, а третий поднял землю метрах в тридцати от насыпи.

— Нажимай, Танюша, нажимай, уходить надо! — Из-за грохота разрывов приходилось орать друг другу чуть ли не в ухо.

Василий прирос к реверсу, губы сжаты, глаза сузились, он весь напрягся, как перед прыжком. Паровоз упрямо лез в гору. Но вот снова рвануло поблизости. Осколки хлестнули по вагонам, состав дёрнулся и встал. Где-то зашипел воздух. Помощник Анатолий Илларионов кинулся вдоль поезда и тотчас, шумно дыша, с бороздками пота на лице, ввалился в будку:

— Так и есть, перебита тормозная магистраль, — выдохнул он. — Делать-то что?

Снаряд вот-вот мог врезаться в вагоны, зажечь груз. Спасать следует состав, обязательно спасать, а как? Ремонтировать под огнём? Не успеешь инструменты разложить — накроют.

«Весь состав сейчас не утянешь, надо глаза фрицам отвести», — прыгали мысли в голове Еледина.

— Отцепляй паровоз! — машет он Анатолию.

Тот кидается к буферам, дёргает ручку автосцепки. Бросает на ребят быстрый взгляд Татьяна, понимает, что задумал машинист, и в топку летит жирный уголь. Оставляя за собой чёрный хвост дыма, раздуваемый ветром, заметный отовсюду паровоз, с одним турным вагоном для поездных бригад рванулся вперёд. Сразу же началась пальба по дыму.

— Стреляй, фашист, стреляй. Это тебе не поезд... Попробуй, зараза, попади в один-то паровоз, — ожесточённо бормотал про себя Еледин.

Василий чувствовал, как поднимается давление в котле, как стремительно летят под колёсами рельсы, как, словно палки в заборе, мелькают шпалы; он ощущал каждый бугорок и выемку на пути. Паровоз на полных парах влетел в спасительный лес. Бригаду Василий оставил отдыхать.

К оставленному составу Еледин отправился вместе с вагонным мастером Константином Калашниковым. Шли торопливо, шагая через шпалы. Повреждение чинили споро, без лишней суеты, стараясь не греметь инструментами. Когда вернулись, чуть не бегом, рубахи были хоть выжимай. И сразу Еледин на паровоз.

За составом подкрались потихоньку, почти без дыма. Только тронулись в путь, как невдалеке брызнула вверх земля. Наблюдатели снова заметили их. Второй снаряд упал рядом с насыпью, плеснуло тугой волной воздуха в будку. Немцам не хотелось упускать состав, но было уже поздно.

Поезд ворвался в лес, вот и станция Поляны. Василий, высунув из будки чумазое лицо и дурашливо крикнув: «Фриц капут», — ловко подхватил жезл. Записка: «Нужно нагонять время, подпирают другие».

Поезда шли пачками по 10-15 составов, шли на хвостах друг у друга, вплотную. Машинистам нечего было объяснять, что без хлеба и угля не выживут люди в городе. А хлеба в Ленинграде бывало подчас ровно на один день.

...Да, этот груз на самом деле был странный. Еледин стоял перед платформами и с изумлением рассматривал «поклажу», около которой суетились ребята в чёрных бушлатах.

— Повезёшь на станцию Ладожское озеро, а там трёхкилометровой веткой до самого берега. На воду аккуратно спускай, — говорил меж тем начальник колонны.

— Так ведь это ж... подводная лодка!?

— Ну и что такого, «малютка» ведь. Особое задание тебе, Еледин, Военного совета фронта, а ты удивляешься...

Закрепленная металлическими тяжами на трёх платформах (две — двухосные, а между ними — четырёхосная), подводная лодка возвышалась над ними на несколько метров.

Свисток. Тихо посапывая, паровоз потянул за собой необычный поезд.

Состав едва тащился, рядом семенили по шпалам сопровождающие (представители управления дороги, командования, инженеры из Ленэнерго; подводную лодку сопровождал также её экипаж), время от времени покрикивая: «Не торопись! Тише!» Казалось, проще некуда, двигай помаленьку, 1,5-2 километра в час. Но попробуй удержать регулятор в одном и том же положении. Занемела рука, тут уж не до шуток. Наконец, когда стало совсем неумоготу, Еледин сообразил: приспособил клин, который не давал регулятору изменить положение.

После Ириновки началось самое сложное: кривые участки дороги. Чтобы лодка не сорвала крепления, не своротила платформы с рельсов, она была укреплена спереди и сзади на подвижных подкладках. На закруглениях пути лодка зашевелилась в стальных креплениях, закричала, послышался пронзительный скрип. Еледин с помощником стояли в будке, боясь шелохнуться. Когда лодку заваливало на бок, у всех мелькала мысль: «Только бы не опрокинулась, только бы тяжи выдержали!»

Тут ещё пошли высоковольтные и телефонные линии. Нужно было отключать напряжение, а матросы, стоя на подводной лодке, досками поднимали кабели.

Прошли станцию Рахья. За станцией Ладожское озеро, когда состав двинулся по специальной ветке к берегу, к паровозу присоединили 12 пустых платформ, чтобы держать его дальше от кромки берега. Замыкали состав платформы с лодкой.

Паровоз, как норовистую лошадь, Еледин полегоньку стал осаживать назад. Вот колёса крайней платформы вошли в воду по колее, проложен-

ной по дну. Оказавшись на глубине, освобождённая от стальных креплений, лодка соскользнула с платформ в озеро.

Путь от станции Дача Долгорукова до Ладожского озера, в 55 километров, состав проделал за... 36 часов. Еледин с помощником Анатолием Илларионовым всё это время не вылезали из паровозной будки.

Спрыгнув на землю, не чувствуя отнимавшихся ног, Еледин глядел с берега, словно не веря своим глазам.

«Малютка» покачивалась на лёгкой синей волне...

Опомнился он, когда перед ним оказался адмирал. Сильно пожал руку, скупно обронил: «Спасибо!» — и протянул Василию коробку московских папирос «Герцеговина флор».

...Кажется, что такое сделать невозможно, особенно когда об этом спокойно течёт разговор в курилке депо.

— Я сам теперь плохо верю, что подобное могло случиться, — говорит Василий Алексеевич. — По молодости, что ли, не боялись ничего, всё под силу было. Попробуй скажи сейчас ревизору по безопасности, что можно вести поезд, если у двух вагонов нет букс, если колесо без бандажа и поломана одна из автосцепок. «Ты в своём уме, старый?» — поднимет тот на смех. А ведь всё на самом деле происходило...

Еледин привычно чувствовал за спиной тяжело гружённый состав. Видел, как, послушный его воле, плавно выписывает поезд полукружия поворотов. И вдруг так дёрнуло, что Василий еле удержался на ногах. Паровоз по инерции пробежал несколько метров и замер: сработала тормозная магистраль.

На землю одновременно спрыгнули Еледин, Константин Калашников и паровозники запасной бригады. Всё увидели разом: состав был разорван на две части. Снаряд попал в насыпь.

— Буксы, буксы-то как разбиты! — схватился за голову Константин. — Как чинить будем?!

А от ремонта никуда не денешься. Если вызовешь восстановительный поезд, значит прервётся движение. Кто ж на это согласится?

И вот уже пошла работа. Одни со звоном рубят зубилом железные заусенцы на автосцепке, другие заклинивают колёса. А рвущиеся снаряды всё ближе к линии, над головой начинают посвистывать осколки.

— Шевелись, ребята, если жить хочется, — торопит Василий.

— Порядок, — возбуждённо кричит Константин. — Поедем без букс. Оси и струнки будем на ходу из маслёнок поливать, а ты, Василий, придерживай своего конягу, не гони.

Еледин влезает в будку, осаживает паровоз. На полкилометра растянулись 160 осей платформ. Паровоз двинулся в путь. Со скоростью пешехода. Чаше ухали взрывы. Осколки царапали металл, прошивали борта.

Василий видел, как Костя, словно кузнечик, прыгал с платформы на платформу и лил мазут на обнажённые оси. Когда Костя замечал Василия, выглядывавшего из будки, то успокаивающе помахивал рукой: мол, всё, как надо, командир, едем.

...Март 1943-го, Тихвин. Над станцией, запутавшиеся в инее веток и проводов, мигали холодные звёзды. Еледин, поскрипывая снегом, пос-

тукивая нога об ногу, ходил вдоль состава. Грузили уголь. Неожиданно резанул противный голос сирены. Вечер раскололся выкриками команды, надвигающимся гулом «юнкерсов», воем падающих бомб.

Внезапно перед глазами словно лопнула земля и высоко в небо выплеснула из себя пламя. Вокруг заматались тени, неровный свет вырывал то бегущих людей, то санитарный поезд, стоявший на соседнем пути. Одна из бомб попала в цистерны с горючим.

Василий на мгновение оцепенел. «Рядом же вагоны с боеприпасами», — мелькнула мысль. Он кинулся собирать бригаду.

Ребята в один момент разматывали шланги, подключили их к кранам. Вода била из двух шлангов, повисала над огнём и тут же испарялась.

— Открыть эверластинг! — выкрикнул кто-то.

В паровозе накачали в котёл воду, открыли кран эверластинга. Вырвавшись, пар стал подминать пламя. Состав был спасён.

А самолёты волнами шли на станцию. Грохот рвущихся бомб сливался с выстрелами зениток. Вот, описав красную дугу по небу, рухнул «юнкерс».

Отцепили и потушили горящие вагоны, отогнали на запасной путь санитарный поезд, вырвали у огня маневровый паровоз. Бомбёжка длилась всю ночь: на станцию было брошено около 250 самолётов. Фашисты никак не хотели пустить продовольствие и снаряды в Ленинград.

Около зениток у раненых бойцов примостилась Татьяна Лысова, такая же чумахая, обожжённая, как и все. Только что она вместе с другими отцепляла горящие вагоны. Не чувствуя ожогов, сбрасывала тяжёлые стяжки сцепления, а сейчас старается получше перебинтовать солдат. Кончились не только бинты, даже нательное бельё. Морщась, Татьяна поглядывает на свои обожжённые руки — как такими перевязывать...

Как-то в весеннюю распутицу на тяжёлом подъёме паровоз забуксовал. Враг почувствовал что-то неладное, начал гуще обкладывать снарядами. Состав тяжёлый, идёт на подъём трудно, а песку нет, чтобы подсыпать. Тут Татьяна возьми и спрыгни с паровоза и лопату прихватила. Осколки посвистывают, она прислушивается, но сама песок с полотна пригребаёт, чтобы рельсы посыпать. Так же молчком вернулась на паровоз, словно ничего и не было.

...Спустя немного времени еледицы, смущённо подталкивая друг друга, выходили на сцену в деповском клубе: на пиджаки и свитера им прикрепили медали «За оборону Ленинграда». Тем же утром они отправились в очередной рейс. Это был последний рейс Татьяны.

Прямое попадание — снаряд разворотил крышу. Татьяну убило наповал.

...Василий Еледин вынес её на руках из турного вагона. Могила рыли всей бригадой, похоронили около входных стрелок станции Поляны. Молча постояли, сняв шапки, молча пошли к составу. Паровоз, Танин паровоз, дал три коротких свистка, будто птица тревожно вскрикнула...

Хотелось ей стать больше всего машинистом, даже курсы специальные окончила. Когда ребята примолкали от усталости, любила Таня повторять: «Наш паровоз привычный, всё выдержит».

Торопятся на работу люди ленинградским белесым утром. Идут мимо Вечного огня на Марсовом поле, по Невскому, мимо дома у Главного штаба, где на колонне тревожат в наши спокойные дни слова: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна».

...Привычно чувствует себя Еледин в кабине тепловоза, вглядываясь в раздвигающийся горизонт. Только видится подчас Василию Алексеевичу иная дорога, вздыбленная чёрными разрывами снарядов, паровоз ЭШ-4375, на котором он совершил первый рейс в осаждённом Ленинграде... Паровоз этот поставлен теперь на вечную стоянку на станции Ладожское озеро.

(Литературная запись В. Лебедева)

*Наталья Менендес
(Россия, г. Кинешма)*

ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ ПАРАЛЛЕЛИ

Часть 2. Не забывай дом свой

1. В САМАРКАНДЕ

Бело-розовые, пушистые ветви яблонь, словно любопытные девчонки, заглядывали в открытую веранду. Их аромат вызывал у Максимино сладкую эйфорию. Он представил, как зароется лицом в пушистые веточки, которые склоняются низко к земле. До них он достаёт без труда, даже не вставая на цыпочки. Мама не будет ругать его, хоть он и трогает самое почитаемое в Астурии дерево — яблоню. Сейчас запах яблони смешивался с тонким кухонным дымком, окончательно стряхивая у парня остатки сна.

«Как же хорошо дома», — блаженствовал он с полужакрытыми глазами.

— Максим, вставай. Проспишь завтрак, а тебе нужно хорошо кушать.

Голос, словно издалека, а ласковая рука, глядящая его по голове, слегка запинаящаяся шершавинками на ладонях, до замирания сердца знакомая. Это мамины руки! Но откуда-то из глубины сознания наплывает:

«Нет, он не дома». Отряхивая дрёму, Максимино окончательно вспоминает: «Он в Самарканде. Он, наконец-то, добрался до своих»!

Через холодные, продуваемые перроны, переполненные вокзалы, неудобные забитые поезда, станции, полустанки, перелески, леса, горы и степные просторы, упирающиеся в небо, он ехал сюда к ребятам из Ленинградского Дома испанской молодёжи, своего родного ДИМа, который был эвакуирован из Ленинграда. Когда он вышел из поезда, на вокзале милиционер ему объяснил, что идти нужно в Новый город. Максимино не терпелось поскорей встретиться с ребятами, но желудок, в котором со вчерашнего дня не было ни крошки, настойчиво требовал наполнения. Парень, оглядевшись, решил зайти в ближайший ресторан. В кармане ещё были остатки денег, которые ему щедро положил командир в конверте, когда он уезжал из госпиталя. Поначалу он тратил их без разбора. Даже после долгой дороги, приехав в Ташкент, вместо того, чтобы запастись продуктами, вдоволь наевшись мороженого, стал играть на базаре в странную игру. Старик с хитрыми, узкими, как ему показалось, прищуренными глазами, предложил померить силу. Максимино стал бить по молотку, который стремительно взлетал вверх. Старик одобрительно кивал головой и подзадоривал, и деньги из кармана гимнастёрки Максимино очень быстро переходили в карманы полосатого халата. Спohватившись, что ему нужно ещё добраться до Самарканда, парень притормозил свои удары по молотку, а старик отпустил его с большим сожалением. И вот теперь ему хватило на обед, правда, не такой хороший, но всё-таки заполнивший его затосковавший желудок. Пообедав, он пошёл в указанном милиционером направлении, но запутался в кривых и без-

оконных восточных улочках, показавшихся ему слепыми и глухими. Озираясь, он вообще перестал понимать, где находится. И уже совсем отчаялся, плутая и не находя выхода, про себя вспоминая, напрочь забытую молитву из детства, обращённую к Святой Деве, но неожиданно оказался на открытой площади, по которой сновало туда и сюда множество людей, нагруженных мешками. Услышав испанскую речь, подумал, что от усталости ему уже начинает мерещиться.

— Una barra de pan... (Батон хлеба)

Ребята, проходящие мимо, были совершенно реальными. Один даже шаркнул рукавом по замызганной гимнастёрке, прилипшей к худенькому телу Максимино и пропахшей потом, но совсем не обратил на него внимания.

«Это же свои — испанцы», — подумал Максимино.

Он припустился за удаляющейся толпой мальчишек. Самый рослый нёс на плече мешок, по-видимому, с хлебом. Максимино окликнул их на испанском. Первым обернулся Армандо Эрэро и, опустив мешок с хлебом с плеча, рванул к нему. И вот уже через минуту, узнав в парне в военной форме своего димовца, ребята радостно окружили его. Они привели его в дом, где разместились в эвакуации ДИМ. На шум и гам в прихожей вышел их руководитель Луис Балагер.

— Salud, Максимино! Рад видеть тебя, парень. Пойдём в кабинет, расскажешь. Да сними ты свою... гимнастёрку.

Луис сделал паузу, видимо запнувшись на нелестной характеристике грязной пропотевшей гимнастёрки.

— Ребята принесите ему рубаху чистую. Что, димовцы, возьмём фронтовика в свою компанию?

Раздалось дружное: «Возьмём»!

В Самарканде кипела весна. Она звенела, благоухала, словно бы и не было этих страшных зим и сорок первого, и сорок второго года. Словно и не падал Максимино в сугробы Карелии, не полз отчаянно по снежной пустыне к своим, не стрелял зло в громоздкого финна, выросшего перед ним, словно гора.

Сегодня он первый раз от начала войны выпался всласть в тёплой, чистой постели на открытой веранде, вдыхая полной грудью ароматы, словно пришедшие к нему с далёкой родины. Вылезать из-под одеяла не хотелось. Он натянул на голову ослепительно белую простынь, снова напомнившую ему белые карельские сугробы. Прищурившись, снова отчётливо увидел финна в белом балахоне, выскочившего на него из-за сосны и нависшего над ним. Тот вытаращил на него глаза, обрамлённые белыми заиндевелыми ресницами и торчащими белесыми бровями. Наверное, Максимино показался ему совсем ребёнком из-за низкого роста и хилого силуэта. Он не мог догадаться, что этот слабак уже опытный боец, который воюет здесь с июля сорок первого года и метко стреляет. Максимино не промахнулся и на этот раз.

А потом юркая фигурка мальчишки нырнула в сугроб, но снова приподнялась, словно какая-то сила поднимала его. Он опять полз, виляя между деревьями, крадучись, как хищник, вышедший на охоту. Максимино был связной, ему часто приходилось это делать, но тогда он был на особом задании в группе. Они

напоролись на засаду финских солдат, и вот чудо, он один остался в живых из всех, кто был с ним вместе. Теперь нужно было добраться до своих. Он был уверен, что доберётся и расскажет обо всём, что он видел там, в том перелеске. Максимино уже угадывал очертания расположения его батальона и приготовился сказать пароль. Но всё поплыло перед его глазами, и снег стал чёрным. Откуда-то из глухой темноты донеслось:

— Эй, парень, ты ранен? Несите его. Это наш Максим — испанец.

А потом темнота поглотила его, и он снова выбрался на ослепительный свет, не совсем понимая, где находится. Вокруг снова всё было белое, но не холодное. Нет, это был не сон!

— Где я?

— В медсанбате, дружок. Отвоевался!

— Меня что сильно ранило?

— Война тебя ранила, Максим! В чём только душа держится у тебя, друг-испанец.

Пожилой доктор хмурился и качал головой, тыкая ему в грудь прохладную мембрану фонендоскопа. Максимино понимал, что врач закрывает ему дорогу к войне, на которую он так стремился, и пытался выглядеть бодрым и здоровым.

— Я сильный, доктор! Я хорошо воюю!

— Думаю, что война для тебя закончилась. Сердце у тебя очень болезненное, да и с суставами непорядок. И ещё, скажи-ка мне честно, сколько тебе лет? По документам так восемнадцать в августе исполнилось. Так ли?

— Так. Восемнадцать мне!

— Ну, ну... — доктор недоверчиво покачал головой.

Максимино, конечно, бессовестно врал. Помогла ему приписать два года девчонка из ленинградского ДИМа, в котором они жили вместе. Она работала в военкомате. Исправила его двадцать пятый год рождения на двадцать третий. Всё равно в июле ещё не хватало до восемнадцати ровно месяц, но он проскочил. На этот раз строгого военкома не было. А вот первый раз, когда они дружной ДИМовской компанией пошли в военкомат, его не взяли, и даже, можно сказать, выгнали. Настоящий позор! Особенно перед девчонками. Конечно, не взяли тогда многих, не только его, но над ним-то и посмеялись! Когда спросил его военный, хмурый дядька с воспалёнными глазами, сколько ему лет, он, не задумываясь, выпалил: «Двадцать пять!». Для верности прибавил себе целых десять лет. Вот и получил в ответ дружный хохот, да разворот на сто восемьдесят градусов.

Второй раз такой глупости он не делал. Всё обдумали вместе с девчонкой, очень аккуратно подправили в документах пятёрку на тройку. Она, правда, советовала подождать до дня рождения в августе, тогда бы по документам ему было уже восемнадцать, но он ждать не хотел.

Прошло три недели с начала войны. Фашисты наступали стремительно, они приближались к Ленинграду. Такое быстрое наступление вызывало двойственные чувства: с одной стороны — растерянность, ведь все считали свою советскую армию непобедимой, а с другой — озлобленность, перемешанную с решимостью дать наглому врагу отпор, и это второе у большинства было сильнее первого. Мало кто задумывался и о цене, которую нужно было запла-

тять. Это второе чувство до самого конца войны, наверное, так и осталось непонятым их врагами, под сапогами которых покорно легла вся Европа. Сражаться с фашистами за Советский Союз хотели и многие испанские ребята, которых приютила новая родина. Но существовали определённые инструкции — испанцев не призывать, под пули не подставлять. Среди ДИМовцев было немало и парней и девчат, которые рвались в бой, а поскольку их на войну не брали, они просились добровольцами.

Когда Максимино снова пришёл в военкомат, то увидел огромную массу народа, гораздо больше, чем прежде. Сновали туда и сюда люди, выкрикивали какие-то фамилии, и кругом народ, народ, народ. Ему показалось, что царит неразбериха. Это, конечно, было на руку. Военные, занимающиеся набором добровольцев, были невыспавшиеся и осунувшиеся. Бегло посмотрев на документы, на этот раз не очень-то вглядывались в худенькую фигурку пятнадцатилетнего мальчишки. Один из сидящих за столом бросил через плечо другому:

— Восемнадцать через месяц.

— Ладно, пока научится стрелять, исполнится.

И вот он уже зачислен бойцом в 1-й стрелковый полк Ленинградской армии народного ополчения. Их торопились отправить побыстрее: наскоро переодели, наскоро вывели на стрельбище. Научили сборке, разборке оружия, дали пострелять. Стрелял Максимино хорошо, почти не промахивался. Командир его похвалил. А вот с одеждой, особенно с обувью, ему не везло, подошли только женские сапоги. Свои шестнадцать-восемнадцать Максимино отмечал уже на фронте.

Детская память навсегда сохранила далёкую войну, которая шла в Испании, но там для него, в своей многолетней семье, лишения были скорей бытовые, связанные с разрухой и голодом. А здесь он столкнулся с войной лицом к лицу. Меткий глаз спас его в первые же дни лесных перестрелок под Петрозаводском. Не увидел, а скорей почувствовал затылком какой-то холодок, развернулся и выстрелил в качнущуюся ветку.

— Эй, парень, да ты «кукушку» свалил. Молодец! Привет кавказскому человеку. Ты грузин?

— Нет! Я — испанец.

— О!!! Недавно я был свидетелем смерти троих испанцев.

Пожилой солдат снял шапку.

— Один из них был просто герой. Финны окружили наших ребят, это было недалеко от деревни Сяньдеба. Мы пробивались к ним на помощь, но не успевали. Всех поубивали, а один раненый обвязался гранатами и, подпустив врагов поближе, подорвался. Настоящий герой!!

Кто этот парень, Максимино узнал позднее. И сердце первый раз резко сжалось от боли и потемнело в глазах, ведь это был его старший друг Игнасио Моро Дельгадо. Вместе с ним они в самом начале войны шагали из ДИМа в военкомат записаться добровольцами. Игнасио был старше на три года, и его взяли сразу, а Максимино ушёл не солоно хлебавши, поклявшись, что непременно найдёт его на фронте. Да видно, не судьба была им встретиться.

От воспоминаний снова тревожно закололо сердце. Максимино замер, приложил ладонь к груди. Потом откинул одеяло, встал, подошёл к краю веранды, на которой была разложена для него постель. Подставил лицо утреннему, ещё не очень жаркому солнцу. Плеснул из умывальника на лицо струйки воды, тряхивая остатки сна. И пошагал в столовую к ребятам.

2. ВОСТОЧНЫЕ СКАЗКИ

В небольшом, но уютном помещении, украшенном яркими восточными коврами, царило оживление. Ребята наперебой что-то обсуждали.

— ¡Hola! Максимино. Мы тут спорим кое о чём. Интересно, как ты считаешь, ты ведь повоевал, знаешь ситуацию на фронте лучше.

— Ребята, я, к сожалению, мало воевал. Сейчас снова хочу в военкомат сходить, теперь уж наверняка возьмут. По документам мне скоро двадцать будет.

— Да, здорово ты тогда надул комиссию, Максимино. А я не догадался это придумать. Я ведь тоже с двадцать пятого, — проговорил Мигель. В Ленинграде они не очень много общались, и он узнал про своего ровесника, когда тот уже был на фронте. В словах слышалась неприкрытая зависть. — Давай теперь пойдём вместе в военкомат. Я даже старше тебя на три месяца, мне на днях восемнадцать будет.

— Тебе восемнадцать, а мне теперь по документам двадцать.

— Э, парни, ладно вам. Лучше послушайте о нашем споре.

— Ну и о чём вы спорите? — напуская на себя важность, спросил Максимино.

С видом заговорщика заговорил Рафаэль, понижая голос до шёпота и втягивая голову в плечи:

— Знаешь, на базаре нам один старик сказал, что война началась из-за проклятья Тамерлана, или Тимура, так правильной, говорят местные.

— Какого Тамерлана-Тимура?

— Э! Максимино, ты что, в школе не учился? Тамерлан это великий полководец, который разгромил Золотую орду. Его здесь в Самарканде похоронили. — Усмехнулся Мигель. Видимо, ему очень хотелось почувствовать, хоть где-то своё превосходство.

— Ну и что из того. У нас сейчас полно великих полководцев. Вон какой кукиш фашистам под Москвой и Сталинградом показали.

— Значит ты, Максимино, на нашей стороне, — удовлетворённо проговорил другой подросток лет четырнадцати.

— Да на какой стороне, объясните вы толком, — раздосадовался Максимино.

— Так ты слушай, не перебивай, — опять зашептал Рафаэль.

— В Самарканде есть мавзолей Гур-Эмир. Местные жители знали точно, что там и похоронен Тимур со своими сыновьями, а вот учёные сомневались. В начале июня сорок первого года археологи начали раскопки. К ним подошли три старца и просили этого не делать. Говорили, что если раскопают, то большая война начнётся. Рассказали, что когда по приказу персидского военачальника

Надир-шаха ему привезли всего лишь плиту с надгробия, а он положил её ступенью перед тронем, несчастья и болезни стали преследовать его. А в самой Персии начались землетрясения. Надир-шах вовремя понял и вернул плиту в мавзолей. При перевозке она раскололась, но её установили на место. И в Персии всё успокоилось. Археологи не послушали старцев, сказали, что это восточные сказки. Они хотели убедиться, что в мавзолее действительно Тимур.

— Ну и что, убедились?

— Убедились. Когда раскрыли саркофаг и гроб, увидели расшитую золотом одежду и скелет, одна нога у которого была короче другой. А Тимур хромал на одну ногу, поэтому его персы прозвали Тамерлан. Это прозвище на персидском означает железный хромец. Голову Тамерлана положили в деревянный ящик и увезли в Москву. Вот после этого сразу и началась война. А потом в конце прошлого года по приказу Сталина Тимура снова похоронили, а мы стали побеждать. Вот!

— Глупости! Бредни какие-то! — наперебой доказывали сторонники того, что всё это лишь сказки. — Да, Максимино?

— Да, конечно, глупости, — согласился Максимино. — Мы просто научились воевать как следует. Да и армию большую собрать тоже не сразу получилось. Под Москву приехали парни из Сибири, здоровенные богатыри. Вот дали жару фрицам!

— А ты откуда знаешь?

— Я ехал с ними от Ярославля. И ещё со мной ехал наш испанский лётчик. Воюют и наши, даже лётчики есть. А он ещё в Испании воевал.

— Правда? Может, чей отец?

— Не, он не женатый. Невеста, правда, есть, он её ищет.

— Нашёл?

— Не знаю, я его больше не видел. Может, нашёл, а может, и нет. Вон, какая страна огромная. Едешь, едешь. Я не думал доехать до вас.

— Расскажи, Максимино, как там в Москве? — спросил Мигель.

— Нет, нет! Про Ленинград, — наперебой закричали ребята, — мы мало знаем.

— Ленинград держится. Ребята воюют. Сейчас уже легче. Блокаду прорвали. Сейчас не так голодно.

— Нас вовремя увезли, иначе бы весной все передохли, — вклинился в разговор Висенте. — Да и тут не очень сладко. Народ тоже мрёт, как мухи.

— Чего ты, Висенте, говоришь глупости. Вон в углу у нас целый мешок кураги стоит. Одну её есть будем, и то с голоду не умрём.

— Ну, ну! Жрите свою курагу, а я нормальной пищи хочу, как дома.

Максимино аж поперхнулся, услышав злую перепалку.

— Вы чего, парни?

— Э, да не обращай внимания. Есть тут у нас. Недавно паспорта нужно было получать, так они не хотели советские.

— Как это? — удивился Максимино.

— А что ты думаешь, друг, все спят и видят «доставать из широких штанин дубликатом бесценного груза» советские паспорта? — проговорил Мигель, цитатой любимого поэта, явно демонстрируя фронтовику свою начитанность.

Максимино, ошарашенный, даже не обратил на это внимания. Его и без того

большие глаза на осунувшемся бледном лице совсем округлились.

— Не хотят?! — снова воскликнул он. — Почему?!

— Почему, почему? — раздражённо передразнил Висенте. — Глупый ты, что ли. Наверно, контузило на фронте. Домой мы хотим, в Испанию. Нам испанские паспорта нужны, а не советские.

— Так я тоже домой хочу, все хотят. Вот победим здесь, и Испанию освободим от фашистов, тогда все поедem домой.

— Разевай карман шире. — усмехнулся Висенте.

Максимино снова удивлённо посмотрел на него, но другие ребята, отмахнувшись от Висенте, как от назойливой мухи, наперебой стали расспрашивать Максимино о фронте, о том, где он побывал за эти два года. И он, постепенно увлекаясь, и забывая о неприятном открытии, поразившем его, стал рассказывать о том, как воевал, о том, как добирался до них. В свои ещё не исполнившиеся восемнадцать лет Максимино и правда пережил столько, что и взрослому будет с лихвой. Сначала не очень охотно, а потом, увлекаясь, по-мальчишески, с жаром и немножко преувеличивая, он начал рассказывать о том, как воевал на Карельском фронте, больше вспоминая не о себе, а о своих погибших друзьях.

Снова и словно, как в реальности, он возвращался туда: и в морозный январь сорок второго, и в страшный от своей обрушившейся неожиданности август сорок первого. Ребята затихли, стараясь не пропустить ни одного слова. Прислонившись к дверному косяку, внимательно слушал и Луис Балагер. Кто-то из ребят, увидев своего руководителя, хотел дать знать ребятам, но тот покачал головой: «Не нужно мешать». Вместе со всеми он оплакивал погибших и гордился своими питомцами.

В июле финны ожесточённо старались прорвать нашу оборону. Это удавалось не везде, поэтому они вклинивались вглубь наших войск, которые и без того были разделены лесами, перегороженными валежником, непроходимыми болотами и реками с крутыми берегами, оборванными гранитными валунами. Теперь разрозненным полкам и дивизиям грозило окружение. Вдобавок, к нам в тыл постоянно забрасывали диверсионные группы, а на головы красноармейцев сбрасывали не только бомбы, но и розовые листочки-агитки, призывающие сдаваться и рассказывающие об ужасах советского строя. В начале августа 3-я Фрунзенская дивизия народного ополчения вела изнурительные бои у деревни Сяндеба. Овладеть ею удалось не сразу. 1 августа 3-й полк, в котором воевал теперь Максимино, болотами начал пробираться на соединение со 2-м. Несколько дней шли бои. Соединившись вместе, полкам удалось окружить Сяндебу, а 4 августа 1941 овладеть деревней. Полк Максимино занял оборону на участке Сяндеба — Нурмолица. Дивизия пыталась продвинуться и дальше, но потери в боях были огромны, поэтому пришлось вернуться на прежние позиции. Финны, отчаявшись быстро прорваться, тоже приостановились, но времени зря не теряли, силы их постоянно росли. Нашей армии подкрепление получить было сложно. Больше было у финнов не только солдат, но и техники. Финны готовились к новому наступлению, им были нужны све-

дения, поэтому к нам в тыл постоянно пробирались финские разведчики.

Воспоминания Максимино перенесли его снова в те далёкие дни. После того, как он неожиданно для самого себя свалил «кукушку», гордость распирала его, да и многие ребята поглядывали на него завистливо. Но командиры, словно, подозревая его явно мальчишеский возраст, старались беречь юного солдата. Он это чувствовал и всегда сам просился на какие-нибудь задания. В память навсегда врезался тот день, когда он стоял в охранении с русским солдатом. Зоркие глаза никогда не подводили его. И в этот раз он сразу уловил почти незаметное движение в зарослях кустарника. Ему было понятно, что передвигается группа, а не один человек. Он жестом показал товарищу двигаться к своим за помощью, а сам остался в окопе и, прицелившись, выстрелил в ползущего впереди финна. Тот ткнулся лицом в землю. «Попал», — удовлетворённо подумал Максимино. Шевеление в кустах остановилось. Группа пыталась затаиться. Но уже через несколько минут финны были окружены, и никого из них не осталось в живых. Командир и на этот раз отметил находчивость, храбрость и меткость Максимино. Он снял с руки убитого им финна дорогие часы и отдал своему юному солдату, которого распирало от счастья и гордости.

Конечно, он не утаил от ребят этот случай, но особо не выделял свой героизм. Больше рассказывал о тех ребятах, которые воевали с ним вместе, но навсегда остались лежать в топких болотах или у гранитных валунов Карелии.

Рассказал, как добирался до них, а с особой гордостью о том, что когда он выписывался из госпиталя, ему дали конверт с деньгами, которые собрали для него. Деньги эти помогли ему не голодать, пока он добирался до них. А в Москве, когда стоял в длинной очереди в пункте, где искали потерявшихся, сам генерал уговаривал его остаться в своей семье, и даже предлагал усыновить. Но он хотел в Куйбышев, чтобы разыскать своих сестёр и братьев и саму Долорес Ибаррури. А его не пустили, направили сюда.

— Да ты у нас выдающаяся личность! Денег ему кучу отвалили, генерал его усыновить хотел, и к Пассионарии на приём попасть, — съязвил Висенте.

— Ладно тебе, Висенте, ехидничать. Ты, Максимино, не знаешь, а мы знаем. У него всегда какие-то приключения! Помните, парни, когда он в Ленинград к нам в ДИМ приехал? Вечером сбежал, пошёл разыскивать могилу Ленина. Его к нам с милиционером привели.

Ребята рассмеялись:

— В общем, Максимино, ты у нас то Ленина ищешь, то Долорес Ибаррури!

После рассказа Максимино о войне ребята из ДИМа смотрели на демобилизованного солдата с уважением, только Висенте при случае, когда они были наедине, обязательно подкалывал его.

— Ха, Максимино! Так ты получил только часы, а не орден! — ехидничал он. — А я-то думал.

— Чего ты думал? Знаешь, сколько там наших ребят полегло. Ушло на фронт человек сто, а в живых единицы остались.

— Вот, вот. А ты — освободим Испанию и вернёмся. Кто её освобождать будет? Да и от чего? У моего отца рабочие лучше жили, чем здесь.

— Так ты буржуй недорезанный! Зачем же ты сюда приехал?

— По нелепой случайности. Мама думала, во Францию нас с сестрой отправляет, а не сюда. Иди, заложи меня.

— Да пошёл ты!

В первые же дни приезда Максимино отвели к врачам в местной больнице. Пожилой мужчина восточной внешности долго его щупал и вертел. Сказал, что спать всё лето ему нужно на веранде, больше есть фруктов и чеснока. Ну и, конечно, питание должно быть усиленным. Руководители Дома Испанской Молодёжи старались всё это раздобыть для своего фронтовика. Но вкусно питаться и ничего не делать пришлось очень недолго. Вскоре ДИМ расформировали, так как все воспитанники были уже взрослые. Пришло их время поработать для фронта и для Победы. Работы в Самарканде на всех не хватало. И Максимино отправился в Ташкент, где на заводе «Ташкентмаш» он проработал с некоторыми из друзей до конца войны.

3. СЛАДКО-ГОРЬКИЙ ВКУС ПОБЕДЫ

Звонящий и поющий май сорок пятого года. Война заканчивалась. Не потушенный пожар оставался ещё на Дальнем Востоке, но конец Второй мировой войны был близок. Красная Армия продвигалась и здесь быстро вперёд. Союзники Советского Союза, проглотившие горькую пилюлю от водружения над Рейхстагом красного знамени, не хотели такого же исхода и здесь. Америка поторопилась. Мир содрогнулся! Чёрный пепел Хиросимы и Нагасаки станет страшным предупреждением всему человечеству. США грозили и не просто пальчиком, а кулаком народу-победителю. В ответ наш народ, ещё не оправившийся от многомиллионных потерь и разрухи войны, снова вынужден был собирать силы не только на восстановление страны, но и на этот вызов.

А пока простые солдаты, и с той и другой стороны, не осознавали этого, быстро наступившего, охлаждения в отношениях руководителей стран. Совсем недавно союзники обнимались на Эльбе, с любопытством разглядывая друг друга, открывая свою непохожесть и при этом странную одинаковость — без лишних слов и рассуждений упорно идти к победе. Здесь, на Эльбе, было странное ощущение солдатского братства, которое своим искренним порывом прорывало недоверчивость высшего офицерства с той и другой стороны. Отстранение и враждебность придут позднее, когда между великими странами, а вернее двумя мирами планеты, встанет и оскалится смертельной пастью новое страшное оружие. Сейчас, в мае сорок пятого, люди пели, танцевали и обнимались на улицах Москвы и Берлина; Киева и Праги; Ленинграда и Вены; Минска и Софии; Тбилиси и Варшавы; Риги и Парижа — и в любом другом большом и маленьком городе, посёлке, деревне и хуторе Советской страны и всей Европы.

Максимино после Победы едет из Ташкента в Москву. Он снова пересекает больше половины великой станы с востока на запад, удивляясь её необозримым просторам, всё больше влюбляясь в свою вторую Родину. В его сердце легко уживалась странная раздвоенность: любовь к Советскому Союзу и стремление

назад, в Испанию. Возможно, потому, что он оставался по-прежнему совсем ребёнком с неосознанным и искренним детским желанием быть ближе к матери.

В конце войны он всё ещё стремился попасть на фронт, тем более, что в августе сорок третьего ему уже фактически исполнилось восемнадцать, а по документам он и вовсе был двадцатилетним. Но пройти комиссию ему не удавалось, к хрупкому, бледному малорослому испанскому юноше были очень придирчивы.

— Нет, нет, Максим, сердце слабое. Лечись, отъедайся. В ваших испанских детских домах питание хорошее, а поправишься, пойдёшь работать, — говорил ему очередной эскулап в белом халате.

В конце концов, он смирился, решив, что пользу фронту можно приносить и работая в тылу. Но ему никак не сиделось на месте. Две причины подталкивали его постоянно переезжать с места на место: первая — навестить всех своих сестёр и братьев, а вторая — увидеть новые города огромной страны.

Послевоенная Москва, энергичная, созидающая, встретила Максимино солнцем, гомоном куда-то снующих людей, шумом нагруженных строительными материалами или мусором грузовиков. Его память хранила совсем другую — мрачную и ожесточённую, февральскую Москву сорок второго. А эта встрепенувшаяся Москва подхватила и понесла Максимино, кружа его по светлым улицам, пусть и с явными признаками военных разрушений, но старательно и быстро уничтожаемыми. Это было время грандиозных сталинских проектов по восстановлению Москвы, которым до конца не суждено было исполниться. Но то, что воздвигли в эти первые послевоенные годы, впечатляет до сегодняшнего дня — горделивые сталинские высотки, острыми шпилями подпирающие небо. Так, и только так, считал «вождь всех народов», должна была выглядеть столица народа-победителя.

Сестра Максимино Пасита и его братья жили в Москве в общежитии. Собственно так, в основном, и жили все холостые испанцы. Встретила они брата радушно, место найдётся, в тесноте — не в обиде. Пасита, увидев повзрослевшего, но очень худого брата, воскликнула:

— Максимино, Мадонна, какой ты взрослый. А худой-то, худой! Нужно тебя откормить.

— Да не откормлюсь никак, Пасита. Такая уж у меня порода.

— Порода у тебя отличная, Максимино, дед и бабка долго жили.

— А мама и отец?

— Ну чего спрашиваешь, будто я знаю. И никто тебе не скажет.

Какая-то мучительная не осознанная тоска не давала покоя парню, которого многие принимали за не до конца повзрослевшего мальчишку, хоть и хлебнувшего войны на её переднем крае. Семью Максимино Гражданская война разрезала пополам. Старшие братья и сёстры остались в Испании, а младшие были отправлены в СССР. Потаённые уголки памяти хранили большую и шумную, но дружную компанию братьев и сестёр, где старшие опекали младших, где присутствие материнского тепла и заботы окружало детей, несмотря на занятость, а слово отца было непререкаемым и выполнялось даже в его отсутствие. Ему не хватало этого слова, ему не хватало материнской ласки. Иногда, посреди ночи, он просыпался от неясных, туманных видений, словно кто-то звал его.

Звал настойчиво. Но он не понимал куда. И ему хотелось тут же сорваться и бежать, ехать, плыть навстречу этому далёкому, но такому родному голосу. И утром он ходил из угла в угол сам не свой и заявлял неожиданно, что срочно уезжает.

— О, Мадонна, куда ты собрался? — Пасита всплеснула руками.

— Поеду, — мрачно заявил Максимино.

— Куда?

— Не знаю, наверное, к Ольваде в Симферополь.

— И что это так срочно? Мы хотели в выходной идти в парк на субботник, там сажать деревья будут. Ты тоже хотел.

— Хотел, но не смогу.

— И осенью поступать учиться собирался.

— Нет.

— Почему? Так и останешься неучем. Думаешь, в Испании это будет возможно. Кто из наших знакомых в Вийямайоре мог получить хорошее образование? Никто. А в Союзе, пожалуйста, учись, где хочешь.

— Мне это не нужно. Я останусь рабочим.

— Глупо. Все стремятся к образованию.

— Рабочий — это самая почётная профессия.

— Здесь. А дома?

— У нас тоже будет так же, как здесь.

Видя, что переубеждать брата бесполезно, Пасита махнула рукой.

— Ну и поезжай куда хочешь.

И вот он снова на вокзале. Разноцветье: кумачовые плакаты, серые шинели, белые повязки, пушистые охапки сирени. И со всех сторон гомон, смех, рыдания, разливи́стый голос гармошки, смешанный с топаньем солдатских сапог и женских каблучков.

Эшелон за эшелонам отправлялись домой солдаты-победители. Цветы и музыка, песни и слёзы наполнили до отказа большие и маленькие вокзалы в России и Грузии; Белоруссии и Узбекистане; Украине и Армении; Казахстане и Литве и во всех других уголках великой страны. Но ни в одном из этих эшелонов не ехал Хосе. Он оставался в Германии, где безуспешно пытался найти Арину, попавшую в плен под самый конец войны. Комендатуры, госпитали, концлагеря, раскиданные по всей Восточной Германии, были уже объезжены. После всего увиденного сердце замирало от страха и ужаса, но какой-то внутренний голос говорил ему: «Найду, найду. Она жива». Оставались пара освобождённых лагерей для военнопленных. Он добрался до самого отдалённого. Это был последний лагерь восточной зоны. Колючее ограждение повалено. Запустение. Поблизости небольшое подразделение советской армии.

— Ребята, а где пленные?

— Всех уже отправили домой. Самые тяжёлые в госпитале.

Он входит в тесный кабинет врача. Седовласый мужчина, в небрежно накинутом на плечах застиранном и помятом халате, сидящий за столом, поднимает голову от разложенных на столе бумаг.

- Соколова? Нет.
- Может, Ривера.
- Да, Ривера, Арина. Кто она вам?
- Жена. Где она?

— Мы думали иностранка. Говорит то ли на итальянском, то ли на испанском. Непонятно. Идемте за мной. Будьте с ней осторожней. Там в тяжелой степени нервное расстройство. Она, раненая, пролежала больше суток в расстрельной яме. Сами представляете, что ее окружало...

— Да, да, где она? — казалось, Хосе не слышал слов старика. — Мы и не такое с ней пережили. Где она?

Доктор привел его в палату и молча указал направо. Опираясь на подоконник, Арина, не отрываясь, смотрела в окно и шептала: «*Cómo estás, cómo estás?* Как это, как это?...

«Как же ты исхудала, девочка моя...» Хосе в несколько шагов преодолел разделявшее их расстояние. Осторожно, стараясь не напугать, положил руки ей на плечи, прикоснулся губами к волосам, вдыхая родной запах.

— *Irenita, mi amor, ¡cuánto te he estado buscando!* Иренита, любимая, сколько же я искал тебя!

Женщина резко отпрянула. Словно защищаясь, выставила перед собой руки.

— *Irene, soy yo! ¡Todo ha terminado, todo ha terminado!* Ирене, это я! Все прошло, все позади! — казалось, она не слышит его.

Повторил по-русски. Она смотрела в пустоту, мимо него. Он снова попытался обнять ее. Отстраняясь, с каким-то ужасом отталкивая его, хрипло проговорила:

— Не прикасайся ко мне, Хосе! Ты будешь проклинать меня! И день, когда узнал меня! Отойди! — стеклянный взгляд, чужой голос.

«Господи, у нее правда помутился разум»... Она отбивалась от него с каким-то остервенением. Он схватил ее за руки. Крепко. Встряхнул, пытаясь поймать взгляд.

— Душа моя, родная моя, что это? Самое главное, ты жива! Бог спас тебя!

Окаменелое тело не подпускает его.

— Нет, нет... Отпусти, — глухой и упрямый голос. — Ты не отмоешься потом. Отпусти, слышишь!

Он держит в своих объятиях это холодное безжизненное тело. Его руки крепче прижимают её к себе, горячее дыхание обжигает пульсирующую синеватую ниточку на тонкой шее. И вот худые плечи начинают вздрагивать, и гимнастёрка его становится влажной. «Поплачь, поплачь, моя девочка».

— Ты возненавидишь меня! Я не смогла, Хосе! У тебя больше не осталось жены. Я должна была умереть перед тем, как они сделают это. А теперь невозможно, теперь поздно, Хосе!

Он побледнел, сжал ее еще крепче. Мелькнула страшная догадка. Только теперь ему бросилась в глаза непропорциональность ее фигуры в грубой холщёвой рубашке. Его голос в мгновение стал таким же хриплым, как голос жены.

— *Ellos... ¿te violaron?* Они... они насильовали тебя? — его голос не просто хрипел, рычал.

— ¡Sí! ¡Sí! — закричала она, как раненый зверь, и снова с силой оторвалась от него. — *Y eso no es todo. Estoy embarazada, Jose!* И это еще не всё. Я беременна, Хосе!

Сколько секунд прошло? Что отразилось в его глазах тогда? Никто не видел, кроме нее. Раненные в палате притихли. Медсестра Тамара застыла в дверях, не в силах двинуться с места. Сколько секунд прошло до того, как он изо всех сил прижал ее к себе, неосознанно пытаясь укрыть от того, что преследует ее каждую секунду? Или чтобы самому не видеть ее обезумевших от боли глаз? Нет, он не отведёт взгляда. «Смотри, моя девочка, ты будешь всегда любимая, несмотря ни на что». Он снова с силой прижимает её к себе.

Она уже не вырывается. Плачет навзрыд. «Llora, mi niña. Y llora por mi... Плачь, моя девочка. И за меня отплачь...» Осторожно, одной рукой, боясь, что она опять вырвется, гладит ее, как маленькую, по распушенным, спутанным в комки, волосам, по спине. Что-то говорит шепотом.

— Девочка моя... в чем же ты виновата, кроме как в том, что выбрала такого мужа? Который не смог защитить тебя? Сможешь ли ты простить меня когда-нибудь? Девочка моя...

— Я не хочу жить, Хосе. Я уже ничего не хочу! Зачем я выжила, Хосе? — её рука скользнула вниз к чуть выдающемуся животу, — зачем выжил он?

— Не смей! Слышишь, никогда больше не смей так говорить! — кажется, его глаза потемнели до черноты. — Мы вместе прошли все, что только можно и нельзя, все преисподние! Мы стали одной плотью. У нас есть сын. Ты забыла?! Не оставляй нашего сына, девочка моя, не оставляй меня.

Он крепче прижал ее к себе, зарылся лицом в ее волосы. — У тебя будет ребёнок?! Это наш ребенок.

— Нет, я не смогу быть прежней, Хосе, после всего. Я считала, что нет ничего страшнее нашего Гулага, но эти звери ещё изощрённей. То, что я пережила здесь, не забыть никогда. Я не стану прежней, после этого не выживают, а если выживают, то сходят с ума.

Арина снова сделала попытку вырваться. Он встряхнул ее, заставляя посмотреть в глаза. Говорил зло и резко, не ощущая, что все сильнее сжимает ей руки.

— Y ahora escúchame, esposa. А теперь слушай меня, жена. Я не поверю, что ты обезумела, иначе ты говорила бы по-русски и не берегла бы уши окружающих. Пока еще я твой муж, пусть даже очень плохой. Мы выживем. И мы будем вместе. Вчетвером, с нашими детьми. Только попробуй не поверить мне. Только попробуй сказать мне, что сломалась и превратилась в безвольную тряпку.

Будто издавека, она почувствовала хлесткий удар. Вскинула подбородок. Взгляд стал осмысленным.

— Te odio. Ненавижу тебя, — вдруг прошептала она.

— Ненавидишь? Разве ты сейчас способна на ненависть? — Хосе сумел сдержать победную улыбку, только удивленно поднял бровь. — Моя жена была способна и на ненависть, и на любовь. И ее никто не мог растоптать. Слышишь, никто! И она никогда бы не пожелала смерти себе и своему ребенку. Нашему ребенку, — он снова встряхнул ее. — Она боролась до последнего вздоха, даже когда не оставалось ни клочка надежды. Она поверила в Бога и заставила поверить меня. И ты ведь знаешь, что всё по Его воле. Слышишь? Ты слышишь меня? — он уже кричал.

Ему было нестерпимо больно так говорить, он хотел унести ее на руках, спрятать от всех и залечивать ее раны. Но что-то подсказывало ему, что он дела-

ет правильно. Она приходила в себя. Она смотрела в его глаза уже без при-
нуждения.

— Знаешь, какая она, моя жена? — он заговорил тише. — Знаешь, сколько лет я уже должен был гнить в земле, если бы не она? Знаешь, из какого ада она всегда вытаскивала меня? Знаешь, что она значит для меня? Знаешь, как мне не хватает ее? Неужели ты ничего не понимаешь?..

Теперь Арину бил озноб. Хосе было сложно удержаться, чтобы не обнять ее. Раньше времени. Он говорил почти шепотом.

— Где я только не искал ее. Два месяца не мог уехать из этой проклятой страны. Объехал все пересылки с военнопленными, все госпитали. Мне все твердили, что она погибла. Верни мне ее! Верни!

— Хосе, я боюсь опротивить тебе!

Хосе силком обнял и поцеловал свою долгожданную и единственную женщину. «Vuelve, Irenita! Vuelve, querida! Возвращайся любимая!»

Потом положил руку ей на живот. Арина опустила голову и густо покраснела.

— ¡Salve, hijita! Салют, доченька! — тихо произнес он и потом обратился к Арине. — Ты ведь тоже знаешь, что у нас родится дочь? Иди ко мне!

Старик-доктор, зашедший было в палату, остановился в дверях. Лётчик, как ребенка, укачивал на руках его трудную пациентку, вполголоса напевая ей какую-то песню на незнакомом языке.

Доктор подошел к этой странной паре и тронул мужчину за плечо. Тот посмотрел на врача затуманенными и радостными глазами и тихо сказал:

— Мы уезжаем, отец. Спасибо тебе за все. Я вернусь, если мне будут нужны бумаги для моей жены.

Послевоенные эшелоны, до отказа набитые не просто людьми, а человеческим счастьем и горем, пересекали с запада на восток растерзанную, уставшую от войны землю. В вагоне было душно, и Хосе приоткрыл окно. Он старался оградить Арину от расспросов и лишних взглядов. Почти упираясь лбом в стекло, она смотрела вдаль. Взгляд её постепенно теплел. Он словно бы устремлялся внутрь себя. В нём появлялась особая отрешённость и загадочность беременной женщины, ведущей свой, одной ей известный, диалог со своим ребёнком.

За окнами вагонов мелькали руины, или чудом сохранившиеся дома. Макушка лета — июль трудился, не жалея сил, стараясь прикрыть шелковистой травой глубокие зияющие раны рвов, траншей и воронок от снарядов, но они то и дело обнажались своей чернотой. Словно земля напоминала всем: «Посмотрите, что вы сделали со мной, какие на мне раны. Залечите их!» Но самое страшное, что глубокие, не заживающие раны были в сердцах людей, прошедших через эту войну. Можно ли вылечить их?

4. ДОМОЙ

Параллельные линии стальных рельс звенели набатным колокольным звоном: «Домой, домой, домой!» Туда, где, пристально из-под руки вглядываясь в пыльную дорогу на краю деревни, или в привычную панораму своей улицы

в городе, стоит старушка-мама; туда, где ждёт истосковавшаяся по сильным и ласковым мужским рукам любимая женщина; туда, где бегает во дворе подросшая ребятня, возможно, помнящая своих отцов только по фотографиям. Неужели прошли эти четыре года, неужели они победили?! Что ждёт солдата, пропахавшего по-пластунски землю от Москвы до Берлина, проехавшего это расстояние на танке или машине? Что впереди у лётчиков, сбросивших на эту землю тонны бомб и сбитых самолётов? На что они надеются и что случится? Радостные встречи или дотла сгоревший дом да покосившийся крест на кладбище? Работа на заводе, в колхозе или новые аресты после ада фашистского плена? Они не знали.

— Пойдём, покурим в тамбур, товарищ лейтенант, совсем сморилась твоя жинка, пусть приляжет, — пожилой солдат толкнул Хосе в бок.

Хосе аккуратно, боясь потревожить, поправил под головой Арины веще-шок и окутал её шинелью. Женщина приоткрыла глаза. Увидев, склонившегося над ней мужа, снова зажмурилась, по лицу пробежала мимолётная полуулыбка и облегчённый вздох.

— Смотрю, не налюбуюсь на вас, — потягивая самокрутку, сказал солдат, — как молодожёны, а ведь не молоденькие. Снежок виски-то у обоих посеребрил.

— Ну, у меня уж не снежок, а сугробы снега, а у жены не от возраста виски побелели. Досталось ей, особенно под конец войны, в плену побывать пришлось.

— Ох, ох. Страдалица. Не то вижу, поздно вато домой собрались, уж сколько эшелонов отправили из Германии. Думаю, не просто же так. Я-то сапёр. Меня комендант уговаривал и ещё побыть. Но сил моих нет, хочу домой. Как там? Вся душа истосковалась. Почитай два года под немцами были. Дочке уж двадцать сейчас стукнуло.

— А откуда вы, отец?

— С Украины, недалеко от Харькова. А вы? Ты ведь, вижу, не русский. И лицом смуглый, и акцент у тебя. Подумал, грузин, но говор-то у них не такой. У нас в батальоне три грузина было, двое погибли. Царство небесное! Отчаянные парни, верные. В общем, настоящие. Может армянин?

— Нет, отец, я — испанец. А жена русская, из Москвы.

— Ай-яй! Вот, не подумал! Испанец! И вы за нас воевали! Геройские вы ребята, ох и горевали мы с жинкой своей, когда фашисты вас победили. Как же к нам ты попал, сынок?

— Да, сложно, отец, было. Во Францию через Пиренеи уходили, а там нас в концлагерь заперли. Мне удалось бежать и старые друзья — французы помогли попасть в советское посольство. Вот так и добрался.

— А с женой где познакомился. На фронте?

— На фронте, только не этом. Ещё в Испании.

— Ну, раз столько лет прошло, а вы милуетесь, как голубки, значит любовь настоящая.

— Да, отец, настоящая.

Хосе посмотрел отрешённо вдаль, глубоко затянулся папиросой.

— Табачок-то немецкий?

— Угощайся, отец. Кто его знает какой.

Лётчик протянул портсигар солдату. Тот аккуратно, чтобы не помять, достал

ароматную папиросу. Посмотрел на задумавшегося собеседника и понял, что его что-то тяготит.

— Есть куда ехать-то вам?

— Направление понятно, но где жить будем пока не ясно.

— Если что, приезжай, сынок. У нас хорошо: заводы, шахты, земля, а главное, тепло.

— Тепло — это хорошо.

— Я тебе адрес напишу. Бумажка есть?

— Нет, вроде.

— А карандаш?

— Да, химический.

— А у меня вот клочок газеты.

Солдат присел на корточки и примостил кое-как на коленке обрывок газеты. А потом старательно накарябал кривые буквы.

— Убери, лейтенант. Может, пригодится. Так не раздумывай. Приезжай. Мы с женой рады будем. Сынок-то мой в самом начале войны погиб, на границе служил.

— Спасибо, отец.

Хосе свернул маленькую желтоватую бумажку и убрал в портсигар.

— Иди, иди к жинке своей. Ей забота твоя нужна, ребёночек у вас скоро будет. Это хорошо. Дети — это всегда хорошо! Иди. Я тут ещё постою. Скоро уж выходить мне.

Кивнув солдату, Хосе снова вошёл в вагон. Пахнуло потными, давно немытыми телами. С перестуком колёс смешался разноголосый гомон. Протиснувшись к своему месту, лётчик остановился около дремавшей жены, не решаясь присесть рядом, чтобы не разбудить её. Тревога, поселившаяся в его сердце с того давнего момента, когда после долгой разлуки он первый раз проводил свою девочку в небо, не отпускала его. Хосе переживал и раньше, на той давней войне в Испании, но там они летали почти всегда плечом к плечу, точнее, крылом к крылу, и он был уверен, что сможет защитить её. На этой войне им чаще приходилось провожать друг друга, прощаясь на земле. Это было мучительно. Конец войны и всё, что произошло, сковало его сердце ледяным обручем страха за свою любимую. Сейчас она была рядом с ним, но страх не уходил, даже становился острее. Он боялся снова потерять её, боялся за их будущее. Что-то внутри оборвалось, он, словно стремительно падал вниз, а парашют не раскрывался. За что зацепиться? За что? Немного спокойней становилось, лишь когда он обращался к Богу. И он стал это делать чаще.

В тесном, прокуренном и провонявшем потом вагоне, домой ехали не просто солдаты, а надежда на лучшую жизнь, разбуженная маем сорок пятого. Победители открыли для себя новый мир, который глянул на них в наспех покинутых жилищах из шифоньеров, кухонных шкафчиков, комодов, из полуоткрытых брошенных чемоданов. Частички этого мира диковинными безделушками, кружевными шёлковыми сорочками и ещё чем-то, никогда невиданным простыми деревенскими или рабочими парнями, перекачывали в вещмешки, торопясь удивить солдатских жён и подруг. Скрашивая долгую дорогу байками и анекдотами военной жизни, иной из них вдруг замолкал, отводил взгляд в сторону, словно пристально вглядывался куда-то вдаль. Солдат-победитель надеялся,

что теперь, у него дома, не может быть хуже. Ведь не зря же, там, в чужой земле, остались лежать его друзья, с которыми прополз на брюхе он всё это расстояние, с которыми, срывая голос, бежал в атаке, зарывался в окоп и под скрежет гусениц просил Бога не быть раздавленным. Ведь не зря же, глож от канонады артиллерист, горел в танке танкист или в самолёте лётчик, и разрывало в клочья сапёра. Ведь не зря?

С Запада на Восток и в обратном направлении, под стук колёс, тащили паровозы заполненные до отказа составы, которых катастрофически не хватало. Слишком много народа огромной страны, да и в Европе, оказались разбро-санными войной далеко от дома. На каком-нибудь полустанке встретятся и, мелькая, пронесутся мимо поезда, разводя в разные стороны людей. И время надолго, или навсегда, разлучит тех, кто хотел встретиться. Возможно, так же промчались мимо вагоны Максимино и Хосе, откладывая их несостоявшуюся встречу. Хосе и Арине нужно было добираться в Потьму, там был детский дом, там был их сын Мигель. Супруги стремились побыстрее обнять своего подрост-ского шестилетнего сынишку.

Максимино всё-таки уехал из Москвы к сестре Ольге, которая училась на скульптора в Симферополе. Ему хотелось обосноваться там, где был более мягкий климат, Карельский фронт навсегда отбил у него охоту на холодные снежные зимы.

После прибранной и ухоженной Москвы, в которой следы войны были поч-ти незаметны, Симферополь показался Максимино совершенно не оправив-шимся от разрухи. Выйдя из вагона, он наткнулся на разрушенный железнодоро-рожный вокзал. Неподалёку горами хлама и мусора высились неразобранные завалы, через которые ему пришлось пробираться к трамвайной остановке. Всё увиденное произвело на парня удручающее впечатление. Настроение испорти-лось. Его даже немного удивил весёлый гомон молодых ребят и девочек, орудую-щих лопатами и граблями и азартно разгребающих весь этот хлам. Спросив их, как добраться до улицы Школьной, где находилось Художественное училище, он поспешил сесть в приближающийся трамвай. Картина, которую наблюдал Максимино из окна грохочущего трамвайного вагона, тоже не очень впечатля-ла. То там, то тут призраками наплывали на него развалины очередного дома или учреждения. «И что сюда Ольга приехала, будто в другом месте учиться нельзя?» — Мелькнула у него мысль. Но потом успокоил себя: «Не понравится, уеду к брату на Украину».

В это же время из обшарпанного вокзала грязно-голубого цвета выходила супружеская пара. Обогнув неказистое строение железнодорожной станции Потьма, Хосе и Арина двинулись к военкомату, по направлению, указанному милиционером.

Посёлок был небольшой и деревянное, вытянутое вдоль дороги здание, они нашли быстро. Военком долго и внимательно читал их документы, изредка

бросая взгляд, скользящий с головы до ног, на пару, сидящую на отполированной до блеска лавке. Арина вздрогнула, и супруг, уловивший это, придвинулся к ней поближе и накрыл её руку своей ладонью. Время тянулось мучительно долго. Наконец, военком отложил документы в сторону.

— Так вы приехали в детский дом за ребёнком?

— Да.

— А как он здесь оказался? Хотя догадываюсь.

Арина побледнела. Военком, будто не замечая её тревожного состояния, продолжил.

— Ребёнка, конечно, заберёте, документы в порядке. Оба вы боевые офицеры-лётчики. Но думаю, что в один день не получится. Остановиться есть где?

— Нет. Откуда! — опередил Арину Хосе. — И нам бы работу, может, придётся какое-то время пожить здесь, пока сын привыкнет.

— Подумаю. Придётся завтра. А пока..., — и неожиданно громко гаркнул, — Баба Шура!

В дверях появилась сухонькая широкоскулая старушка.

— Баба Шура, — снова обратился военком, — возьми на постой пару. Они за дитём в детский дом приехали.

— Возьму, коли просишь. Что ж не взять. Дом большой.

— Ну, так иди, проводи. Отпускаю тебя пораньше.

В сопровождении квартирной хозяйки они пошагали вглубь посёлка. Утрамбованная, но неровная дорога рассекала посёлок на две части. Высокий забор с колючей проволокой по обе её стороны открывал нерадостную картину зоны, которая располагалась в самом центре Потьмы. Пройдя довольно большое расстояние, они оказались на улице, застроенной одноэтажными деревянными домами. Баба Шура остановилась у большого пятистенка с высоким крыльцом.

— Вот и дома. Входите, сердешные. Сейчас покормлю вас, чай устали с дороги.

— Да нам бы, тётя Шура, в детский дом, побыстрее! Остальное потом.

— Не терпится. Ну, бросайте ваши мешки. Провожу.

Казалось, что дорога слишком длинная, а идут они очень долго. И снова просмотр документов, и внимательный взгляд хмурой женщины — директора детского дома.

— Сын ваш — очень эмоциональный и конфликтный, но в то же время добросердечный. Опекает, не даёт в обиду другого ребёнка.

— Кого? — спросил Хосе.

— Мальчик из семьи волжских немцев. Сирота. Ребята здесь жестокие бьют. Не уследишь, так и побить могут. А вашему сыну о родителях ничего не говорили. Будьте поосторожней. Сразу забрать не сможете, сами понимаете — оформление документов. Остановиться есть где?

— Да.

— Подождите, я приведу его.

Время тянется мучительно. Господи!!! Сердце то лихорадочно стучит, то замирает, будто и вовсе останавливается. Наконец, дверь открылась! Мысли Арины путаются: «О, Мигелито, как мне не броситься к тебе, как не схватить тебя в свои объятия?! Нет, я не буду пугать тебя, мой маленький. О, это твои глаза. Тёмные, бездонные глаза твоего отца. Да, это ты, мой сынок, это ты!»

Мальчик внимательно смотрит, потом уверенно идёт к своим родителям, замирающим от страха.

— Вы мои мама и папа? Да, я знаю, вы мои мама и папа.

— Да, да, сынок! Я твоя мама, а это папа. Мы пришли с фронта.

Какое счастье, что можно не сдерживать слёзы, можно обнимать своего сына, прижимать к себе.

— Ты беременная, м-м? — у него не получается назвать её мамой. Только какое-то непонятное мычание.

— У вас будет ещё ребёнок? А меня вы заберёте?

— Мы приехали за тобой, Мигелито.

— Я — Миша.

— Да, сынок. Но по настоящему — Мигель.

— Я не цыган?

— Нет, сынок, ты испанец. Почему ты спрашиваешь?

— Меня все зовут — Мишка-цыган. И я один с вами не пойду.

— Как не пойдёшь?! Почему?

— Ваньку тоже тогда берите, они его совсем без меня затравят.

— Конечно, возмём, Мишенька, — поспешила успокоить его Арина, подумав про себя: «Если отдадут».

— Ну, хватит на сегодня, Миша, — строго проговорила директор. Завтра твои родители придут снова. А потом, через несколько дней, сможешь уйти с ними.

«Боже! Как оторваться?! Как расстаться!»

— Ну, подожди, ещё чуть-чуть, моя девочка. Завтра придём с самого утра, — успокаивает Хосе.

Когда в кабинет снова вошла директор, они обратились к ней с вопросом о возможности усыновления и другого ребёнка.

— Вообще-то мы радуемся, когда у наших воспитанников появляются родители. Я постараюсь вам помочь, — пообещала она.

У крыльца детского дома их поджидала верная старушка. Они уходили из детского дома с надеждой на лучшее. И она оправдалась. Документы были оформлены на удивление быстро. И вскоре просторный светлый дом бабы Шуры наполнили детские голоса: один звонкий, как колокольчик, а второй, словно тихо журчащая струйка воды. А над столом, покрытым вязаной скатертью, склонялись две головы, чёрная и белобрысая. Мальчишки с любопытством разглядывали яркие картинки в потрёпанной книжке, вытащенной из сундука и подаренной им бабой Шурой.

Стремительно надвинулась осень. Нужно было определяться с местом жительства. Тем более, что в начале зимы в их семье ожидалось пополнение.

— Так оставайтесь. Я ведь не гоню вас. На работу вас определили, а тебе рожать скоро. И мне с вами повеселей, — уговаривала их добрая старушка, — Что мне одной-то делать в таком доме? Сынка-то уж видно своего не дождусь.

А куда им было ехать? Из армии они были демобилизованы, а прежнее место жительства — Москва — была им строго заказана. Да и если бы можно было, то родители Арины всё равно бы их не приняли. Потьминский лагерь, где Арина провела два страшных года, был совсем рядом. Его высокий забор, его колючая

провокола, лай собак, громкая утренняя переключка — всё это было слишком близко. Всё это было слишком тяжёлым напоминанием, но деваться, действительно, было некуда. И они остались. Здесь, в этом страшном месте, оказалось их первое семейное пристанище, их первый общий дом.

5. ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ...

Трудные послевоенные годы. Скорбить и горевать было некогда, засучив рукава, нужно было работать. Работать на заводе, или в поле от зари до зари, подросшим мальчишкам и девчонкам, у которых детство оборвалось четыре года назад и уже не возвращалось. Работать снова до изнеможения, уставшим от войны женщинам, в редких случаях дождавшимся мужей, а, в основном, вдовам или не успевшим стать жёнами. И работать, и работать, не меньше, чем в войну, чтобы поднять из руин города и сёла страны.

А ещё стране нужно было доучить тех, кто не доучился, поставить прочно на ноги, дать им профессию, о которой они мечтали ещё до войны. Хочешь учиться — учись, тебе все дороги открыты! Возможно, даже лучше других это понимали испанские ребята. Здесь, в Союзе, любое образование было доступно им, и они спешили его получить до отъезда домой. А домой, подросшие «дети войны», мечтали вернуться всю войну. Некоторые, так же наивно, как и Максимино, верили, что Красная Армия освободит и их многострадальную родину. Не оправдавшиеся ожидания переросли у них в стремление попасть домой побыстрее, веря, что они могут принести несомненную пользу родной Испании.

Максимино учиться не хотел категорически. Здесь в Симферополе, он устроился на стекольный завод, а от донимавшей его сестры отмахивался.

— Ну что ты пристала, Олия? Не хочу учиться, я в футбол играть буду. Мне ребята из Днепрпетровска написали, там у них команда отличная. Много наших. Я туда поеду.

— Максимино, ну что ты, как перекасти-поле, туда — сюда? Ты бы определился.

— Женить его, Оля, нужно, — смеялась её подруга, с которой они жили вместе. — Хочешь, Максимино, я тебе адрес сестры дам. Она в Изюме живёт. Девочка скромная, хорошая. Тебе понравится.

— Зачем мне ваш адрес? Чего пристали.

Адрес всё-таки на всякий случай взял, но писать не стал, а через некоторое время отправился к друзьям в Днепрпетровск.

С Симферополем он простился без сожалений. Ему словно под хвост ударила вожжа, хотелось куда-то ехать и ехать. Разрухи в городе на Днестре было не меньше, чем в Крыму, но здесь была его стихия. И он окунулся в неё с головой. Работа, тренировки, игры. Азарт от игры, от новых побед, захватил его. Это чувство было похоже на то, которое толкало его, совсем ещё мальчишку, на фронт, но не было таким трагическим.

Футбол для испанца — это не спортивная игра, это — религия. Или что-то похожее на религию. И не только для мужчин: девчонки-подружки с жаром обсуждают только что прошедший матч, убелённая сединами матрона делает прогнозы о предстоящем футбольном сезоне со своей доброй соседкой, тоже весьма почтенного возраста. Футбол — это не меньше корриды, а может быть,

и победитель её в будущем.

В Днепропетровске друзья «димовцы» встретили Максимино радушно: — Пойдём к тренеру, он обязательно тебя возьмёт. Мы же знаем, ты в футбол отлично играешь. А у нас в команде ребята, как сталь, под стать своему названию.

Команда металлургического завода имени Петровского называлась «Сталь», в этом году она готовилась к первому послевоенному чемпионату. Они были дружные ребята: русские, украинцы, испанцы. Лёгкий, как ветер Максимино носился по полю, забывая про своё больное сердце. Забота врачей, тепло и фрукты Самарканда и Ташкента помогли молодому организму восстановиться. Он был ловким и юрким, но небольшого роста и не очень физически сильным. Большие голы забивать не получалось, зато был незаменимым, когда вёл мяч и увёртывался от преследования. Точность и тут не изменяла ему, и его подачи всегда были вовремя. А самое главное, он был очень увлечён своим новым занятием. На чемпионате команда их выступила не ахти как, а нагрузки были чрезмерные. На одной из тренировок сердце снова прихватило. Осмотрев футболиста, командный врач дал неутешительное заключение — в команде его не оставят. Расстроенный Максимино снова собрался в дорогу, оставаться в одном городе с друзьями и не играть не хотел. Теперь его путь лежал в Карловку к брату Луису. Тот женился, опередив его, и уже несколько месяцев жил там с женой. Полтавская земля приняла испанского паренька в тёплые братские объятья, но после полумиллионного большого города Карловка показалась Максимино просто деревней. Утешало одно, что при ремонтно-механическом заводе, куда он устроился, была футбольная команда. Никому не сказав про свои сердечные дела, он снова с головой окунулся в спорт и работу. Конечно, здесь и тренировки, и игры не были такими тяжёлыми, и парню казалось всё по плечу — и спорт, и работа. А самое главное, брату было некогда с ним возиться, и он радовался свободе, без назойливых приставаний сестёр. И на заводе к нему относились не как к пацану, а как к фронтовику. В эти послевоенные годы к людям, пришедшим с фронта, был особый почёт, и парня, успевшего в своём двадцатилетнем возрасте повоевать в самом начале войны, уважали.

И ещё в этом маленьком городке его ждала немного запоздалая первая любовь, которая явилась ему в образе девчонки с тёмными кудряшками, выбивающимися из-под платка, улыбающейся и посматривающей в его сторону. У Гали, которая работала в цеху недалеко от него, были удивительные светлокорицевые в крапинку глаза, похожие на камешки янтаря.

— А испанские ребята кроме завода и стадиона ходят куда-нибудь? — смеясь, спрашивала она Максимино.

— А куда здесь ещё ходить можно? — делая притворно серьёзное выражение лица, парировал он.

— Ах, какие мы серьёзные! Значит просто погулять фронтовики не ходят.

— И где же здесь прогуливаться? На берегу Орчины, или у ближайшего пруда, где квакают лягушки?

— А хоть бы и где квакают. А если не хочешь послушать лягушек, то можно и музыку на танцах. Говорят, испанские мальчики танцуют неплохо? Вот и жду, когда один такой недогадливый пригласит.

— А если пригласит, не откажешься?

— Не откажусь, — Галя кокетливо развернула голову в бок и скосила на Максимино глаза, а потом прыснула в кулак, давясь смехом.

Он тоже рассмеялся в ответ.

Сладкие, как вишнёвое варенье, Галины губы окончательно лишили его покоя. Почти год пролетел, как один день. И он совсем уже был готов последовать совету сестры и жениться, но Галя сказала, что без разрешения родителей нельзя и позвала его поехать в отпуск в село, к ней домой.

Село Разумовка раскинулось на правом берегу Днепра, и поселились там, по всей вероятности, потомки разумных запорожских казаков, написавших своё историческое письмо турецкому султану. Добираться до родного дома Галя предложила по Днепру, чтобы заодно полюбоваться украинскими красотами, стоя на палубе белоснежного красавца-теплохода. Они плыли вниз по широкому Днепру, а Галя цитировала ему любимые строчки: «Чуден Днепр при тихой погоде...». Поездка эта ещё больше утвердила Максимино в вере, что крупней и красивей страны, чем Советский Союз, нет на белом свете. И вот они уже шагали вместе с красавицей-дивчиной по пыльной улице с колоритными белыми мазанками по сторонам, из-за плетней которых выглядывали яркие мальвы и любопытные соседки, насмешливо принимающие Галины здравствования и поклоны.

— Эй, Галю, никак жениха привезла домой?

— А то! — улыбалась, прикрывая своё смущение бравадой, девушка.

— Отцу на смотрины ведёшь? Где ж, такого смуглявого откопала? А что, наши хлопцы нехороши тебе? Ой, девка!

От этих разговоров Максимино стало как-то не по себе, но он старался не показывать вида. И вот они уже на пороге просторной хаты. Отец, строго взглянув на переминающегося с ноги на ногу паренька, ухмыльнулся в усы.

— Ну, показывай, дочу, своего ухажёра. Знакомь.

— Папа, ну что ты строжничаешь. Нам и так по дороге соседки все уши прожужжали. Максимино уже сам не свой.

— А, так Максим, значит. А говорила, что не русский? Имя вполне русское, нам — казакам подходит. Ну, проходите, проходите. Мать борща да вареников наготовила. Обедать будем.

Приняли его радушно. От теплоты этой повеяло чем-то домашним, давно забытым, к чему так тянулась его, совсем ещё детская, восторженная душа. Отец Гали — фронтовик, один из немногих мужчин села, возвратившийся с войны. Ему, ставшему председателем колхоза, пришлось восстанавливать эту перепаханную войной вдоль и поперёк, родную землю, где в огромной братской могиле лежали воины, её защитники и освободители. Узнав, что Максимино тоже успел повоевать, он зауважал парня. И всё бы, казалось, сложилось для него по-доброму, если бы не один разговор, проложивший между ним и родными глухую стену.

— Может, Максимино, останешься здесь? Свадьбу вам справим. Работа и в колхозе найдётся.

— Нет, я человек рабочий. Да и потом недолго здесь осталось жить. Сейчас наши начали собирать документы, чтобы возвратиться домой в Испанию.

— В Испанию?

— Но там ведь фашисты?

— Но не навсегда же! Советская власть и там обязательно будет!

Отец Гали посмотрел на него удивлённо, но ничего не сказал. Максимино не придавал этому разговору значения. Но через несколько дней заметил перемену в настроении своей невесты.

— Галя, что-то ты не в настроении? Что-то случилось?

— Максимино, наверное тебе нужно уехать в Карловку.

— А свадьба?

— Свадьбы не будет, Максимино. Я дома остаюсь.

— Ничего не понимаю! Почему?

— Так будет лучше, я тебя обманывать не хочу.

— В чём обманывать?

— У тебя семья большая, ты сам говорил, что хочешь тоже большую семью, где будет много-много детей, а у меня детей не будет.

— Что за глупости! С чего ты решила? Ты ничего мне не говорила раньше!

— Отец сказал, что скрывать этого нельзя, и обманывать тебя тоже нельзя. Не мучай меня, Максимино, уезжай.

— Мне не важно, что ты сказала. Поехали вместе, я поговорю с твоим отцом.

— Нет. Уезжай завтра утром. С отцом говорить не нужно. Это моё решение.

Максимино, наперекор ей, решил, что утром обязательно поговорит с родителями Гали. Но, может, была не судьба, а всего вероятней, они не захотели этого. Проснувшись очень рано, он, к своему удивлению, не обнаружил дома никого. Галя понурая сидела во дворе, когда она подняла голову, он увидел красные и припухшие глаза. Ни на какие уговоры Галя не поддавалась. Простились холодно, как чужие люди.

Приехав в Карловку, незадачливый жених пошёл поделиться с братом, который поджидал возвращения молодожёнов. Тот долго расспрашивал его о том, как и о чём они говорили у родителей, выпытывал, казалось Максимино, незначительные подробности. А потом объявил ему:

— Ну ты, Максимино, недотёпа. Ты зачем сказал, что собираешься в Испанию? Отец — председатель колхоза, коммунист. Так ведь?

— Так! Ну и что?

— Да ничего, Максимино, соображать нужно. Разве коммунист отец свою дочку за границупустит. А потом, что было болтать о том, что неизвестно когда сбудется, как о чём-то близком, что будет буквально завтра.

Увещевая брата Луис ещё не знал, что до исполнения мечты, оставалось не так много времени. Многое изменится, после смерти Сталина, но нужно было подождать. А сейчас беспокойный паренёк, не находя себе места, в разом опустевшем, и ставшем ему совершенно не интересным городке, стремился снова уехать подальше. Перебирая письма друзей, ища себе новое место пристанища, он случайно наткнулся на адрес в Изюме. Письмо, написанное торопливым почерком, полетело к незнакомке, и совершенно неожиданно получило ответ.

И теперь поезд везёт Максимино на новое место. Нет, он не думает бросаться «из огня да в полымя». Он ищет близкого человека. Что-то в письме незнакомой девушки показалось ему очень родным, понятным. Подумалось, что эта не будет смеяться над его мечтой, в которую он так безоглядно верит. Пока у него не было даже маленькой мысли о новой невесте или о чём-то по-

добном. Просто не сиделось на месте, просто куда-то хотелось ехать и ехать по этим необозримым просторам.

Он выглядывает в окно, подставляя прохладному ветерку свои взъерошенные волосы, и смотрит в голубое небо в белых кудряшках облаков, постоянно меняющихся. Причудливые очертания рожают странные фантазии: образы летящих по небу коней, завораживающий профиль откинутой назад головы незнакомки, распростёртые крылья загадочной птицы. Они манят в неведомые дали, и дорога дарит ему светлые, радужные надежды.

6. ДОРОГА

Маленький кусочек неба заглядывал в зарешеченное окно вагона, который вот уже полвека называли столыпинкой, увековечивая не самым почётным образом, имя знаменитого политика, вознесённого в современное время на пьедестал. Вагон этот, в конце состава длинного поезда, пересекал нашу необъятную родину с запада на восток. И последняя железнодорожная станция ещё не была конечным пунктом, дальше их путь лежал морем на Колыму. Надежды было слишком мало в этом вагоне и душах хмурых людей, многие из которых прошли сквозь ад фашистских лагерей и ледяной страх облав в оккупации, или соприкоснулись с чем-то, просто незамеченным им ранее, но сыгравшим злую шутку в их послевоенной судьбе. На что опереться в прошлом, что может поддержать их в будущем?

Один из них пристально вглядывался в маленький кусочек неба, мелькающий над головой голубым квадратом, изредка украшенным белым кружевом облаков. На этом окаменелом мёртвом лице идалго лишь глаза, устремлённые вдаль, говорили, что жизнь ещё теплится где-то внутри. Этот маленький комочек жизни превратился в память, которая постоянно возвращала его в Потьму, где прошли три года, самые счастливые в его жизни. Он мысленно прижимал к своему сердцу женщину, которая стала всей его жизнью — его нелёгкой судьбой. Он качал на руках малышку — маленький тёплый комочек, ставший таким родным. Во дворе дома бабы Шуры возился с ребятами, мастера что-то необходимое своим, обрётённым через долгие годы, сыновьям. Он снова и снова возвращался в Потьму и не понимал одного: «Почему»?

Он задавал и задавал себе этот вопрос и не находил ответа. Разве мог он вспомнить ту машину, стоящую у ворот колонии, и, тем более, разглядеть злобный взгляд сидящего на заднем сиденье человека. Привычно перекинувшись парой фраз с пленным итальянцем, Хосе поспешил на работу. А в этот момент его уже узнал тот, кто много лет ненавидел. Всё оказалось предрешённым.

Следствие было скорым, а дорога очень дальней. Но Хосе несколько не интересовали ни время суток, ни дни недели, ни люди, окружающие его. Он был безразличен к скудной пище, которую жадно расхватывали его соседи. К нему уже давно никто не подходил.

Неожиданно Хосе почувствовал, что его тронули за плечо. Этот спокойный, но пронзительный взгляд, проникающий прямо в душу. Что-то знакомое, виденное им. Этот человек — священник? Да, конечно! Он уверен: «И тебя тоже, падре? — тихо проговорил испанец. — Что же им так неймется...» Священник улыбнулся.

— Давай, сынок, помолимся. Просто помолимся вместе. Ты должен жить, тебе ведь есть для кого жить? Ты на земле ещё не всё сделал. Нужно детей вырастить.

Хосе удивлённо посмотрел на священника.

— Да, падре. Мне нужно жить.

Тот вечер был такой тёплый. Они дурачились, словно дети. Баба Шура притворно сердито шикнула на них: «Разрезвились, как молодые!» И ребята поздно уgomонились. Он еле дождался их ровного дыхания, чтобы стиснуть в объятьях и прижаться каждой клеточкой к такому родному, обнажённому телу жены. «Yo quiero, mi vida, tu quiero». Я люблю тебя, моя жизнь, я хочу тебя, — шептал он, задыхаясь от невыразимого счастья, сливаясь с ней в единое целое!

Их последняя ночь. Это счастье, которое так резко оборвалось шумом подъехавшей к дому машины. Сыновья бросятся к нему. Люди в форме будут отталкивать ребят от арестованного. Он крепко обнимет детей и укоризненно посмотрит на уполномоченных. Арина, как в бреду, быстро соберет теплые вещи, сухари, немного еды и денег. «Irene, encuentra otro lugar. ¡Vete hoy! Ирене, найди другое жилье. Уезжайте сегодня же!» И потом на русском, чтобы не вызывать подозрение: «Любимая, береги себя! Обо мне не беспокойся, я выживу!» Заплачет проснувшаяся малышка, протянет к нему пухленькие белые ручки. Им не дадут проститься. Растерявшиеся Мигель и Хуан за несколько минут всё поймут, разом повзрослевшие, молча поднимут к вискам кулаки. Отец им ободряюще улыбнётся, поднимет руку в наручниках и скажет по-испански: «Пока не вернусь, отвечаете за наших женщин!» Только в машине у него почти вырвется крик, который он зажмёт стиснутыми зубами: «Господи, почему?! Как они без меня? Защити их!»

— Почему, падре? Я давно задаю себе этот вопрос. Разве могут они распоряжаться жизнью и судьбой человека? Они же не Боги!

— Грех тяжкий лежит на них, сынок. Их грех! За свои грехи каждый сам отвечает перед Господом нашим. А ты разве никогда не решал за Бога?

Хосе вздрогнул. Испуганные, разом протрезвевшие, глаза его отца глядели на него в упор, но рука уже нажимала на курок. Раз! Два! Три! Пока вся обойма не разрядилась полностью. Полностью!

Глаза отца сначала удивлённые, словно только сейчас открывшие для себя что-то важное, потом устремлённые через невидимую для живого человека черту, затуманиваются и больше не видят своего сына. Он уже ушёл от него и от себя, но ещё стоит на ногах. В нём сила быка, который всё никак не рухнет, уже сражённый тореадором. Сквозь пальцы руки, приложенной к груди, сочится что-то алое. Оно разрастается. И вот уже всё вокруг становится красным. И Хосе ничего больше не видит, кроме этого красного, расползающегося и превращающегося в чёрное.

— Прости, падре, решал.

— Господь простит, он милостивый. А ты покайся, помолись. И я с тобой помолюсь. А люди добрые помогут. Я знаю.

Смеркалось. Стучали колёса вагона, покачиваясь из стороны в сторону, тянулся состав, везя свою тяжёлую ношу. Хосе казалось, что он идёт куда-то далеко в этих сумерках. Сверкнул в лучах заходящего солнца купол высокой

колокольни. Он вошёл под выгнутые дугой своды небольшого храма. Мерцающий свет горящих свечей. Он увидел склонившиеся силуэты. Перед образами на коленях молились его жена и оба сына.

Когда гул мотора затихнет в темноте улиц, обессиленная Арина опустится на порог. Как после тяжёлого ранения, волнами начнёт накрывать боль. Как не завывать белугой, Господи?! Но сыновья всё понимают не хуже неё. Хуанито отводит Веру в комнату, укладывает спать. Мигель остаётся с матерью. Он садится рядом, берёт ее ладони в свои, мальчишеские, но уже такие крепкие. Как можно так остро чувствовать в девять лет? Его озноб передается матери. Арина гладит его по щеке, тонет в его карих глазах, до умопомрачения похожих на глаза ее мужа.

На плечи ложатся руки Хуанито. Он обнимает ее и, стараясь унять слезы, говорит по-испански:

— Отец очень сильный. Он победит. Вот увидишь, все будет хорошо.

Хмурое утро ничего не изменило. Оно не может ничего изменить. Но нужно думать о том, что Хосе просто вышел ненадолго. Мальчишки постоянно говорят по-испански между собой. Наверное, так им кажется, что отец ближе. Сколько прошло дней?

За перегородкой вздыхает и причитает баба Шура. Арина уложила малышку спать. Зажгла свечу и опустилась на колени. Рыдания, которые она старается приглушить, то и дело останавливают её молитву.

Послышались легкие шаги. Мигелито подошел к матери и прильнул к ней. Арина спохватилась, встала.

— Мам, папа вернётся. Ты только не плачь. Ты же сама нам так говоришь!

— Да, родной, радость моя... всё будет хорошо. Всё, я уже не плачу, смотри.

Сзади снова робко притулился Хуан. Она поворачивается к нему. Обнимает обоих сразу, крепко прижимает их к себе.

— Мама, давай помолимся вместе. Научи нас, — говорит Мигель.

Арина вздрогнула.

— Я и сама, дети, не очень умею. Давайте, как получится, давайте вместе. А Господь вразумит нас.

Рассвет осторожно проникает сквозь задёрнутые строчёные занавески.

— Завтра надо уехать, мальчики.

— Куда, мам? Надолго? А школа?

— Надолго, ребята. Пока не вернется отец.

Какая же огромная наша Россия! Как долго ехать из конца в конец. Целых две недели! Ехать и ехать. Какая интересная женщина? У неё такие разные сыновья. Один, как цыганёнок, второй совсем светленький. А вот дочурка — копия она сама. А какие заботливые сыновья, они стараются всё взять на свои плечи, а ведь им не больше десяти, а может и меньше?

— Куда же вы так далеко едете? — спрашивает мужчина, угадав в Мигеле, более разговорчивого и общительного мальчика.

— На Колыму, к папе.

— По своей-то воле к нам на Колыму редко кто едет.

— А мы по своей.

Седые волосы, окладистая борода, внимательные ласковые глаза. Мужчина, подсевший в вагон в Новосибирске, приглядывался к семейству Арины несколько часов.

— По своей-то — это хорошо.

Арина смотрит настороженно. Она привыкла не доверять людям. Мужчина понимает. Даёт время привыкнуть. Возится с малышкой, которая доверчиво подставляет ручки доброму дяде.

— Дедушка Мороз, — лепечет Верочка.

Мама улыбается наивному сравнению дочери. Сыновья тоже первый раз за долгое время засмеялись. Тоненькая ниточка доверия, ещё совсем непрочная, но связывающая попутчиков, протягивается навстречу друг другу.

— Сыновья у вас замечательные.

— Да, мои защитники. Мигель-Миша, Хуан-Ванюша.

— Интересные имена, испанские.

— Муж — испанец.

— А вы?

— Нет, я русская.

— Мальчики очень разные.

Арина согласно кивает головой, но ничего не говорит.

— Едете к мужу?

— Да, к нему.

— А я — врач. Осуждён по делу врачей. Отбыл срок, остался работать на Колыме. Вы кто по профессии?

— Медсестра.

— Так это же замечательно. Вам, наверное, работа будет нужна? Едем в одном направлении. Да и добираться одной с детьми до Магадана будет сложно. Я помогу вам определить точное место нахождения мужа. Думаю, что это рядом с моей больницей.

Сколько благодарности прочитал старый доктор в глазах этой мужественной женщины.

— Господь послал нам вас.

— Я в него не особо верю, дочка. Уж больно жестоко наказывает детей своих Отец наш. Но если он и действительно там, — мужчина взмахнул рукой по направлению к небу, — то, наверное, свой у него замысел, неведомый нам, простым смертным.

Посёлок Сусусман встретил их прохладой и сыростью, серыми бараками и хмурыми, неразговорчивыми вольнонаёмными, идущими с работы. Человек привыкает ко всему. Человек умеет выживать, даже когда выживать невозможно, только нужно знать, для чего тебе выживать.

— Папа должен увидеть нас, ребята. Мы постараемся. Нам будет здесь тяжело, но мы ведь выдержим?

— Да, мама, мы выдержим.

Трудная, долгая дорога делала остановку. Она не должна стать тупиком, ей нужно будет продолжиться.

7. СМОТРЕТЬ В ОДНУ СТОРОНУ

Железнодорожный вокзал Изюма отличали от Карловки лишь характерные лепные гроздья винограда, свисающие со стен, словно подтверждая: «Ты на месте, ты не ошибся». В остальном он был поразительно похож на тот, откуда Максимино начал своё очередное путешествие. Выйдя на перрон, он даже чертыхнулся: «Э-э-э, черти дери! Уехал из деревни, приехал в очередной лягушатник!» Но идя по чистенькому, отстроенному за три послевоенных года, городку, понял, что первое впечатление ошибочно. Изюм был хоть и небольшой, но симпатичный. Особенно впечатлила живописная речка Северский Донец, своей извилистостью охватывающая город, словно обнимая его.

Найти Марию, адрес которой ему подсунула ещё два года назад подруга его сестры, ему труда не составило. Девушка, хоть и знала о его приезде, но смутилась, и Максимино старался болтать без остановки, развлекая её рассказами о своих путешествиях и попутно вспоминая об общих знакомых.

— Значит с эвакуации приехала на этот завод работать? Тебе нравится?

— Нравится. Работа интересная, приборы делаем.

— А меня на ваш завод возьмут?

— Конечно. А что не взять? У нас даже немцы работают.

— Это как? Пленные?

— Да нет. Приехали из Германии. Нам привезли оборудование немецкое, а они специалисты.

— Хм... Интересно!

— Пленные у нас японцы. Они под стражей живут. А эти свободно. В городе, наверное, и пленные есть. Сам увидишь, если останешься.

— А почему ты не с сестрой живёшь?

— Так получилось. Она учиться уехала, а я работать стала.

— Не хочешь получить образование?

— Ну, почему? Может, техникум. Но мне кажется, рабочий — это очень интересно. Во всяком случае, у нас на заводе точно. И нужно быть хорошим специалистом.

— Вот и я говорю, — обрадовался Максимино, — рабочий — это главный человек в стране. И так должно быть везде.

— Я тоже так считаю. — Уже смелей улыбнулась ему Мария. — И потом много всего, чем можно заниматься: спорт, кружки. Скучать совсем некогда, — продолжила она.

Мысли эти были так созвучны ему, что уже через несколько часов стало казаться, что они давно очень хорошо знают друг друга.

На другой день он пошёл устраиваться на Приборостроительный завод имени Дзержинского, который во время войны был вывезен в город Никольск Пензенской области. Сейчас он снова возрождался, как феникс из пепла, на совершенно пустом месте. Уезжая в эвакуацию всё, что можно было, уничтожили, и теперь надо было не просто восстановить, а построить заново. Здесь рабочие руки были нужны, и Максимино взяли с удовольствием. Тем более, что он неплохо знал стекольное производство, на котором работал в Симферополе. На новом месте работы он освоился быстро.

Так же стремительно шло и его знакомство с городом. В свободное время он не был одинок, рядом всегда была спутница. Вместе они бегали купаться на речку, ходили погулять в сосновый бор, поднимались на гору Кременец поглазеть на громоздкие «половецкие бабы» — каменные идолы, оставшиеся здесь с древних времён. Всё вокруг было Максимино очень интересно.

Прошёл всего месяц, а он совершенно по новому смотрел на Марию. Она казалась ему намного симпатичней, чем на первый взгляд, а главное, ему было с ней хорошо и просто. Не нужно было притворяться, казаться героем-фронтовиком, выдающимся спортсменом или ещё кем-то важным. Со своей милой соотечественницей он был тем, кем и оставался, по сути, всегда — обычным рабочим парнем, добрым и немного наивным, хоть и пережившим много тяжёлого и страшного в ранней своей юности. Такой была и она, он в этом становился уверенней день ото дня, хоть и никак не мог сказать девушке главного, зачем, собственно, и приехал к ней.

Вечерело. Они шли после очередной прогулки к дому Марии.

— Посидим немного, — предложил он. — Завтра выходной, можно будет поспать подольше.

— Хорошо, — согласилась девушка.

— Ты ведь была меньше меня, когда приехали.

— Мне было девять лет.

— А мне двенадцать.

— Ты скучаешь по дому?

— Нет. Мы с сестрой приехали с мамой.

— А моя осталась дома. И отец. Не знаю, где он.

— А я знаю.

— Где?

— На небе.

— Он погиб?

— Ещё в тридцать седьмом, когда пробирался к нам. В монастыре был наш родственник, он хотел укрыться у них. А монахи растерзали его. Они забили его до смерти. Я их ненавижу!

Голос её дрогнул, а по щеке скользнула маленькая слезинка. Что-то внутри парня полыхнуло, будто плеснули бензином в огонь.

— Лицемерные святоши! Не плачь, девочка.

Он обнял Марию. Захотелось укрыть её, защитить от всех бед, согреть своим горячим дыханием. Губы скользнули вниз от девичьих губ по тонкой шее. Его огонь перекинулся и к ней. Бешенно заколотились сердца:

— Всегда буду с тобой, любовь моя. Буду защищать тебя. Ты будешь моей. Да?

— Да, — еле слышно прошептала девушка.

Свадьба была скромной, а точнее, её не было вовсе — вечеринка с парой знакомых ребят. А что было? Просто расписались. Просто начали жить вместе. И их жизнь стала общей. Общее небольшое пространство комнаты, которую им выделили, общая работа, а через год и общий маленький дорогой комочек — их дочурка. А главное, молодожёны с полуслова понимали друг друга. Каким-то неведомым способом, иногда просто одним взглядом, Мария могла остановить, удержать от очередной глупости или неверного шага импульсивно-

го и неутомонного Максимино. И сам того не понимая, упрямый и неговорчивый, он почему-то соглашался с ней. Теперь он уже не понимал, как раньше мог быть без Марии, словно они стали одним целым. Нет, он не любовался ей так бесконечно, как когда-то Галей, не замирал от неописуемого восторга от одного только взгляда. Это была какая-то другая любовь. Спокойная, но более прочная. Они с Марией смотрели не друг на друга, а в одну сторону.

Арина и Хосе тоже были одним целым, но судьба безжалостно резала по живому. Истекая кровью, эти разорванные части стремились снова слиться. И Арине неважно было, что нужно ехать с конца на конец целой России. Она даже не принимала в расчет, что в тех местах даже сильному, взрослому человеку подвигом было просто выжить, а она ехала туда со своими детьми. Женщина мужественно, без причитаний и слёз несла свой тяжёлый крест. Поистине: «Дорогу осилит идущий». А идущему — поможет Господь. Ангелом-хранителем для Арины стал врач Семён Давидович, их нечаянный попутчик.

Через несколько дней они были на месте. По меркам Дальстроя, который простирал свой зоркий глаз по всем необозримым просторам Колымы, посёлок был довольно большой. Это было основное поселение Заплага, именно в этих краях брала своё начало река Колыма, название которой вызывало у любого человека большой страны или неприятные или страшные ассоциации, даже если это шутка киногероев: «Приезжайте к нам на Колыму. — Нет, уж лучше вы к нам!». Капитальных строений было мало, в основном серые наспех сколоченные бараки. Улицы безлюдные, редко встречающиеся люди хмурые, чаще с обветренными лицами землистого цвета. Привычным взглядом медика Арина отмечала, что вид у многих говорит о тяжёлых болезнях или каком-то нездоровье, пусть и недолгом. При встрече со стареньким доктором лица людей светлели, они здоровались с большим уважением. «Любят его здесь», — отмечала про себя Арина. Ребята принимали новые места спокойно, даже огромное количество в окружении посёлка колючей проволоки и смотровых вышек их не смущало. Тут не было ничего нового, отличного от Потьмы. При входе в кособокий обветшалый барак, доктор ссутулился, и ей показалось, что он глядит на неё смущённо, словно застеснявшись за эту неприглядную картину:

— Входи, Ариночка. Ребятки, сюда. Комната вам будет. К счастью не заняли, в начале лета медсестра уехала, а новую пока не нашли. Видно, вас комната дожидалась.

Видя смущение Семёна Давидовича, и входя в это неприглядное строение, женщина внутренне сжалась. Ожидала увидеть что-то ужасное. Но внешний вид аккуратно прибранной, а главное, тёплой комнаты её успокоил.

— Ой, Семён Давидович, чтобы мы без вас делали! Слава Господу, послал вас.

— Да полно, дочка. Мир не без добрых людей.

— Конечно, я тоже так считаю.

Вспомнилось недавнее. В управлении Дальстроя, чтобы двигаться в правильном направлении, пришлось обращаться к самому высокому начальству, Колыма ведь большая. В кабинете мужчины с непроницаемым застывшим лицом. Его

непонятная гримаса и почти крик: «Ты что, твою мать, декабристкой себя возомнила! У меня для тебя ни карет, ни хором нет! О детях подумала? Дура, чокнутая! Сиди в коридоре, жди». Стук двери. Семенящий по коридору Семён Давидович, сторбившийся, разом прибавивший себе десяток лет, догоняющий хлопнувшего дверью начальника: «Иван Григорьевич, минуточку...». Немой вопрос глаз, устремлённых навстречу. Коричневые двери, снующие люди. Какие-то бумаги у самого её лица, склонённого к уткнувшейся ей в грудь дремлющей Верочке. И снова холодное отстранённое лицо, но глаза её никогда не обманывали, там искорки тепла и участия: «Держи. Будешь у Давидыча работать медсестрой», а на её вопрос ответил без раздражения, понимающе: «Да рядом он. Рядом. Везучая, видно, ты». И эхом, разливающимся радостными колокольчиками, в голове звучало: «Везучая-я-я!»

Несколько дней пролетело в адреналиновом накале ожидания. Для неё есть привычная работа — а это главное. Ребята пошли в школу, всего-то опоздали на неделю к началу сентябрьских занятий. Верочку отдали в детский сад. Там и кормят нормально, а главное тепло. Им можно ходить в столовую. Что ещё нужно? Больница, школа, детский сад. Хосе совсем недалеко. Теперь она знает, где их ведут с работы. Где можно увидеть подсказал Николай, он лечится у доброго доктора. Он конвойный. Хоть издалека, хоть на мгновение, но можно будет увидеть мужа. Нет, главное, чтобы Хосе увидел их. Ему нужно их видеть постоянно, чтобы выжить.

Огромный людской муравейник двигался по широкой протоптанной дороге, огибающей посёлок. Изнурённые, усталые люди. Серые лица, проваленные глаза, у некоторых вместо отмороженного носа страшные дыры над верхней губой. Боже! Как не закричать от ужаса? Нет! Они не будут кричать. Они ждутся, они увидят его.

Уставший за день конвой был молчаливым. Голодные зеки несмело переговаривались о том, успеют ли они к раздаче пайка. Хосе шел как во сне, он оглядывался по сторонам, возле каждого деревца ему мерещилась Арина. Он не мог ничего спросить у конвойного, да вряд ли тот сказал бы больше того, что уже сказал: «Смотри направо у берёзы, там жена с детьми приехала». Целый день его бросало из жара в озноб — как жена решилась приехать за ним? Ему страшно за неё, страшно за детей. Говорят, здесь будет ужасно холодно. Он почувствовал это уже сейчас, в сентябре. Он никак не мог разобраться в своих чувствах: в душе бурлили одновременно восторг и паника: «¿Dónde estás, cariña?» Где же ты, родная моя? Как сможешь ты здесь жить?

Смеркалось. Хосе услышал крик, наполовину оборванный. Вон, там, возле сухого деревца... Они! Они, Господи! Все вчетвером, с Верой! Это Мигелито вскрикнул... Дождались... Вот Арина прижимает к себе всех троих. Проклятые сумерки, он не видит, но чувствует, как она дрожит. Мишка и Ванька незаметно от матери тянут свои сжатые кулаки к вискам. Она не плачет, она улыбается ему!

Кто-то толкает Хосе локтем в бок: «Это что, твоя, испанец? Отчаянная... а от моей даже письма ни одного не пришло. Трудно ей здесь будет. Зима скоро. С ребятенками-то... Ну, теперь-то тебе точно надо выжить... Ты не огрызайся

на пахана, — шептал его напарник и сосед по нарам. — Видел, как ты сверкнул на него глазами. Мы здесь все в его власти. Посговорчивей будь, хоть ради бабы своей».

Вот и не различить уже в этой огромной массе такой родной силуэт. А Арина и дети всё ещё стоят возле этой чахлой и однобокой березки. Сколько вечеров ещё они будут стоять здесь? Стоять и ждать. И ещё помогать ему, при любой возможности, когда будет приходиться к ней в больницу кто-то, на кого можно положиться, кто не предаст и сможет отдать Хосе её передачку. Доктор знает, что там есть и такие. «Мир не без добрых людей»! Через пару месяцев на Колыме будет очень холодно. Как же холодно здесь её любимому! Как ей согреть его?

— Коленька, передай мужу жилеточку, я связала. Он же испанец. Ему нельзя простужаться!

— Ох, Арина Константиновна, что вы со мной делаете! Подведёте меня под монастырь.

— Ты же умница, сумеешь, я знаю.

— Да не переживайте вы так. За мужа вашего хлопочет доктор. Начальник наш по гроб жизни ему обязан. Не откажет. Полегче условия будут. Здесь ведь один зимний сезон редко кто выдерживает. С рудника нужно убирать его.

— Господи, помоги. Молюсь день и ночь за него.

— Вот вашими молитвами он и живёт. Хотя, как мы все знаем — Бога нет. — Усмехнулся Николай. А сами-то вы как?

— Да у нас всё нормально. Работа, жильё есть. Ребята учатся, Верочка растёт.

— Да вот смотрю белявенький-то ваш, совсем как чужой, не похож на родителей. А любит как вас! И здесь всегда помогает.

— Оба наши. У нас с Хосе никого чужих нет, все родные. — Строго оборвала Арина.

— Да ведь я ничего, просто так. Какая война была! Сколько детей чужих родными стали.

Суровый север, новая жизнь заставит сыновей повзрослеть еще быстрее. «Вы мужчины, вы-сильные! Должны заботиться о женщинах», — так наказывал им отец. А она — их мать? Она была уверена, что всё выдержит. Ей разве привыкать? Лишь бы Господь сохранил ее Хосе.

Они обязательно будут вместе!

8. КОНЕЦ ЭПОХИ ВОЖДЯ

Многотысячная людская толпа третий день двигалась по холодным улицам Москвы. Из небольшого ручейка она, постепенно расширяясь, превратилась у Трубной площади в плотно утрамбованную смертельную трубу, над которой стояло туманное испарение. Безутешные рыдания и стенания умирающих сливались в единый страшный гул. Выбраться из этой мясорубки было почти невозможно. Москва прощалась с Вождём — любимым и проклинаемым. Народные слёзы, открытые и осторожно сдержанные, лились непрекращающимся потоком. У большинства это были искренние слёзы горя, как будто они разом осиротели: «Как мы теперь без него»? В семьях репрессированных царило настроенное ожидание света в конце туннеля, радоваться смерти считали

неприличным: «Неужели, наконец, дождались»? И лишь уголовники в лагерях открыто ликовали, словно чувствовали, что ворота на свободу распахнутся для них очень скоро: «Свобода»!

— Мурка, ты мой котёночек... — подёргивая плечами, хрипел Кудлатый, верный шестёрка пахана Ржавого, стараясь подражать скрипучему голосу своего хозяина.

Проходя мимо, Хосе обратил внимание на возбуждённых уголовников, которые что-то горячо обсуждали.

— Эй, Хуан, порадуйся за нас, — толкнул его в бок сосед по нарам. — Нам ворота откроют скоро. Радость у нас, усатый сдох.

— Меня зовут Хосе, и радоваться чьей-то смерти я не привык.

— Да и точно, чего тебе радоваться, ты своё от звонка до звонка. Зачёты у тебя сняли. Труби дальше.

Зачётами называли перевыполнение плана, за которое уменьшался срок наказания. Хосе, стараниями доктора перевели с рудника на ремонтный завод. Работать он умел, и нормы свои первое время перевыполнял постоянно, но как по мановению волшебной палочки его зачёты быстро снимались. Даже порадоваться сокращению своего срока он не успевал. Уголовники обязательно затевали заваруху, в которой ему приходилось обороняться, но наказывали не их, а его. Когда он это понял, стал беречь силы и к перевыполнению стремиться перестал.

И сейчас, услышав о смерти Сталина, он не очень надеялся на какие-то ближайшие перемены в своей судьбе. Они с Ариной и детьми её ждали так долго. Прошло четыре года и восемь месяцев. Оставалось всего четыре месяца до его освобождения.

Весть о смерти вождя облетела весь посёлок, а Арина ещё не знала этой, ударившей словно обухом по голове, новости.

— Ариночка, деточка!

По больничному коридору семенил запыхавшийся Семён Давидович. Понижая голос до шёпота и тыча пальцем вверх, запинаясь, выдал:

— Умер. Сталин умер.

Сообщение, как неожиданный ледяной душ, перехватило дыхание.

— Когда? — Тоже почему-то шёпотом спросила она.

— Включи радио. Теперь, я уверен, скоро обнимешь своего мужа.

— Нам и так уже недолго.

— Там ведь каждый день может год жизни отнять, а иногда и саму жизнь.

Думаю, что эти месяцы будут очень важны.

— Вы считаете, что и его это коснётся?

— Думаю, да. Но нужно немножко подождать. Ждала ведь дольше?

— Да, конечно. И ребятам пока говорить не буду. Они считают, что отец придёт в конце лета. Пусть пока так и думают.

Но свобода, так долго ожидаемая, пришла раньше. К счастью, Хосе не смогли осудить как изменника родины, хоть его враг и старался очернить его. Послевоенное время было уже не то, да и заслуги Хосе были слишком велики. Всё, что выискали — это тот бой, в котором он не сбил Октавио, а дал ему уйти. Нашли свидетеля. Такой проступок не был ни шпионажем, ни изменой. Да к тому же, Октавио сдался сам, посадив свой самолёт за линией фронта на нашей терри-

тории. Хосе осудили на пять лет, как военного, не выполнившего задания. Амнистия двадцать седьмого марта тысяча девятьсот пятьдесят третьего года распространялась и на так называемые, военные преступления.

Эта амнистия стала такой массовой, принесла столько хаоса и страха людям и такой разгул бандитизма, что растерялись даже тюремщики. Но она подарила Хосе четыре месяца.

И сейчас он спешил, но не на автобус вместе со всеми, чтобы поскорей добраться до железной дороги, а потом рвануть куда-нибудь поужней, успеть погреться под жарким летним солнышком Краснодарского края или Украины, или ещё где-то. Он спешил в больницу посёлка, по дороге скользкой и бугристой от подтаявших под апрельским солнцем ухабов. Ночи были ещё очень холодные, и дорога к утру снова замерзала. Он то и дело поскальзывался, казалось, что его ноги бегут так быстро, что тело просто не успевает. Светило солнце. Оно было такое яркое, а Хосе так редко его видел, что глазам было больно. Но боль эта была приятна, ему казалось, что небесное светило радуется вместе с ним его освобождению и улыбается ему.

Невысокое крыльцо, дверь открыта. В коридоре никого нет. Плохо выкрашенные потёртые половицы скрипят под ногами. Дверь в палату приоткрыта. Он узнал ее со спины. Вот она говорит с каким-то больным. Он тихо, как мог, приблизился к ней. Словно что-то почувствовав, она резко обернулась. Эти глаза!.. Сколько они ему снились, и так же, как сейчас, он тонул в них! Он обнял ее, показалось, слишком крепко, но это были уже не те силы. Она застонала раненым зверем, потом закричала. Он, задыхаясь, целовал ее. Это ее слезы? Или его тоже? Она плачет? Плачет и смеется... «Девочка моя»... Косынка упала, он, как в полусне, гладил ее волосы, все сплошь в седых прядях. «Ты только не плачь! Родная, тише, все прошло»... Он опять мешал испанские и русские слова. Ну почему он не может, как раньше поднять её на руки и понести? У него кружится голова от такого родного аромата любимой женщины, к которому примешиваются характерные и знакомые ему больничные запахи. Она в кольце его рук. И пришло ощущение полёта. Они словно взлетели над этим мрачным посёлком, над километрами колючей проволоки, которой было опутано бескрайнее пространство Колымы. Они поднимались всё выше и выше надо всем, что их окружало и над самими собой. Они плакали и смеялись, не обращая внимания на больных в палате, на стоящего в дверях Семёна Давидовича, чувства которого выдавали его увлажнившиеся глаза. Они плакали и смеялись, а Хосе силился вспомнить, сколько им лет: «Пятьдесят три минус четырнадцать... Пятьдесят три минус десять...» Арифметика никак не хотела складываться: «Девочка моя! Всего-то?! Господи, мы же молодые совсем, что же это! Сколько же у нас еще впереди?»

А впереди было другое время и другая эпоха. Это время называли «Оттепелью». «Оттепель» потихоньку растапливала лёд в душах людей. Может, стало не так тепло, как ожидали, но что потеплело в стране, это точно. У Арины и Хосе радость встречи сменилась проблемой — куда ехать. Но, ещё не решив, они быстренько упаковывали вещи. В одном из внутренних карманов коричневого фибрового чемодана Арина обнаружила портсигар Хосе.

— Хосе, возьми, — протянула она ему, — там даже папиросы есть.

Под резинкой за папиросами лежала свёрнутая пожелтевшая бумажка.

— Арина, ты знаешь, здесь адрес записан! Солдат мне дал и приглашал к себе. Мне хочется поехать куда-нибудь потеплей. А это Украина, небольшой посёлок Буды, под Харьковом. Может, рискнём? В большом городе нам не жить. Не в Потьму же возвращаться!

— С тобой, любимый, хоть куда. Ты же знаешь!

— Знаю, *mi cielo*, жизнь моя! Знаю!

Обратная дорога — дорога в неизвестность. Как их примут? Как они приживутся в этом новом месте? Но главное они все вместе. Подросли ребята: мальчишкам по четырнадцать, Верочка уже во второй класс пойдёт. Счастье-то какое! У них большая и дружная семья. Всё, наконец, так, как Хосе и Арина когда-то мечтали. Просто нужно жить и не оглядываться назад.

Память наша не спрашивает, хотим ли мы возвращаться назад, она просто разворачивает мысли куда-то далеко-далеко. В этом далеко есть родной дом, в котором всё тебе знакомо. Там высокие горы, дорога, которая вьётся серпантином по этим горам, зовя тебя в загадочные путешествия. И ты, выглядывая из окна своего дома, мечтаешь, как мчишься по этой дороге, которая упирается в океан. А там ты можешь сесть на большой корабль и поехать ещё дальше. Но, чем взрослей ты становишься, тем больше тебе хочется, по этой же дороге вернуться назад. И снова войти в свой родной дом, и преклонить колени перед матерью, и прикоснуться губами к её натруженным рукам, и снова почувствовать себя маленьким ребёнком.

Это были мечты Максимино. Станные мечты человека, влюблённого в Советский Союз. Рабочего, считавшего, что лучшей страны просто не существует, но очень хотевшего вернуться в Испанию.

После пятьдесят третьего года мечты «детей войны» стали ближе, об этом заговорили в открытую. Максимино получил кипу писем от своих друзей, которые чуть ли не паковали чемоданы. Он не успевал отвечать. Его сёстры и братья тоже вовсю собирались домой. Казалось, что эти мечты у всех одинаковы. Но самый близкий Максимино человек — его Мария, совсем не хотела возвращаться. Какой-то животный страх охватывал её при одной только мысли о поездке в Испанию, где жестоко растерзали её отца. Она всегда отказывалась даже обсуждать эту тему, а в последний год Максимино и сам боялся заговорить об этом. Страшное горе обрушилось на их семью — умерла их малышка. Её не смогли спасти, так как слишком поздно обратились в больницу. Мария всегда с большой неохотой ходила по врачам, поэтому вина за смерть девочки тяжёлым бременем легла на душу. Но она корила не только себя, но и Господа, который не защитил её доченьку: «Мадонна, почему ты не защитила мою малышку? Она была такой маленькой и беззащитной! Почему не открыла мне, глупой женщине глаза? Где был твой Бог, куда он смотрел? Он не видел так же, как не видел, когда убивали моего отца? Не видел, как в этой страшной войне, прошедшей по земле, убивали миллионы ни в чём неповинных людей! Если ты есть, Бог, то ты очень жестокий!» Эти упрёки погружали её в какую-то глубокую тёмную бездну. Она тонула в ней. А Максимино не знал, как помочь, как вытащить её оттуда. Весёлую

и открытую молодую женщину было просто не узнать. А муж боялся трогать её, не зная, что ожидать от женщины, метавшейся по комнате раненой волчицей.

В июне пятьдесят четвёртого года Максимино получил сразу несколько писем: от друзей из Днепропетровска, брата из Карловки и сестры Паситы из Москвы. Друзья и брат писали хорошо знакомое, о том, что вопрос их скоро будет решён. А вот письмо сестры его очень удивило, нужно было срочно поехать в Москву, так как в Союз приезжала их мама. Он не стал говорить об этом жене, чтобы ещё больше не волновать её, и придумывал предлог поездки в Москву. При этом постоянно в голове крутилось: «Мадонна! Как могла мама добраться до нас? Как? — И сам себе отвечал. — О! Это же моя боевая мама, что ей границы! Она смогла пробиться под пулями и бомбами тогда, чтобы отправить нас в Союз. Она смогла и сейчас!» При желании предлог всегда найдётся, а сестра, сетующая, что не успевает к приезду сделать ремонт в комнате, подкинула хорошую идею.

— Мария, я поеду в Москву, немного помочь сестре?

— Поезжай. Мне-то что?

Смерть дочки словно провела между ними невидимую черту, которая раздражала Максимино. Он был плохим психологом и считал поведение жены простым женским капризом. Хотя сам, вне всяких сомнений, тоже тяжело переживал потерю любимой малышки.

— Да, я вижу ты не соскучишься.

— Не соскучусь, — в тон ему ответила жена.

Через несколько часов, вздохнув с облегчением, он уже прикрывал за собой дверь. На минуту ему показалось, что он обрёл долгожданную свободу. Москва приближалась, настроение становилось приподнятым. До приезда матери оставалась пара дней, но он, и правда, успел сделать комнатку сестры чище, поклеив припасённые ею светленькие, в мелкий цветочек, обои. В день приезда, в небольшой московской комнате, собралась вся семья, раскиданная войной в разные уголки Союза.

Как долго мать добиралась сюда. И вот они, её дети. Они ждали её, они встречают. Ах, как колотится её сердце: «О, Мадонна! Неужели я их увижу! Да, да! Это они — мои детки. Мадонна! Такие взрослые! Пасита — настоящая столичная дама, в ней что-то от солидных мадридских матрон. Олия — моя щебетунья. Узнаю и не узнаю! Взгляд какой-то странный, чужой. А ребята — совсем мужчины. Нет, Максимино, такой же мальчишка. Взгляд его. Ах, непоседа мой. Непоседа!»

И вот уже вся семья за большим столом в комнате Паситы. В тесноте, не в обиде.

— А в других комнатах кто живёт?

— Соседи.

— Соседи?

— Да мы хорошо живём, мама, дружно.

— Мадонна! Но с соседями не живут под одной крышей!

— Да нормально, мама. Большинство так живут.

— Так?

— Во всяком случае в Москве, — снова ответила Пасита.

— Мама, а что папа? Ты знаешь о нём? — спросил Максимино.

— Да, дети. Не хотела сразу вам говорить. Горе! Все наши надежды напрасные. Я добиралась к вам через Францию. Отец похоронен там. Он умер в лагере «Камп де Пион», даже точно не знаю или сразу в тридцать девятом, или в сороковом. Настрадались и они, те, кто добрался до Франции. Она их не очень ласково встретила. Ну да ведь потом и сами французы тоже хлебнули от фашистов. Поняли многое. Вот и сейчас мне помогли.

— Поздно поняли, мама. Нужно было вовремя помогать, а они Франко по головке гладили.

— Más vale tarde que nunca. Лучше поздно, чем никогда.

— Мама, домой, конечно, хочется. Сейчас все говорят, что скоро.

— Дети, я жду вас. Приезжайте. Я не хочу умирать без вас.

— А я, мама, не знаю смогу ли приехать, — задумчиво сказал Максимино.

За столом установилась натянутая тишина. Все подумали, что Максимино начнёт рассказывать о Советском Союзе, который он так любит, за который воевал. Олия смотрела на него в упор. Её выразительный взгляд приказывал: «Замолчи»!

— Почему, сынок?

— Жена не хочет. Наотрез отказывается. А после нашего несчастья, как её бросить?

— Нет, конечно, бросать не нужно. А знаешь, я поеду завтра с тобой. Я уговорю её. Обязательно уговорю.

— Хорошо, мама, поехали.

Поезд везёт их на Украину. Мать с удивлением смотрит из окна на огромные просторы страны: сначала леса, потом поля: «Ох, много здесь земли. Много!» — думает женщина. — Дети наши, словно песчинки, рассыпанные на океанском берегу. Прилив то приходит, то отходит, прихватив с собой горстку, перетаскивая с места на место. Поди-ка собери эти песчинки, верни их к родному берегу? Ох, как трудно нам матерям вернуть своих детей домой! И сердце разрывается от боли и за них, и за своё одиночество. Оттого, что не будет твоего ребёнка рядом в твой последний час, не успеешь попрощаться с ним, не успеешь сказать главного. А мы всегда откладываем это главное на потом. Почему?»

Мать любит сына: «Ай, красавец мой, ненаглядный. Как хочется, чтобы счастлив ты был, чтобы больше никогда тебе не пришлось брать в руки оружие!» Она старается незаметно от других пассажиров коснуться руки сына, погладить по взъерошенной голове. Но люди, не понимая чужой речи, хорошо понимают чувства матери, которая так давно не видела своего сына, целых семнадцать лет! Война и здесь разлучила столько матерей со своими детьми, часто на долгие годы, а ещё чаще навечно. И люди, оказавшиеся рядом, желают добра и счастья этой пожилой женщине, приехавшей за своими детьми из далёкой Испании.

Пятьдесят четвёртый год. Люди думают, что теперь начнётся новая жизнь. Все станут добрей, не будут оправдывать зло необходимостью. Теперь многое станет можно. И это правильно. Они заслужили это своей кровью, своими потерями.

Закончилась одна эпоха, наступила другая.

9. ВСТРЕЧА

Весна вблизи Харькова приходит не сразу. В марте ночные морозы не дают забывать зимнюю стужу, но на проталинках уже выбиваются первоцветы. Хосе их обходит стороной и никогда не приносит Арине, слишком тяжёлые воспоминания они навевают. А вот душистая сирень в апреле — другое дело. Нарвёт целую охапку и засыплет её с головой. Она засмеётся, выбиваясь из ароматного плена, а потом разложит пушистые веточки на коленях и начнёт искать «счастье» — цветочки с пятью лепестками. Сорвёт, положит в рот, посмотрит на мужа светло и ясно, словно и не было всего того, что осталось за плечами. «Какое счастье, — думает он, — моя девочка не разучилась смеяться!» Два года прошло, как один день. День счастья рядом с любимой, рядом с детьми, счастья бездонного, но и пугающего его. «А вдруг эта безоблачность снова кончится, как в Потьме»? Вокруг, вроде, говорят всё о том, что настали другие времена, реабилитируют людей. Тысячи их разъезжаются по стране, но тревога живёт. Есть приехавшие из лагерей и в Будах. Но супруги мало кого знают, кроме старика-солдата, не отказавшего приютить их на первое время. Арина, как всегда в больнице. Иван, молодец, и здесь помогает ей. Тянется к медицине, наверное, врачом будет — это его мечта. Верочка — вылитая мама, его любимица. А вот за Мигелито поволноваться пришлось. Слишком импульсивный, слишком горячий. Тут уж отец сам ясно видит себя в далёкой юности. Не наломал бы дров парень! С ним сложно: и распускать, и строжничать нельзя. Но Арина находит всегда нужные слова, даже в тех случаях, где Хосе немного теряется, хоть виду и не показывает.

Сегодня отец семейства приехал в Харьков. Ребятам, не увидишь как, учиться дальше. Посмотреть нужно, куда отвозить на следующий год мальчиков. Да и самому хочется работу интересней, а в Харькове её больше, чем в маленьком посёлке с одним фаянсовым заводом, хоть и известным на всю страну. А главное, Хосе думается, что девочке его очень хочется в город побольше, хоть она и не признаётся. Всё-таки москвичка, и остаётся ей, хоть давно в Москве не живёт и помоталась с ним по лагерным посёлкам. Жизнь её столичную с рукава не сбросишь!

Сейчас он шагает от Южного вокзала по улице Карла Маркса в сторону Благбаза — известного Благовещенского рынка города, именуемого так коренными харьковчанами. На рынке нужно прикупить кое-что ребятам, да и всё что нужно о городе расскажут всеведующие рыночные продавцы. У театра Миссури столпились молодые ребята, на вопрос о правильности направления, ответили утвердительно. Апрельское солнце пригревает, весна будоражит, радует. Утром, когда проснулся, увидел, как солнце на заре играет. В прошлом году на Пасху жена первый раз показала ему, как перекачивается с боку на бок и переливается разными красками солнце на восходе. «Играет!» — сказала она. А тут, вдруг, намного раньше порадовало светило. Хороший знак! Хосе несёт с собой эту утреннюю солнечную улыбку и щедро раздаёт её людям. А люди, «как аукнется, так и откликнется», в ответ. Всё обстоятельно рассказывают и про Харьковский тракторный, и про все институты, куда ребятам поступить можно. Теперь знает, как добраться, куда обратиться. Прав Давидыч, «мир не без добрых людей»,

да и «язык до Киева доведёт». Уходить уже собрался, да малышке нужно что-то купить. Любимица его! Как без игрушки приедешь? Ещё не развернулся к прилавку, а что-то будто кольнуло. Этот родной акцент ни с чем не спутаешь. Свой! Испанец! Поворачивается. Действительно, лицо характерное, да и знакомое, вроде? Они смотрят друг на друга.

— Максимино, ты ли это?

— Ай, товарищ лейтенант! Хосе, вы?!

— Как видишь, парень.

— Ай-яй, кого не ожидал встретить, так это вас. Откуда?

— Да мы с женой недалеко, под Харьковом живём.

— Нашли свою невесту?

— Нашёл. Нашёл, *mi cielo* со мной.

— Здорово. А я тоже женился. Живу в Изюме.

— В Изюме?! Совсем недалеко от нас. А приехал зачем?

— Кое-какие документы потребовались, собирают по нам — испанцам.

— А здесь покупку для малыша делаешь?

— Да. Ой, да что мы здесь стоим! Пойдёмте хоть в чайной посидим, поговорим. Столько лет не виделись!

— Почти четырнадцать.

— Да, мне скоро тридцать.

— О, неужели тридцать, Максимино? Ты совсем не изменился!

— А я не сразу вас узнал.

— Что, постарел?

— Ну... — Максимино не хотел признаваться, что прошедшие годы словно удвоились на лице Хосе. Седина, конечно, не портила аристократической внешности испанца, но весь его облик говорил о большом бремени, которое наложило на него время.

— Ну, пойдём, поговорим, Максимино, — не стал уточнять, разгадав его смущение Хосе.

Вскоре они уже сидели в небольшой уютной столовой по соседству. Как странно порой распоряжается судьба. Вот уже два года они жили совсем недалеко друг от друга. И только теперь встретились, когда снова нужно было расходиться в разные стороны. Сколько прошло лет после той их первой встречи, сколько воды утекло! Но они разговаривали так, как будто расстались только вчера. Конечно, Хосе не мог всего рассказать своему давнему попутчику, хоть и был он ему, по-прежнему, близким человеком, словно встретился после долгого расставания со своим младшим братишкой. А Максимино с радостью поведал и о своих путешествиях, и о футболе, и о работе на заводе. Удивляло, что через столько лет Максимино оставался всё таким же юным и восторженным. Словно Хосе вернулся в свою юность, где на улицах Овьедо, с навахой в руках, плечом к плечу с Октавио, они идут грудью на гвардейцев. Взмокшая рубаша холодит разгорячённое тело. Острые лезвия мелькают над головами и вспыхивают, отражая солнечный свет. Страха нет. Они верят в свою светлую мечту — освобождение трудового народа! Так же продолжает верить этот, по сути, мальчишка. От него веяло тем, что давно уже было утрачено Хосе.

— Максимино, так как же ты собираешься в Испанию с такими взглядами?

— А что, Хосе, в Испании разве никогда и ничего не изменится?

— Не знаю, Максимино. Мне кажется, слишком много крови, потерь, слишком много ненависти, через которые прошли люди. Снова наступать на эти же грабли наш народ, наверное, не будет. А без этого революции и гражданские войны не совершаются. Вот видишь, сколько лет прошло, а страна только ещё начинает собирать своих, разбросанных по миру, детей. Я думаю, таким, как ты, там будет не сладко.

— Esto aun está en veremos. Ещё поглядим. А потом, мама очень просила приехать. Жену, правда, еле уговорила, она не хочет. Сначала не соглашалась ни в какую, а сейчас, когда появился малыш Луис, она стала поговорчивей.

— У вас один ребёнок?

— Была дочка, но умерла. Мария еле пережила это.

Максимино сник. Лёгкая тень пробежала по его лицу. Хосе стало ясно, ему тяжело вспоминать об этом. Перевёл на другое.

— Ты точно знаешь, что скоро поедете?

— Не знаю. Как будут готовы все документы. Но думаю, мы ещё увидимся? А вы не собираетесь?

— Нам дорога заказана.

— А я верю, что придёт время, когда воевавшие за республику будут считаться героями.

— Ай, mi amigo, друг мой, ты я вижу неисправимый. Но в любом случае, я рад, что повидал тебя.

— Давай, Хосе, поменяемся адресами. Может, вам нужно будет кому-то в Испании передать письмо. Встретимся перед отъездом.

— Передавать, я думаю, не кому. А вот взглянуть бы на родные места хоть одним глазком.

— Обязательно, Хосе, взглянешь. Я верю.

Хосе улыбнулся. Что бы он ни думал, но этот неиссякаемый оптимизм бодрил и невольно вселял надежду. Пусть на короткое время, пока протянута эта ниточка, соединяющая их. Но сейчас он тоже хотел думать, как этот парень, его соотечественник, который уже скоро вступит на землю, такую недостижимую и такую родную. Они распрощались. У Хосе было ещё много дел в городе. А Максимино торопился на вокзал, уехать в Изюм дневным поездом.

Вокзальная сутолока сменилась пригородным поездом, не очень заполненным днём посреди недели. А вагон и вообще попался какой-то тихий. Это хорошо. Встреча с Хосе никак не выходила у Максимино из головы. Что-то растревожило его душу. Словно маленький червячок, сидевший глубоко и тихо, вдруг начал вылезать на поверхность, кусая по живому. Снова вспоминался приезд матери, её разговор с Марией.

— Что ты, девочка, говоришь такое: «Не хочу домой»! Как можно домой не хотеть.

— А, какой там дом? Мой дом здесь. Мне здесь хорошо, а там как будет? Я не знаю.

— И там хорошо будет. У Максимино дома старшие братья и сёстры, да и твои сёстры, наверное, поедут.

- Не знаю. Мне страшно.
- Что тебе страшно?
- Там отца убили.
- А у Максимино отец, муж мой, во Франции похоронен. Что теперь во Францию бояться ехать? Война была, а сейчас она закончилась. Здесь тоже война была. Вон у вас в Изюме какая огромная могила солдат убитых. И по всей России сколько война могил оставила!
- Здесь не Россия, а Украина.
- Странно говоришь. У нас тоже Астурия, но и Испания.
- Здесь по-другому. Это Союз — пятнадцать республик.
- Ну, я этих ваших дел не понимаю, но знаю только одно. Птицы улета-ют и прилетают снова туда, где гнездовья вьют. Вам его вить нужно в Испании. Да и не видела я у детей своих здесь гнёзд настоящих. В Москве у Паситы не дом, а недоразумение, да и у вас не лучше.
- Нам нравится.
- Перечитай матери. Научилась здесь плохому. Вот живёте здесь, хвалите жизнь вашу. А даже ребёнка не уберегли.

Мать стукнула по больному. Мария заплакала. Видимо, этого и хотела старая женщина.

— Знаешь, как больно терять дитя своего! А что же мне сына возвратить не хочешь? Думаешь, если у меня их много, то не больно? Больно, ещё как! Мне кровиночки мои по ночам снятся. Я может, умирать скоро буду. Кто мне глаза закроет? Они все около меня должны быть.

Наверное, это был тот аргумент, который Мария никак не могла отбросить. Она сдалась.

Проводить мать до Москвы приехал брат Луис. Вечером, за общим семей-ным ужином, он пошутил:

— Давайте мне скорей племянника. Нечего бездельничать. Хочу, чтобы в честь меня Луисом назвали. А для гарантии дом для аистов давай соорудим. Скоро прилетают.

— Ладно тебе Луис. Успеется с племянником, — остановила мать. — В Испа-нии заведут ещё деток. Мы Рода Сарабосо всегда плодovитые были.

Но остановить идеи Луиса было также сложно, как и Максимино. На другой день спозаранку они начали строить дом для аистов, приспособив на длинный шест колесо, которое валялось во дворе соседа.

— Василь Петрович, колесо тебе не нужно? — спросил Максимино у вы-шедшего соседа.

— Да бери, не жалко. Для дела потребовалось?

— Для дела.

— Понятно. Дело важное, жизненное.

Солнце ещё не укоротило полуденные тени, а стройка была завершена. Ве-чером проводили мать и брата на вокзал. Мать уезжала с надеждой, что все её дети обязательно вернутся домой.

После её отъезда Мария начала понемногу оживать, но по-настоящему оттаяла, когда через несколько дней в их самодельное гнездо прилетела пара аистов.

— Максимино, Максимино, — кричала она и бежала ему навстречу.

Он даже испугался. Подумал, что случилось что-то страшное, но улыбка Марии его успокоила. А увидев на колесе аиста, обстоятельно вьющего гнездо, обрадовался. На душе ещё больше потеплело, когда Мария не отстранилась от его руки, обнявшей её за плечи.

Вечером, впервые за долгое время, она не отвернулась и в постели, не прикинулась спящей, не лежала ледяным изваянием. Это была его прежняя жена, родная каждой клеточкой, знакомая каждой линией и изгибом тела. Вздрагивающая под его ласковыми руками, сливающаяся с ним в единое целое, и вместе с ним, одновременно, достигающая высоты полёта.

Аист не зря свил гнездо над их крышей. Через девять месяцев в кровати лежал маленький Луис.

Пригородный поезд катил неторопливо, останавливаясь на полустанках и маленьких станциях. «Ах, какой у меня замечательный сын, — думал Максимино. — Хорошо, что приехала мама, что уговорила Марию. Скоро мы все будем дома». Но вылезали какие-то сомнения, навешанные встречей с Хосе. «А что, если лётчик прав, как права Мария, и там будет для нас всё чужим? А что если нас действительно не ждёт в Испании ничего хорошего? Это здесь рабочий — главный человек. А там он таким никогда не был. Разве что-то изменилось? Ведь победили в той войне не такие, как мой отец, а те, кто хотел, чтобы рабочие всегда работали на богатых и ничего не требовали. Смогу ли я там? А не ехать нельзя. Я не могу обмануть маму. Так прав я или не прав»? Его раздумья прервал проводник, напомнивший, что скоро станция. Отряхнув свои назойливые сомнения, он даже с облегчением взглянул на знакомую станцию с лепниной в виде винограда. Размышлять было некогда. Он приехал.

Он торопился к встрече со своей семьёй так, будто не видел их так же долго, как Хосе.

10. ВОЗВРАЩЕНИЕ

В ноябре в Одессе не самая хорошая погода. Дул холодный ветер. Море, словно подтверждая своё название, чернело на глазах, а гребни волн вздыбились и стремительно обрушивались на берег, как языки разбушевавшегося многоголового диковинного зверя, грозясь заглотать в свою разинутую пасть причал и всех столпившихся здесь людей.

Советский теплоход «Крым» увозил из Одессы «детей войны» к своей «обетованной земле» четырнадцатого ноября пятьдесят шестого года. Семья Рода Сарабосо успела собраться только к этой третьей экспедиции, они съезжались из разных уголков страны. Там, на другом берегу, их ждала мать. Всеобщее возбуждение от ожидания вот-вот вновь обрётённой родины стихало. Начинали понимать, что отрывают от своей души не просто землю, на двадцать лет приютившую их, а что-то, ставшее родным. Из всех близких для Максимино людей самой хмурой на этом причале была его жена Мария. Она хоть и поддавалась его желанию, но не смирилась. Единственное, что немного успокаивало и утешало её — маленький комочек, обхвативший за шею тёплыми ладошками. Их сынишка Луис, всеобщий любимец, с удовольствием переходил с рук на руки, всем улыбался и своей детской непосредственностью отвлекал от грустных раздумий.

Наступил долгожданный момент, теплоход отплывал. Море, словно противясь потере своих детей, взбушевалось. Максимино почему-то вдруг вспомнилась сказка Пушкина, которую читали в детском доме:

«Вот идет он к синему морю,
Видит, на море черная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют...»

Теплоход был переполнен, кают не хватало, многие ехали в трюме в общих больших каютах. Всплывали детские воспоминания о путешествии северным маршрутом в тридцать седьмом. Похожая скученность, похожая тревога. Максимино с женой и малышом были в более комфортных условиях, им отвели отдельную каюту. Болтанка была страшная. Мария не выходила из каюты, её тошнило, а малыш капризничал. Жена почти не разговаривала с Максимино, а он старался улизнуть от этой тяжести к сёстрам и братьям. У тех настроение не было таким паническим.

В Стамбуле была короткая, но испортившая всем настроение, остановка. На борт поднялись двое людей. И хоть были они в штатской одежде, но все поняли, что это полицейские. Всех пассажиров стали вызывать в отдельную комнату на допрос. Мария помрачнела ещё больше, у Максимино в душе тоже зашевелился червячок.

В испанский порт Кастельон де ла Плана прибыли двадцать первого ноября. Все поспешили на палубу увидеть своих родных, а упрямая Мария даже не захотела выходить из каюты. Вот-вот заплачет. Снова уговоры, снова те же доводы. Все уже вышли. Они — последние.

На берегу пёстрая разноликая толпа. Попробуй, разыщи здесь родное лицо! Со всей страны приехали люди встречать своих родных. Их не сдающаяся мать вместе со старшими братьями тоже стояла в толпе. Объятия, слёзы, какие-то слова, которые даже трудно расслышать в этом шуме и гомоне. Кто-то смеялся, кто-то плакал. Общение было недолгим. Всех прибывших повезли на автобусах в летний курорт Кофрентес. Нужно было ещё подождать. Многим родственникам пришлось уехать домой, жить здесь несколько дней им было негде.

Родная земля встречала своих блудных сынов недоверчиво. Каждого допрашивали, на каждого заводили дело. Фотографировали, брали отпечатки пальцев, как у преступников. Пристрастно расспрашивали о месте работы, о профессиях.

В сырых и холодных курортных домиках было неуютно. Ночью Мария плакала, уткнувшись в подушку. Без того влажная постель, становилась совсем мокрой от её слёз. Понимая их непростое положение, Максимино еле сдерживался, чтобы не взбунтоваться. Наконец им выдали временное удостоверение личности, и даже предложили разные варианты работы. Повидавшись с родными, Максимино решил работать в Барселоне.

Потихоньку жизнь стала налаживаться. Дали жильё, есть работа на заводе. Мария возится с Луисом, старается отвлечься. Но в покое их не оставляют. Ещё больше становится допросов к весне пятьдесят седьмого. Напуганные «русские испанцы», не понимали в чём дело. Всё по кругу, всё одно и то же. На-

зойливость и недоверие усилились с появлением странных людей, не похожих на испанских полицейских.

— Мария, тебе не показалось странным, что сегодня допрашивали не испанцы, а какие-то чужие люди? Одно и то же спрашивают сколько раз!

— А что ты хотел, Максимино? Франко дружит с Америкой. Америка не любит СССР. Мы кто для них — враги, которые принесли коммунистическую заразу, так ведь они говорят?

— Это понятно! А зачем им моя работа? Что я — великий учёный? Простой слесарь.

— Но на нашем заводе делали не простые вещи. Нам с тобой нужно очень осторожно говорить, ещё не хватает выдать какие-нибудь секреты.

— Да, я всё время говорю только, что никуда не ходил и ничего не видел.

Их догадки оправдались. После смерти Франко всем стало известно, что это были американцы, работавшие в ЦРУ. В тот момент они этого точно не знали, но их терзали сомнения и, как снежный ком, нарастало раздражение. Допросы просто выводили из себя. Молодым людям, выросшим совсем в другой стране, и так было не сладко.

— Ох, Максимино! Мама, мама! Где она? В Вийямайоре, а мы здесь.

— Да я сам, Мария, думаю, может в Овьедо поближе перебраться? Мне тут случай недавно рассказали, арестовали здесь одного нашего.

— Нисколько не удивлюсь.

— Так поедём?

— Мне уже всё равно, в Овьедо, значит в Овьедо.

Наконец, они едут в те места, которые Максимино помнит с детства. И как мечталось, именно весной. Знакомый аромат цветущих яблонь, который снился ночами, кружит голову. Такой весны, как в Астурии, нет, наверное, больше нигде. Максимино дышит полной грудью, он готов на крыльях взлетать на вершины родных гор.

И мама рядом. В воскресенье хлопочет у плиты, ждёт своих детей в гости. Непременно приготовит астурийскую фабаду, поставит на стол хамон, и, конечно, что-то, добытое в море: рыбу, креветки или крабов. Обязательно и бутылочка сидра припасена. А как же! Старшие едят и похваляют, а младшенькие привередничают. К другой пище привыкли! Иногда от досады мать смахнёт непрошенную слезу. Подумает: «Проклятая война! Отняла детей, и не торопилась возвращать. А теперь свои, да не совсем. Что-то в них незнакомое, чужое. Ольга и Пасита слишком образованны для женщин. Зачем им это? Женское дело детей рожать, а не картинки малевать, да в начальниках ходить. А ребята тоже замудрились. Один Максимино всё такой же. Только больно уж его Мария хмуря. Ну, ничего, постепенно привыкнет». Размышляет мать. Сама себя утешает. Пройдёт воскресенье, и опять все в разные стороны. Но теперь ведь недалеко, и это главное!

Родные места потихоньку возрождали и Марию. Да и тосковать ей было некогда. Один за другим родила в Овьедо ещё двух сыновей. Права оказалась мать, плодovitые Рода Сарабоса. Правда дети Максимино и Марии носят, как и все в Испании, фамилию и отца, и матери. Они Рода Навес. У Луиса теперь два брата — Владимир и Андреас. С первым именем намучались, не хотел падре записывать, велел испанское придумать, а Максимино упёрся,

не сопрёшь. Так и отступились, записали в метрике Владимир Рода Навес. Чтобы второй раз не было такого, Мария заранее мужа подготовила, сама имя подобрала. Луис уже большой, о Союзе совсем не помнит. Носится по улице с мальчишками, мяч гоняет! На Максимино похож. Такой же неутомонный. Футболист! Одно слово, настоящий испанец! Максимино работает, старается. Не голодают они. Зарплата нормальная, жить можно. Достаток не хуже, чем в Союзе. Мария с детишками возится, как и все испанские женщины. Вроде и дел много, но нет-нет, а снова взгрустнёт по своему цеху, по тому азарту, который охватывал их, когда они, две соседние бригады начинали соревнование. Скучает и по своим подружкам, и по вечерам в заводском Доме культуры. Там она была совсем другой, там у неё была и жизнь другая. А здесь? Соседка зовёт на воскресную мессу. Она не знает, что и сказать. Не ответишь же, что в Бога не веришь. Отговаривается занятостью. Из-за Максимино тоже приходится волноваться. Нет-нет, да и выкинет что-нибудь, как когда только что приехали в Овьедо. Не успели устроиться, а он отправился навещать в тюрьме своего фронтового друга. У неё даже дыхание перехватило, когда он ей заявил:

— Мария, собери передачку в тюрьму.

— Куда?

— В тюрьму. Там Мелькиадес сидит.

— Какой Мелькиадес?

— Фронтовой друг, наш димовец.

— А почему он в тюрьме?

— Он в плен попал, и его сюда отправили.

— Так что, до сих пор и сидит?

— Нет, его выпускали, да снова посадили. Неблагонадёжный сказали. Он начал сопротивление организовывать.

— И ты пойдёшь к нему?! Ты с ума сошёл!

— Я сказал, пойду! Значит, пойду!

Максимино смотрит на неё в упор. Ей знаком этот взгляд. Напряжённая поза хищного зверя, готового к прыжку. Спорить бесполезно! Мария молча собрала еды и какие-то тёплые вещи. Муж пришёл через несколько часов. Он был мрачнее тучи.

— Гады, твари, собаки!

Он ругался без остановки, резко размахивал руками. Казалось, он вот-вот выпрыгнет из себя, если не лопнет от злости. Мария не знала, как успокоить его.

— Максимино. Ну нельзя же так! Максимино, успокойся.

— Успокойся! Ты бы, жена, видела его! Что они с ним сделали!

— Максимино. Здесь уже ничего не изменишь. Наши отцы пытались. Где они? Их убили! А ведь они просто хотели справедливости. Сколько таких погибло! Франко уже не отдаст власть, пока не сдохнет. А ждать этого придётся долго. Раз мы здесь, нужно смириться. Или нужно было оставаться в Союзе.

Максимино резко остановился, стих.

— Мы уже опоздали, Мария, сроки прошли. — Сказал уже спокойнее.

А Мария подумала: «Значит, были такие мысли, а ей не говорил».

— Я просто не знаю, — продолжил он спокойнее, — дотянет ли парень до освобождения. Родные отказались от него. Он ведь не первый раз сел.

В прошлый раз отпустили по малолетству. А он упрямый, говорит, если не бороться, значит снова в СССР.

— Ах, Максимино. Будь поосторожней. Мама твоя этого не выдержит. Мне кажется, она тебя больше всех любит.

— Конечно, я знаю. Он заулыбался, словно стряхнул с себя разом все печали.

— Какой же ты мальчишка, муж. У тебя сыновья! Будь поосторожней, — снова напомнила она.

В шестьдесят четвёртом Луису было уже девять лет. После приезда один за другим появились ещё два сына. Мальчишки подрастали. Мечтала Мария о дочке, но родовитость её на третьем сыне закончилась. Да и здоровье стало подводить после того страшного позднего вечера, когда пришли полицейские арестовать Максимино. Не зря говорят, что горбатого исправить нельзя. На заводе, где он работал, для него все были свои и друзья, как раньше. Но это совсем не так! Не все рабочие в Испании были с левыми взглядами, кто-то воевал на стороне Франко, поэтому поглядывал на него косо. А он порой не сдержится, да и ввернёт что-то про замечательную страну Советский Союз, а однажды даже проговорился, что ремонтировал в войну танки Т-34. Потом спохватился: «Эх, зря проговорился»!

Пришёл домой, места не находит. Что-то свербит на душе, беспокойные мысли крутятся и крутятся в голове. Даже Мария спросила:

— У тебя всё в порядке?

Но он ничего не сказал. Знал, что ругать будет, да и волновать не хотел. Постучали. Входят двое полицейских. Окинули взглядом всё семейство. Разговаривают без грубости, корректно. А в глазах ненависть: «Жаль, что этих советских выкормышей теперь к стенке не поставишь». Середина шестидесятых. Международного скандала Франко не нужно. Полицейские это понимают.

Малыши спят, старший Луис таращит удивлённые глаза:

— Папа, папа, что это?!

— Ничего, сынок. Разберутся. Я ни в чём не виноват. Ты маме, главное, помогай. Ей трудно будет одной.

Мария замерла, смотрит сквозь мужа, и ничего не видит. Стоит не шелохнётся. Проскочила странная мысль: «Нужно ему что-то собрать». А она не понимает, что именно. Она ничего не понимает. Её сковал страх. И вот уже на Максимино надели наручники, и он шагнул с порога в тёмную тревожную ночь. В неизвестность.

Только когда Максимино оказался в камере, он окончательно понял, что наломал дров, что несладко теперь будет его жене с тремя сыновьями на руках. Он старался успокоить себя: «Собственно за что меня сажать? Ну, сболтнул о танках. Скажу, делал одну деталь. Вот и всё». Мысли возвращались к Марии и детям: «Что я паникую. Семья поможет ей. Нет, не бросят её!» Но на душе скребли кошки.

Потом начались допросы. Следователь со стеклянными, совершенно невыразительными глазами, глядел так, будто перед ним было пустое место. Но от этого взгляда было как-то не по себе. Следователь спрашивал, а когда арестованный отвечал, покачивал головой и поджимал губы. И мужчине начинало казаться, что все его ответы этот старый полицейский слышал в этом кабинете

уже много раз и ему это надоело. Но он всё равно долго и старательно записывал, начинал монотонно читать и давал расписаться.

На другой день всё начиналось снова.

Максимино продержали в тюрьме несколько месяцев, а потом выпустили. Но работы, а значит и жизни, для него в Овьедо больше не было.

11. СЕМЬЯ — ЭТО ГЛАВНОЕ

Дорога в Сан-Себастьян была неблизкой. Ехать Максимино пришлось с пересадками, крутясь по серпантину дороги. Время подумать у него было. Выездную визу он оформил на удивление быстро, так как во Франции к этому времени уже жил его старший брат. Максимино надеялся, что работу он найдёт без проблем и сможет поскорей вызвать к себе семью. Упершись лбом в оконное стекло, он вглядывался в мелькающие вдоль дороги холмы, зелёный кустарник, небольшие посёлки, словно выросшие в подножия гор. Всё было знакомым и таким родным, а он снова уезжал из дома. На душе было тяжело после разговора с женой, и тяжесть эта нисколько не отступила, а даже усилилась после прощанья с матерью.

— Максимино, сынок, я вытащила тебя домой с одной чужбины, а ты снова покидаешь меня.

— Мама, но я не первый твой сын, который будет жить во Франции.

— Пако не так испорчен, как ты. Я боюсь за тебя!

— Почему испорчен, мама?

— Потому что ты рос не под моим крылом, и я не могла повлиять на тебя. Ты не видел, как твой отец и Пако пробирались во Францию.

— Я видел войну, мама. Я знаю, что это такое. Я не боюсь. Я — мужчина.

— Ты такой же, как твой отец, будешь до старости мальчишка! Борцы за справедливость! Наши девять детей его тогда не удержали! Вот и гниют теперь косточки в этом проклятом лагере «Камп де Пион». Я боюсь Франции, Максимино!

— Мама, сейчас уже не то время! Войны прошли. Люди ведь что-то да поняли.

— Люди никогда не образумятся, и войны никогда не кончатся. Разве ты сам до сих пор не понял этого? Война идёт между людьми, необязательно, когда они стреляют. После нашей бойни соседи до сих пор смотрят друг на друга, как враги. Как будто по-прежнему сидят в разных окопах. Одни наци, другие республиканцы. В тебя ведь тоже выстрелили, только не пулями и не в бою!

— Мама, я не собираюсь больше воевать! У меня семья.

— Что же ты о ней, сынок, раньше не думал?

— Мама, ты делаешь мне больно!

— А мне что не больно, сынок?

— Ма-ма!!!

Больше чем упрёков, он не мог вынести этого укора её глаз, Наклонив голову, шагнул через порог. Шёл, не оглядываясь, всё ускоряя шаг, почти бегом. А от кого убегал? От себя ведь не убежишь!

Всё чаще вспоминается Союз, всё чаще хочется вернуться. Ему здесь хуже, чем там. И жене тоже. Он это чувствует. Он даже явно видит это, но не может

сказать, но не может ничего сделать. «Мария была права и мать тоже, — думает он, — здесь ничего не изменится, потому что у власти те, кто победил республику».

Мрачные мысли одолевают его всю дорогу. Они немного рассеиваются лишь на границе, где пришлось встряхнуться от суеты и возни с документами. К его счастью, всё прошло благополучно. И вскоре он был в Ницце у брата, который помог ему устроиться на завод. Максимино вздохнул с облегчением, можно было перевозить семью.

Переезжая во Францию, он не мог и представить, что жизнь там будет постоянно напоминать о стране, которую он считал второй родиной и так любил. На новом месте он мог не скрывать своих взглядов. Да и простому человеку здесь жилось и сытнее, и вольготнее. Максимино мог гордиться, что воевал против фашистов, и его за это уважали. К нему даже приходила корреспондент из газеты «L'Humanité». Журналистка — молодая девушка написала о нём большую статью. Расспрашивала его долго и очень подробно, а потом спросила о его мечте. А когда он сказал, что хочет, чтобы Испания стала ещё одной республикой СССР, весело смеялась: «Вы фантазёр, Максимино! Вряд ли что-то изменится в вашей стране, тем более так, как вы мечтаете».

Пусть не такие, но изменения, которых он ждал в Испании, всё же придут. Придут, когда Максимино не будет дома, через девять лет в семьдесят пятом году, после смерти диктатора.

Конец эпохи Франко принёс в Советский Союз вторую волну отъезда испанских эмигрантов на родину. Теперь была открыта дорога домой и тем, кто воевал на стороне республики, и тем, кто воевал на стороне фашистов, а потом добровольно сдался в плен.

Двадцать лет назад, в пятьдесят шестом году, накануне католического Рождества, Хосе и Арина получили странное письмо. Сначала они не могли понять от кого, а потом очень обрадовались. Их нашёл неутомонный Октавио.

Всё неспроста в нашей жизни, всё не случайно. В ноябре в Одессе, когда Октавио провожал в Испанию свою жену, он столкнулся с Максимино. Оба пробирались в толпе к своим. Что их заставило заговорить, и заговорить о войне?

- Эта суета напоминает войну, неправда ли? — пробурчал Максимино.
- Какую из двух? В Испании или России?
- Да собственно обе.
- Приходилось уезжать в эвакуацию?
- Не только. Во второй и повоевать.
- Тогда у тебя, друг, обманчивая внешность!

Какая-то непонятная тяга к разговору, разговору важному, значимому для обоих. И вдруг!

— Вы лётчик? А я знал одного лётчика из наших, он живёт недалеко от нас. Хосе Ривера...

Максимино не договорил, а Октавио уже схватил его в охапку.

— Хосе?! Где, где он, парень? Где?!

После долгих лет осторожного поиска, Октавио очень боялся навредить Хосе, у него в руках адрес друга. И вот письмо летит в Харьковскую область. Большой плотный конверт, в котором несколько листов спотыкающегося почерка Октавио, рассказывающего о его жизни.

Октавио несколько лет живёт в Тбилиси. После пятьдесят третьего года его освободили, так же, как и Хосе. В Тбилиси оказался случайно, кто-то в лагере сказал ему, что в этом городе много испанцев. Это действительно было так. Столица Грузии за годы войны приютила много «детей войны», а потом многие осели там, на этой гостеприимной земле. В Тбилиси он познакомился с испанкой, которая жила одна с дочкой. Женился. Семейное счастье оказалось недолгим, как только появилась возможность, жена с дочкой собрались в Испанию. Ему, как и Хосе, уезжать было опасно, он ведь сдался в плен добровольно.

Октавио звал друзей к себе в гости. Но нагрязнул сам, через день после прихода письма, не дожидаясь приглашения, в самый канун Рождества.

В доме у Арины и Хосе уже стояла ёлка, они готовились к святому празднику, хоть и сказали детям, что ёлку наряжают к Новому году. Верочка крутилась вокруг зелёной красавицы, заглядывая под ветки. Мальчишки шикали на неё, но она понимала, что это несерьёзно, и её смех колокольчиком звенел по всему дому.

— И всё-таки, Хосе, ты счастливчик. У тебя такая семья! Мальчишки совсем взрослые.

Наклонившись к уху, прошептал другу:

— А второй-то не твой, да?

— Мой! Вместе с Мигелито из детдома взяли. Мой, мой.

— Ты молодец, друг. Я тоже любил девочку, как свою. А сейчас хочется действительно своего ребёнка. Как думаешь, я ещё не старый для этого дела?

— Ха-ха!! Не старый, Октавио!

— Значит, в следующий раз жди меня в гости с сыном.

— Приезжай, Октавио.

— А может, ты с Иренитой сам махнёшь в Грузию? Там горы, и всё напоминает об Астурии. Как дома!

— Ты ведь знаешь, Октавио, в Испании для меня родная земля — это Андалусия. Припасть бы ней когда-нибудь.

— Будет и на нашей улице праздник, Хосе. Обязательно будет!

Праздника на их улице пришлось ждать ещё почти двадцать лет. Много утекло воды, пока пришло к ним долгожданное известие о смерти Франко. Вроде и нехорошо радоваться смерти человека, а у друзей словно оковы спали и легче дышать стало.

К этому времени у Арины и Хосе сыновья были взрослые, женатые. Давно получили образование. Хуан — врач, без пяти минут защита кандидатской. Учёный. Мигель — инженер. Ему техника, как и отцу, ближе. На работе уважают, в гору идёт. Верочка, любимая дочка, уехала за мужем в Сибирь. Не пугают её холода, с детства привыкла. Внуки подрастают.

У Октавио по-другому. Второй раз женился быстро, а вот детей не было несколько лет. И, наконец, дождался! Но не сына, а дочку. Ну так что ж! Октавио радуется. Он думал, что совсем без детей останется, не молодой ведь!

Жена Сусанна — армянка, верная, заботливая. Воспитана в восточных традициях, старается во всём мужу потрафить и не перечить. У них дружная и счастливая семья. А теперь можно ехать в Испанию.

Многие собрались и на этот раз. Но не всё так просто. Совершенно неожиданно для Октавио Сусанна отказалась с ним ехать. Счастливая семья трещит по швам. Он никак не может уговорить жену, которая ужасно боится уезжать в чужую страну. Совсем не отказывается, но хочет, чтобы он сначала один устроился. Октавио не знает что делать, помчался к другу. Может он придет и уговорит. А у друзей свои проблемы. Дети тоже не едут, упираются. Не хотят ломать стабильную жизнь и достаток на что-то неизвестное.

— Папа, если хотите, поезжайте с мамой вдвоём, — отнекивается Мигель.
— У меня только что с работой всё отлично стало. Не поеду.

— Папа, — старается убедить более рассудительный Хуан, — подождать нужно. У меня защита на носу. Вы же понимаете. Свозим мы вас в Испанию. Обязательно свозим.

— Сынок, а кто нам вызов пришлёт? Как мы поедем?

— Папа, организуем вам поездку. Дайте нам время. Арина видит, как Хосе мучается, рвёт душу. Сама, конечно, хоть и любит Испанию, но что-то тормозит. Столько пережить пришлось. С возрастом осторожней стала. А вдруг и там будут проблемы?

Всё-таки пересиливает себя, «куда иголочка, туда и ниточка», — говорят в народе.

— Подожди, Хосе, я обязательно уговорю детей. Они послушают меня.

— Нет, *mi vida*, не нужно. Вижу, что им тяжело будет. Я не хочу, чтобы они пережили разрыв с родной землёй, как я. Наверное, не пришло время.

Время странная вещь. Если кто-то говорит, что с годами оно идёт быстрее, думаешь: «Какая банальность»! И только когда приходит твоё время заметить его ускорение, начинаешь понимать весь глубинный смысл. Ты видишь, как на твоих глазах увеличивается отрезок прошлого и укорачивается будущее. Там, в том прошлом далеке, каждый час был целым событием — значимым, неповторимым, незабываемым! В юности и минута порой длиннее года. А если минуты эти переворачивают не только твою жизнь, а жизнь целой страны? Как они огромны были эти мгновения твоей молодости! А ты торопил, и торопил своё время: «Быстрее, быстрее! Нужно успеть сделать, успеть решить, успеть доехать. Успеть и это, и то. Успеть, успеть»! И, кажется, везде успевал!

А если что-то откладывал, то время могло жестоко отомстить. «Не откладывая на завтра то, что можешь сделать сегодня». Что будет потом? Потом минуты, часы, дни, годы станут сжиматься и стремительно лететь. Раз! И снова за плечами год. И не просто год, а десятилетия. А ты так и не сделал того, чего, может быть, хотел больше всего в своей жизни. Так и проскочили полжизни или вся жизнь, и это не чьи-то чужие годы, это твои годы, твоё время.

А самое страшное, если ты оглядываешься вокруг, а всё совсем другое. Другие люди, другая страна. Всё чужое.

А может быть, это ты стал чужим в этом мире?

Последнее десятилетие двадцатого века. Крах, развал Советского Союза. Для одних — великая радость, для других — великая трагедия. В общем большом доме стали строить отдельные квартирки, кто с комфортом и удобствами, кто с худой крышей и протекающими батареями. Хаос, растащиха, неразбериха. Кто-то с удовольствием ловит рыбку в мутной воде. Кто-то голодает и страдает. Вторые, как правило, самые честные и совестливые. И ещё всё ставится с ног на голову, даже то святое, во что ты не переставал верить ни при каких обстоятельствах.

Ты всегда был уверен, что свою землю нужно защищать! А тут, в святой праздник Победы, когда идёшь положить цветы на братскую могилу воинам, таким же, как и ты, около тебя беснуется молодой парень с ненавистью в глазах. Он словно выскочил из провала времени и так живо напомнил и войну в Испании, и войну в Советском Союзе.

Растерянно смотрят вокруг Хосе и Арина: «Разве такое могло случиться»?! Почва была выбита из-под ног у сыновей Хосе и Арины. И если Хуан мог в эти годы зарабатывать, он был хорошим врачом, то Мигелю пришлось особенно тяжело. Разрушается то, что долгими веками, не десятилетиями, было общим! Заводы останавливаются. Работы нет.

Выход нашёлся довольно неожиданный, ему предложили хорошую должность в Аргентине. Проблема в одном, как уговорить родителей, они довольно преклонного возраста. Вся надежда на дипломатичного и мудрого Хуана.

— Мама, я очень переживаю за Мигеля. С работой плохо. Дети подросли. После развала страны я не вижу здесь никакой перспективы даже для себя, а что говорить про него. Он технарь.

— Я сама, Хуан, переживаю за вас. Но что делать? Папе девяносто скоро, мы уж вам теперь плохая поддержка.

— А если уехать за границу?

— В Испанию? Хосе был бы рад. Ему недавно в консульстве даже паспорт выдали. Хоть бы похоронили нас там.

— Ну что ты, мама, какие похороны! Вы у нас ещё ого какие! И потом в Испанию вряд ли получится. Там с работой не очень хорошо. Есть другие предложения.

— Какие?

— Мигель ничего не говорил?

— Нет.

— Мама, он боится обидеть вас. Помнит, как упёрся, когда в Испанию отец звал.

— Ну, говори, не томи. Чего там у него?

— Ему предложили хорошую работу в Аргентине. И страна тоже испаноговорящая.

— Испаноговорящая! Сынок, разве в этом дело. На испанском мы и в семье разговариваем. Родина — Испания, а не Аргентина. Отец туда всей душой стремится. Там он хотел построить дом для меня, а не в другом месте.

— Мама, прости нас. Мы не выполнили своего обещания, не свозили вас в Испанию. Прости, мама.

Хуан обнимает Арину за вздрагивающие плечи.

— Ладно, Хуанито, знаю, что Мигель тебя прислал. Пусть приходит, поговорю с Хосе.

— Мама, а мы с семьёй следом. Думаю, и Верочка приедет. Может не сразу, но приедет. Не переживай!

Арина суетливо перекладывала с места на место вещи. Много брать нельзя, только самое дорогое. Маленькая шкатулка с подарками Хосе. Они всегда были подобраны со вкусом. Она помнит каждую дату и каждое событие, к которым они дарились. Она снова и снова перебирает их.

Её Хосе всё понял сам, как только она начала говорить. Чтобы не мучилась его девочка, он сам сказал ей:

— Девочка моя, *mi niña*, столько лет для меня ты и мои дети — вся жизнь. Где вы, там и я. Ты знаешь, семья для меня — главное.

12. ПРИПАДАЮ К ТЕБЕ — ЗЕМЛЯ МОЯ!

Заканчивался двадцатый век.

Что унесёт он с собой? Уйдут вместе с ним герои своего времени. Кто-то ненадолго задержится в новом веке. Кем они будут для другого поколения? Призывом? Упрёком? Смогут ли они, люди другого века, до конца понять их?

Самолёт, оторвавшись от харьковской земли, набирал высоту. В Буэнос-Айрос летели с пересадкой через Барселону. Из всех маршрутов Мигель выбрал этот, потому что в Испании они должны были пробыть больше десяти часов. Он надеялся исполнить обещание, хоть так.

Хосе внешне был совершенно спокоен. Наклонившись к Арине, он прошептал:

— Давно, *mi niña*, не летали с тобой крыло к крылу. Хоть напоследок парим в небе.

— Что ты родной, мы летим с тобой по жизни с одними крыльями.

— Да, это так, *mi alma*, душа моя.

Внук, сидевший рядом, улыбнулся:

— Э, дед, вы с бабулей, как влюблённые голубки. Аж завидно.

— Помолись Господу, сынок, чтобы он тебе послал такую же жену, как и мне.

— Придётся, а то достанется какое-нибудь недоразумение.

Хосе с любовью посмотрел на внука. Подумал: «Хосе Мария Ривера — моё имя, моя кровь. Настоящий Ривера». Потом повернулся к жене, она смотрела вниз, где сквозь облака, порою, виднелась земля. Она уже была чужая. «К итогу жизни отрываем её от родной земли. Это тяжелей, чем в молодости», — снова посетовал про себя Хосе.

А Арина в это время думала не о себе, она переживала за мужа, за то, как он вынесет эту долгожданную, но такую короткую, встречу с родиной. Искала чем отвлечь его, и он сам снова помог ей:

— Жаль, что Октавио уже нет. А то встретил бы нас в Барселоне. Непременно примчался бы! Когда мы видели его последний раз?

— В семьдесят седьмом, когда он приехал за Сусанной.
— Ай, яй, Октавио! Только он мог выкинуть что-нибудь этакое. Помнишь, как разозлился, когда жену не пустили к нему в гостиницу. Она уехала, а он в знак протеста ушёл ночевать на вокзал.

— Да, и там у него стащили ботинки.

— А он шёл по Москве в посольство босиком и ужасно ругался.

— Он, Хосе, ругался отборным русским матом и поставил всё посольство на уши.

— Но всё-таки он добился своего. Жена с дочкой приехали к нему. И он купил им домик в Хихоне. Да...

Хосе запнулся, недоговорив, а потом еле слышно прошептал:

— А я не смог сделать этого для тебя, *mi vida*.

— Ты сделал больше, любимый. Ты сделал меня счастливой. Не думай об этом.

Голубой купол неба над Барселоной был без единого белого пятнышка. Ровные линии улиц с монументальными старинными зданиями. Праздно прогуливающиеся люди, любующиеся средневековыми красотами. А память упрямо возвращала Хосе и Арину в конец октября тридцать восьмого года. Из того далека выплывали родные лица друзей, шагающих по главной и красивейшей улице города — Диагонали. В тот день у них в руках не было оружия. Над их головами развевались знамёна, а к ногам падали цветы. Мужество и решимость во взглядах у тех, кто остаётся. «Пока существует Испания, будет жить в нас память об интернациональных бригадах!» — воскликнула Пассионария, и эхом отозвалась Барселона.

Сегодня на улицах родного города улыбающиеся люди. Они тоже помнят, они не забудут?

Небольшая бухта уютного пляжа Сан-Мигель была и раньше, в их молодости, любимым местом отдыха. Хосе наклонился и набрал в пригоршню желтоватый песок.

— Хосе, положи песок вместе с землёй, которую я взяла из дома.

Арина протянула мужу небольшой мешочек.

— Что ж, если не могу остаться на этой земле, пусть хоть горстка её, перемешанная с твоей, будет с нами. Она нам, наверное, пригодится скоро?

— Ну что ты, Хосе. Мы не для этого с тобой собрались в путешествие. А дорогу к небу пока отложим.

Струйка песка медленно сыпалась в маленький мешочек. Жёлтый песок покрывал рыхлый чернозём. Арина встряхнула, и земля перемешалась.

— А скажи, девочка моя, неужели всё, что мы пережили, зря? И моя, и твоя земля так обильно полита кровью. А вдруг снова брат на брата, страна на страну? Я не хочу, чтобы наши дети и внуки воевали.

— Нет, родной мой. Этого не будет. Я верю. Наша память не даст.

— Но будут ли нашей памятью жить наши дети?

И снова самолёт поднимается в высоту. Стремительно удаляется город, море. Всё дальше и дальше Испания, очертания которой так похожи на шкуру быка. Арина достаёт из сумочки маленький томик Рафаэля Альберти и читает мужу:

«Ты восстанешь ещё, ты поднимешься на ноги снова,
Горделиво закинешь рога, непокорен и дик,
Будешь травы топтать и взбираться по склонам,
Ты, зелёный, воспрянувший бык».

— Хосе, Господь больше не допустит войны. Мы с тобой не зря дома помогали построить такой красивый храм. Теперь люди ходят туда и могут быть к Богу ближе. Господь не откажется от нас.

— Только бы, моя девочка, сами люди не отказались от него.

Одна прохладная ладонь прикрывает другую. Их руки теплеют от прикосновения.

Самолёт летит на запад, отодвигая закат.

Новый, двадцать первый век пролистывает второе десятилетие. С начала девяностых живёт на своей родной земле Максимино. Последние годы он живёт один в уютной квартире небольшого городка Вийямайор.

Солнце присело на макушку горы, виднеющейся из его окна. Вот сейчас солнце скроется, и он отойдёт в глубину комнаты. Присядет к большому столу, на котором сгрудились старые фотографии, вырезки из пожелтевших газет, документы. Блики уходящего солнца коснутся ярких кумачовых пятен, от разложенных на этом столе вымпелов и флажков прошлой советской эпохи. Хозяин бережно погладит их своей жилистой натруженной рукой, а потом присядет в уютное кресло. Он один. Никто не мешает разговаривать ему со своей женой.

— Прости меня, Мария. Я очень хотел сделать тебя и своих детей счастливыми. Разве я виноват, что сердце моё разрывалось на две части: одна была в Испании другая, в Советском Союзе. Разве я виноват? А ты? Ты так и не приняла испанской земли, ты даже умереть предпочла во Франции. А ведь это Франция, не Испания отняла у нас с тобой младшего сына. Но ты снова обвинила во всём меня. А теперь я очень страдаю, потому что нет уже больше той страны, которую мы любили. Но я, Мария, не отчаиваюсь. Я несколько раз ездил в Ленинград. Не хочу называть этот город по-другому. Я праздновал не один Юбилей нашей Победы. Ездил в Карелию, где воевал. Был на могиле моих друзей. Я верю в Россию, хоть многое мне сегодня не нравится там, потому что это мне всегда не нравилось и в Испании. Но, несмотря ни на что, я люблю обе эти страны: и Россию, и свою Испанию. Я думаю, там, на небе, ты, наконец, поняла это, Мария. Меня утешает, что ты не одна. С тобой наши дочка и сын. Я сейчас стал думать, что всё-таки на небе кто-то сидит. Он управляет нами. Ты говорила, что Он жестокий. А я сейчас думаю, что это не Он, а мы, люди, сами виноваты. Мы не хотим любить друг друга, как Он велел. Мне очень одиноко, Мария. Где наши сыновья? Что с ними, жена моя? Сейчас не те страшные годы, можно жить и в Испании, а их не манит родная земля так, как манила меня. Почему? Мне так одиноко без тебя, Мария.

Он задаёт много вопросов и не на все находит ответы.

Темнота в горах подступает быстро. Над вершиной знакомой горы, в си-

неве, всё заметней бисерная россыпь звёзд. Максимино снова подходит к окну. Вглядывается в неразгаданную небесную высоту. Он ещё долго будет сидеть у раскрытого окна и смотреть в небо.

Если окинуть взглядом нашу планету с космической высоты, она небольшая. Она кажется такой хрупкой и незащищенной в провальной глубине Космоса. На маленьком голубом шарике хватило места многим странам. Среди них две: небольшая Испания и огромная Россия, которая совсем недавно называлась по-другому и была ещё больше. Они разные, но у них много общего: культура обеих стран витиевато переплетается как европейские, так и восточные черты. И в их судьбе тоже многое перекликается: и долгие века иноземного ига, и кровопролитные гражданские войны, и тягостные годы тоталитарного владычества, и многоликость и разноязычие народов, которые порой стремятся устроить в своём доме отдельную квартиру. А самое главное, у Испании и России есть общие дети — русские испанцы. У них разные судьбы, но их объединяет одно — любовь к двум своим родинам.

Эту Любовь они оставили нам в наследство.

Ефим Роговер
(Россия, Санкт-Петербург)

КОНСТАНТИН СИМОНОВ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ. ОКОНЧАНИЕ)

Середина сороковых годов стала знаменательным рубежом между войной и наступившим миром. Началась новая полоса творчества Константина Михайловича Симонова. Конец 1945 года был ознаменован длительной командировкой писателя в Японию. К. Симонова, а также прозаика Б. Горбатова, журналистов Л. Кудреватых и Б. Агапова срочно вызвали с мест их осеннего отдыха в Москву и поручили отправиться в страну восходящего солнца, недавно капитулировавшую, где еще не было даже советского представительства. Дневники, которые Симонов вел в этой стране, показывают обилие разнообразных впечатлений, там полученных. Статья «За рубежом», корреспонденция «Уроки одного кругосветного путешествия» и письма, присланные В. Серовой, а также итоговые книги «Рассказы о японском искусстве» и выпущенная позже «Япония-46» открывают читателю новый, неповторимый мир политики и культуры, вынесенный из поездки, продолжавшейся около пяти месяцев. Очень интересна первая из названных книг, где повествуется о самобытной культуре Киото, интерьерах японских домов, о знаменитой чайной церемонии, о театрах «Кабуки», «Но» и древних кукольных представлениях. Но нравы и обычаи не заслонили для Симонова и его чи-

тателей людей, к которым, как всегда, писатель проявляет обостренный интерес. Это и господин Кавасэ, создавший вместе с единомышленниками музей японского народного искусства, и поэт с не названной автором фамилией, человек особого мужества и редкостного таланта.

Когда К. Симонов возвращался из Японии в Москву, он неожиданно получил в вагоне телеграмму, в которой ему предлагалось слезть с поезда, пересесть на самолет и отправиться в новую длительную командировку в Соединенные Штаты [1]. Теперь у поэта были новые спутники — И. Эренбург и М. Галактионов. Задач у троих визитеров в Америке было много. Самой интересной частью пребывания в Штатах, как об этом рассказывает кинодеятель Б. Котен, был месяц, проведенный в Голливуде, где писатель неоднократно встречался с Чарли Чаплиным, о котором потом он напишет воспоминания, с Б. Брехтом, Л. Фейхтвангером, Гансом Эйслером [2]. Творческим итогом этой поездки стала статья К. Симонова «Власть денег» об американском театре и пьеса «Русский вопрос» (1946).

Названное драматическое произведение писателя рисует образ честного американского журналиста Гарри Смита, который, создав правдивую книгу о России, был вы-

нужден вступить в острейший конфликт с газетным магнатом Макферсоном, его единомышленниками и правящими кругами своей страны. Смит убеждается, что в обстановке всечасной купли и продажи немисливо сохранять совесть и быть справедливым. Журналист полностью разорен, и любящая его Джесси оставляет мужа. Трагична и нарисованная параллельно судьба друга Смита, журналиста Боба Морфи, погибающего в рекламном самолете. Автор пьесы выразительно передал приметы среды и времени, в которых происходит действие. «Русский вопрос» был успешно поставлен в Малом театре (1946) и МХАТе (1947) и удостоен Государственной премии СССР.

К этой драме примкнула книга стихов «Друзья и враги» (1948), основанная на полученных в Америке, Канаде и Японии впечатлениях. К. Симонов отошел здесь от прежней лирической поэзии и решительно обратился к гражданским темам. Поэт воспроизвел напряженные коллизии тогдашнего мира, вступившего в обстановку холодной войны. Поэтому строки сборника включили в себя острую и злободневную полемику и запоминающиеся зарисовки друзей и противников мирной жизни. Таковы исполненные антитез и контрастов стихотворения «Красное и белое», «Митинг в Канаде», «Немец», «Новогодняя ночь в Токио». Эти строки дышат мощной публицистической страстью, исполнены темперамента и задора, хотя иногда в стихотворную вязь вводятся ораторские интонации, излишние прозаизмы, длинноты и термины политической речи. «Друзья и враги», награжденные Государственной премией

СССР (1949), стали в первые послевоенные годы излюбленным репертуарным сборником эстрадных чтецов.

В тот длительный период, когда поэт находился в многомесячных командировках в Японии, Америке и Канаде, В. Серова жила в Москве, поглощенная театром, кино и друзьями. У нее, как всегда, было много читателей и поклонниц, не обошлось и без досужих сплетен. Ей приписывали мимолетный роман с М. Бернесом и говорили о влюбленности в нее И. Берсенева, главного режиссера Театра им. Ленинского комсомола, где она играла. Но это были обывательские вымыслы, поскольку у названных актеров были в ту пору совсем иные привязанности [3].

К названным поездкам К. Симонова в конце 40-х годов добавилась командировка в Китай (1949), куда писатель отправился как корреспондент «Правды». Вместе с ним в этой стране были С. Герасимов и В. Раппопорт. Писательские наблюдения и операторские съемки проходили в Четвертой Полевой Китайской армии, на юге страны. Писателю довелось беседовать с Линь Бяо, Гао Ганом и другими военачальниками, поведавшими о наступлениях освободительных армейских подразделений. Когда эти трое деятелей культуры вернулись из Китая, их встретили жены, причастные к кино: Тамара Макарова, Валентина Серова и Лидия Смирнова. Итогом поездки стала книга Симонова «Сражающийся Китай», богатая яркими впечатлениями и раздумьями автора о пробудившемся Востоке.

В ту пору случались и поездки по родной стране. В качестве депутата Симонов побывал на Смоленщине, где с душевной болью увидел

следы недавней войны, оставленные ею пепелища. На основе пережитого возник замысел повести «Дым отечества», названный словосочетанием, встречающимся в стихах Г.Р. Державина и А.С. Грибоедова («И дым отечества нам сладок и приятен»). В данном случае «дым» был не слишком сладок, скорее горек и разъедающ, но нежная любовь к родной стране, которая звучит в тексте и его лирической концовке в повести полна глубокой поэзии и трогательной проникновенности: «Отечество, милое отечество!... Молчаливо любимое, верно хранимое в бедствиях, наше советское отечество! Что же ты такое?... твоя слава и твоя непобедимость, мое израненное войной, но могучее, еще не залечившее всех ран, но уже снова хулимое врагами, мое гордое и неукротимое отечество!» Эти исповедальные слова принадлежат самому автору, но их мог бы произнести и герой этой повести, Петр Басаргин, внутренне очень близкий Симонову характером размышлений и чувствований, а также биографическими подробностями (Басаргин, как и поэт, сражался на войне, был также направлен в Америку, тоже посещает городок близ Смоленска). Интересно композиционно построенная, повесть содержит ретроспекции, возвращающие читателей к пережитой войне, картины сложного послевоенного времени, изображение нелегкого семейного быта, лирические отступления, подобные приведенному. Повесть была эмоционально воспринята читателями, ее сердечно любил сам Симонов, и поэтому грубый «наскок» Н. Маслина в официальной прессе стал очень тяжелым ударом для писателя, приведшим к растерянности

и временному душевному кризису. Не спасла даже радость от рождения у него и В. Серовой дочери Маши.

В трудной обстановке, в состоянии подавленности и тяжелых переживаний, отталкиваясь от «дела» Ключевой и Роскина, ученых-медиков, передавших американцам свою рукопись по проблемам онкологии, Симонов пишет пьесу «Чужая тень» (1949), в которой профессор Трубников отправляет американским коллегам свою рукопись на медицинскую тему. Из-под пера драматурга вышло произведение очень слабое, переполненное политическими штампами, похожее на ходячую в ту пору схему (вспомним пьесу Б. Ромашова «Великая сила»). Хотя симоновскую пьесу хвалили руководящие партийные идеологи и официальная критика, хотя она была вновь, уже в шестой раз, отмечена Государственной (Сталинской) премией (1950), а для автора это одобрение стало тогда выходом из кризиса, позже Симонов будет стыдиться этого надуманного и опрометчивого «творения».

В 1952 году из печати выходит первое крупное эпическое произведение писателя — роман «Товарищи по оружию», посвященный событиям 1939 года на Халкин-Голе. Это повествование наметило поворот Симонова к осмыслению истории и философии Второй мировой войны, оно стало серьезным поступком к художественному исследованию битвы против нашей страны, начатой с прощупывания советской мощи на Дальнем Востоке. Писатель зримо показывает место действия — монгольские степи у озера Буир-Нур, передает время, ограничивая его шестью месяцами,

продолжает свою тему, намеченную в «Монгольском цикле» (1939-1940 гг.), акцентируя ныне внимание на исторических событиях и реалистической картине развернувшихся здесь боев. Ему удается передать и жестокость войны, и напряжение в ходе осуществления операции, но упор сделан на раскрытии того стремления к победе, которое стало определяющим в поведении наших командиров и бойцов. В них формируется и проявляется яркое чувство дружбы, которое сплавливает всех этих товарищей по оружию — Польшина, Синицына, Климовича, Шутикова, Артемьева, людей, принадлежащих к различным родам войск. Сюжет романа и его композиция приведена Симоновым в соответствие с ходом основных событий. Писателю удалось нарисовать выпуклые и значительные фигуры Польшина, Козырева и таких их антиподов, как авантюрист Камацубара. В то же время в романе заметны авторские просчеты: редкое обращение к образам бойцов, отсутствие картин жизни нашей страны, монотонность стиля, сухость языка. Тем не менее роман был воспринят как значительное явление нашей прозы начала 1950-х годов, как несомненный шаг вперед в творческом развитии писателя. Автор намеревался сделать это произведение первой частью будущей трилогии о войне, но случилось так, что «Товарищи по оружию» оказались лишь прологом к большой эпопее.

Хотя в пятидесятые годы К. Симонов активно занят широкой и многогранной общественной деятельностью (он — главный редактор «Литературной газеты» с 1950 по 1953 год, вторично возглавляет редколлегию журнала «Новый мир»

— с 1954 по 1958 год, Секретарь Правления Союза писателей СССР — с 1946 по 1959 год и заместитель Генерального секретаря Союза писателей — с 1946 по 1954 год, депутат Верховного Совета СССР 2-го и 3-го созывов — с 1946 по 1954 года, делегат XXIII, XXIV и XXV съездов КПСС, член Центральной ревизионной комиссии — с 1956 по 1961 год, заместитель председателя Советского Комитета защиты мира, Председатель комиссий по литературному наследию М.А. Булгакова и А.Т. Твардовского и т.д.), он тем не менее создает в это десятилетие сборник «Стихи 1954 года», «Норвежский дневник» (1955), написанный на основе скандинавской командировки за одну лишь неделю, книгу критических статей «На литературные темы» (1956), сборник очерков «Люди с характером» (1958). В этих книгах он проявляет себя как интересный очеркист, рассказчик, публицист, критик, зоркий путешественник, эссеист, переводчик, поэт.

Одновременно Симонов демонстрирует свойства человека доброй воли и заботливого друга. Он добивается пенсий, помогает людям получить квартиры, поставить телефоны, найти дефицитные лекарства, место в больнице, восстанавливает писательские репутации, принимает горячее участие в публикации «Мастера и Маргариты» М. Булгакова, помогает М. Зощенко, добивается публикации романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» и стихов О. Мандельштама, переиздания книг Ильфа и Петрова, вводит в литературу писателя В. Кондратьева [4]. Можно лишь поражаться этой человечности и энергии, направленной на умножение добра.

Между тем в личной жизни Симонов переживает глубокую драму. В. Серова стала размышлять об уходе от Симонова, человека долга и святого отношения к своим обязанностям, что ей претило. Об этом сохранились записи в ее коричневой тетради. Не находя выхода, она стала разрушать себя, много пить, желая забыться в мире иллюзий; стала переходить из театра в театр, прогуливать спектакли, началось «выпадение памяти». Симонов не раз уходил от уже не излечимой Серовой. В Кисловодске, где он лечился, у него начался роман с Ларисой Алексеевной Жадовой, дочерью известного генерала и вдовой поэта Семена Гудзенко. Серова и Симонов были вынуждены развестись. Это случилось в 1957 году. Тогда же у Симонова и Жадовой родилась дочка Саша, которая станет впоследствии любимицей отца.

В следующем году К. Симонов ушел со всех своих постов и с новой семьей уехал в Узбекистан, где прожил два года (с 1958 по 1960 год). Поездка была связана с желанием приступить к написанию большого романа в обстановке, где ничто бы его не отвлекало от творчества. Правда, и здесь писатель выполнял обязанности корреспондента «Правды» по Узбекистану и отправил в газету серию очерков «Что такое Голодная степь?». Собранные воедино, они составили упомянутую уже книгу «Люди с характером». Но основное время было занято трилогией «Живые и мертвые».

Начало 60-х годов было отмечено созданием «Южных повестей» (1956-1961) о лично пережитом на войне и пьесы «Четвертый» (1961). В отличие от прежних своих произведений в драматургиче-

ском жанре, имевших традиционное построение, эта пьеса решена условными средствами. Ее художественное время раздвинуто, но между прошлым, настоящим и будущим нет четких границ. Герой, ведя страстный внутренний монолог, инсценированный автором, периодически возвращается в прошлое, встречается со своими давно умершими друзьями, оживающими в тревожных воспоминаниях, и проверяет этим прошлым и своим настоящим возможное будущее персонажей пьесы. Герой ведет диалог со своей совестью и, осуждая бывшие компромиссы, размышляет о необходимости доверия к человеку. С горечью думает он о том, что добрые и человеческие американские парни, воевавшие бок о бок с русскими против фашистской чумы, забыли сегодня об этом единстве, о мужестве и героизме, предавшись поискам комфорта и покоя. Пьесу с большим успехом воплотили артисты Большого драматического театра в городе на Неве и московского театра «Современник».

60-е годы заполнены у Симонова напряженным трудом над «Живыми и мертвыми», но при этом он совершает поездки в Монголию, на Таймыр, в Якутию, Красноярский край, на Камчатку и Чукотку (1963-1967 гг.) На основе прежних и новых впечатлений писатель создает повести «Еще один день (Левашов)» (1961), «Иноземцев и Рындин» (1963), «Жена приехала» (1963), составившие вместе с «Пантелеевым» цикл «Из записок Лопатина». Написанные параллельно роману «Живые и мертвые», эти повести дали новую жизнь героям «Товарищей по оружию» — Артемьеву, Польшину, Климовичу, Син-

цову, Лопатину, которые стали участниками сражений в Одессе, Мурманске, на Западном фронте. Симонов в соавторстве с Эльзой Триоле и Ш. Спааком пишет киносценарий фильма «Нормандия-Неман» (1960), создает фильмы «Если дорог тебе твой дом» (1967, совместно с Е. Воробьевым и В. Ордынским) и посвященный героической борьбе за свободу Испании в 1936-1938 гг. фильм «Гренада, Гренада, Гренада моя» (1968, в соавторстве с Р. Карменом); публикует повесть «Случай с Польшинным», первоначально названную романом (1969), выпускает небольшую книжку «Далеко на Востоке» (1969) и, побывав в 1970 году во Вьетнаме, создает книгу «Вьетнам, зима семидесятого...» (1970-1971). Сюда помещены пронизанные болью и подлинным гуманизмом стихи о страшной войне во Вьетнаме. К их числу относятся такие выразительные зарисовки, как «Бомбежки на площадях», «Дежурка», «Над Лаосом». Стихи об азиатской стране содержат ассоциации с теми событиями, которые проходили в воюющей с фашизмом Европе и России: «Сидят ребята,/ Ждут ракеты,/ Как мы когда-то/ В России где-то...». Сборник, как и все творчество поэта, неизменно пронизывает значимая для него тема интернационализма.

В 1972 году была завершена трилогия К. Симонова «Живые и мертвые», состоящая из трех романов и воспроизводящая события 1941-1944 годов.

Первая ее часть имеет название, совпадающее с заголовком всех трех романов. «Живые и мертвые» создавались с 1954 по 1959 год. Писатель продолжил некоторые линии предшествующей книги — «Товарищи

по оружию» — и развил отдельные ее образы — Артемьева, которого он «отправил командовать стрелковым полком в Одессу», Польшина (ему он поручил возглавить авиационный полк в Мурманске), Климовича и журналиста Синцова (они стали участниками боев на Западном фронте). Автор романа рассказал, что он «заранее связал нити своего нового романа со старыми героями», один из которых — Лопатин — должен был воспринимать перипетии событий в Крыму [5]. Однако были введены в текст и иные герои, выдвинувшиеся на первый план. Среди них — Серпилин. Название первой книги трилогии объединило и тех, кто бился с врагом в самые страшные дни 1941 года, но остался жить для последующих битв и мирного созидания, и тех, кто пал на полях сражений: живых и мертвых. Оно, это название, провело резкую грань между сохранившими лучшие человеческие черты, как Серпилин и Синцов, и растерявшими свойства советских людей, ставшими мертвецами при жизни. Заголовочек переключается и со стихами Симонова военных лет: «Едва ль ты узнаешь, моя недотрога,/ живые и мертвые их имена/ всех славных ребят, с кем меня на дорогах/ короткою дружбой сводила война». Все эти смыслы синтезировало емкое название.

В романе есть множество событий и эпизодов, изображенных так, что их трудно забыть: эпизод с артиллеристами, почерневшими от пыли и напряжения, протавившими на себе пушку от самой границы за четыреста с лишним верст; сцену истребления мессершмитами наших незащищенных бомбардировщиков; картину окружения

и выхода из него части бывшей дивизии Серпилина; изображение Москвы в октябре 1941 года; бой у кирпичного завода, в котором участвуют Синцов и Блюков и одерживают верх над врагом; взятие города Воскресенска; растянувшийся поток беженцев; парад войск 7 ноября 1941 года на Красной площади столицы; отход советских войск под натиском противника; картину разгрома фашистских армий под Москвой в декабре 1941 года.

Всюду присутствует аналитическая мысль автора; во всех сценах центральными оказываются любимые герои Симонова — журналист Синцов, ищущий свою редакцию и испытывавший все тяготы и горести войны, и Серпилин, командир дивизии, прибывший на фронт с Колымы, где находился, будучи клеветнически обвиненным. Вернувшись на места сражений, он всецело служит великому делу обороны Отечества.

В романе множество событий, исключительное количество героев, обилие рассуждений автора и персонажей, хронологическая последовательность эпизодов войны, черед рефренов — и все объединено общей продуманной концепцией и передано оголенной речью, лишенной, к сожалению, лиризма, метафоричности, красок и даже пауз. Во всем царит «сила правды» [6].

Вторая часть трилогии — «Солдатами не рождаются» — была окончена в 1963 году. В центре ее — заключительный этап битвы на Волге, пришедшийся на 1943 год. Если в повести «Дни и ночи» действие было сознательно ограничено пространственными и временными рамками, то теперь война показана значительно шире, объемнее и фило-

софичнее, хотя число батальных сцен сокращено. Здесь по воле автора сходятся все основные герои эпопеи — Серпилин, Синцов, Артемьев, Климович, Левашов, Бастрюков, и это подчеркивает значимость изображенной битвы. Композиция романа отражает его многогеройность и смену воссоздаваемых пространств: здесь и ростовский завод, оказавшийся в Ташкенте, и армия Донского фронта, и Москва, и волжская твердыня. И читатель перемещается из батальона в полк, оттуда в дивизию, из нее в штаб армии, наконец, в Ставку, и эти места действия он видит глазами разных героев.

Писатель прослеживает путь Серпилина, глубоко раскрывает его свойства военачальника и душевное обаяние человека, судьба которого неразрывно связана с воюющим народом. Серпилин не родился солдатом, но он им стал, соединив мужество с военным талантом полководца. Он одерживает победу над собой в эпизоде с Грачами и постоянно думает о людях. О цене человека размышляет и Синцов, ставший зрелым, значительным героем войны.

Заключительная часть трилогии — роман «Последнее лето» — был завершен в 1971 году. Здесь показано героическое наступление нашей армии по всему фронту и возвращение ее на те территории, которые она занимала к началу войны. Писателю стало ясно, что доводить повествование до победного 1945 года нет политической, нравственной и художественной необходимости. Теперь в основу романа легли освобождение Белоруссии в 1944 году и наступательная операция «Багратион». Мощное продвижение на-

ших войск на Запад начинается на рассвете 23 июня, что лишь на сутки расходится с днем отступления в 41-м году. В этом — особая символика. Открывается перспектива крушения Третьего рейха.

В романе вновь центральное место занимают Серпилин и Синцов. Последний становится теперь адъютантом первого, что дополнительно скрепляет главных героев. Великолепно раскрывается характер Серпилина, его человечность, сказывающаяся во многих решениях и поступках. Приоткрываются интимные переживания военачальника, его любовь к вдове Баранова, застрелившегося после разжалования, но взаимоотношения сблизившихся людей могли бы быть раскрыты обстоятельнее и поэтичнее. В книге появляются и новые герои, например Львов, член Военного совета фронта, нарисованный интересно и содержательно. Однако важна не столько встреча с новыми персонажами, сколько изображение нового облика и настроения армии, выходящей на границу. Значительно возросла цена человеческой личности и способность сражаться с врагом; усилилась вооруженность, подвижность, общая мощь армии, стратегическая дальновидность ее полководцев.

Эпическое повествование завершается не только победно, но и трагедийно, ибо гибнет командир дивизии генерал Талызин, смертельно ранен, а затем погибает и полюбившийся читателям Серпилин, что автор мотивировал стремлением дать почувствовать трагическую сущность последней войны. Но операцию, осмысленную и начатую ушедшим из жизни героем, продолжают и реализуют генерал Бойко и его соратники, среди которых мы ви-

дим и комдива Артемьева, и майора Синцова.

Трилогия К. Симонова, решенная в жанре трехчастного эпоса, продолжила замечательные толстовские традиции, что хорошо показали С.Я. Фрадкина [7] и Л.Д. Покологин [8]. Эти традиции сказались в передаче отращения к войне как гнусному и «паскудному делу», в определении причин человеческих поступков, в стремлении к широкой панорамности и философичности изображения сражений, в использовании внутренних монологов, в синтаксисе речевых конструкций.

Романы трилогии не всегда передают эволюцию, развитие героев, не везде отличаются глубинной психологизацией поступков и пластичностью изображения военных действий. Тем не менее «Живые и мертвые» как трилогия заняли выдающееся место в нашей романистике и по заслугам были в 1974 году удостоены Ленинской премии. Французский писатель Пьер Гамарра отметил монументальность, панорамность и энциклопедичность этой трилогии [9].

В семидесятые годы К. Симонов работает с не меньшей интенсивностью, чем в предыдущие десятилетия. Он выпускает книгу «Разговор с товарищами» (1970), в которую вошли критические статьи, рецензии, письма к читателям и молодым авторам, воспоминания и заметки о собственной работе. Особенно интересными нам кажутся письма к С. Герасимову и Вере Пановой о художественном творчестве. Тогда же выходит двухчастная книга «Записки молодого человека» (1970), составленная из одноименных очерков «Трех повестей почти о том же» («Случай с Польшинным»,

«Иноземцев и Рындин» и «Жена приехала»). Это произведения о человеческом мужестве, честности и долге. Откликом на героический подвиг Анатолия Мерзлова, погибшего при спасении трактора и загоревшегося пшеничного поля, стал проникновенный очерк Симонова «В свои восемнадцать лет» (1973). Появляются симоновские киносценарии: «Живые и мертвые» (за фильм была присуждена Государственная премия РСФСР имени братьев Васильевых), «Чужого горя не бывает» (1973). Выходит поэма «От вашего корреспондента» (1971). В 1974 году за титаническую и плодотворную работу К. Симонову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

К числу крупных и значительных произведений писателя семидесятих годов следует отнести повесть «Двадцать дней без войны» (1972). Продолжая свое повествование о Лопатине, К. Симонов рассказывает о своем любимом герое, которому довелось проездом на Северо-Кавказский фронт первой военной зимой остановиться в Ташкенте для работы над фильмом по его произведению. Многие в жизни Лопатина совпадают с биографией Симонова, у них родственные взгляды, схожие отношения к войне, суждения о людях. Автор рисует жизнь московских писателей, режиссеров и актеров, работавших в Ташкенте во время войны, и мы угадываем в некоторых образах индивидуальные черты их прототипов: актрисы С. Бирман, поэта В. Луговского и др., хотя сводить художественные типы к их прообразам было бы неверным. Повесть рисует не только трудность жизни в эвакуации, труд женщин, стариков и подростков, но и вой-

ну, картины которой оживают в воспоминаниях главного героя.

Большой интерес вызывает двухтомник «Разные дни войны» (1977) — дневник писателя, его фронтовые блокнотные записи, сопровождаемые современными комментариями умудренного жизнью автора.

«Мы не увидимся с тобой» (1978) — это новая повесть писателя, которая завершает цикл произведений, скрепленных общим подзаголовком «Из записок Лопатина». Она снова воспроизводит события весны и лета 1944 года, о которых рассказывало «Последнее лето», но передает их по-новому. Автор повествует о Лопатине и близких ему людях в обстоятельствах, возникших через полтора года после отъезда героя из Ташкента. Написанная от третьего лица (но не от имени центрального персонажа), повесть дала писателю возможность рассказать «о времени и о себе» и при этом существенно отделить авторскую позицию от лопатинской. Названная цитатой из стихотворения Симонова «Другу» (1941), новая книга поэта и прозаика раскрывает героизм военного корреспондента «Красной Звезды», его дружбу с журналистом Гурским, сложные взаимоотношения с бывшей женой Ксенией и Никой, передает разительный контраст двух женских характеров, размышления героя о «личной жизни», сращенной с общей, общественной, военной. Автор повести воспроизводит трагизм жизни, преодолевающей ее обыденность и будничность, показывает подлинные взлеты человеческого духа.

Отдельные части своего цикла «Из записок Лопатина» Симонов объединяет в роман «Так называ-

мая личная жизнь» (1978). Сюда вошли повесть «Четыре шага» (соединившая произведения «Пантелеев», «Левашов», «Иноземцев и Рындин», «Жена приехала»), «Двадцать дней без войны» и «Мы не увидимся с тобой». Как показывает название этой крупной эпической формы, писатель отражает здесь свои длительные раздумья о сомнительности термина, вошедшего в заголовок, о диалектической связи частного и общего, личного и общенародного. Писатель эстетически осмысляет понятие «художественная правда» и в свете этого высокого критерия оценивает все, написанное им.

К. Симонов много трудится как переводчик. Он делает достоянием читателя стихи азербайджанских поэтов (Вагифа, Видади, Самеда Вургун), узбекских мастеров стиха (Гафура и Хамида Гулямов, Алимджана, Зульфии, Мухтара), грузинских поэтов (К. Каладзе, Ф. Халваши), аварских (Р. Гамзатова), литовских (Э. Межелайтиса), турецких (Н. Хикмета), польских (Ю. Тувима), чешских (В. Незвала, И. Тауфера), испанских (Х.Л. Пачеко), итальянских (В. Муччи), английских (Р. Киплинг).

Он по-прежнему плодотворно работает в области кино. Создает дикторские тексты к фильмам «Люди голубого огня», «Здесь жил Хемингуэй», телевизионные фильмы о М. Булгакове, А. Твардовском, о выставке В. Маяковского. К. Симонову принадлежит большая заслуга в организации и показе документального фильма «Шел солдат» (1975), основу которого составили миллионы метров пленки, пропущенной через кинокамеры фронтовых кинооператоров. Кар-

тина поэтизирует подвиг наших солдат, одержавших великую победу над фашизмом. Это произведение, текст к которому написал К. Симонов, получило жанровое определение — фильм-поэма. Автор, по словам Б. Слуцкого, показал здесь «сильные стороны своего дарования — и точность истории, и правдивость участника событий, и лиризм поэта» [10]. На основе фильма была создана одноименная повесть (1976), сопровождаемая многочисленными кадрами и фотографиями. Она рассказала о кавалерах солдатского ордена Славы трех степеней, об их бессмертных подвигах, запечатленных в семи главах повествования.

К этим произведениям близок телефильм «Солдатские мемуары» (1976), вобравший записи рассказов пехотинца, артиллериста, сапера, разведчика, связиста и составивший 6 выпусков, показанных на экране. Режиссером и предыдущего, и этого фильма была Марина Бабака, а сценаристом — К. Симонов.

Тогда же вышла замечательная книга нашего автора «Сегодня и давно» (1976). Ее разделы названы так: «Дороги» (сюда вошли речи в США, Канаде, «мысли вслух» и открытое письмо немецкому писателю); «Воспоминания» (о Ч. Чаплине, И. Бунине, В. Пудовкине, П. Неруде и других деятелях культуры); «Жизнь, книги, рукописи» (заметки о романе «Война и мир», Хемингуэе, Булгакове, поэмах Твардовского); «Заметки об искусстве» (о П. Кончаловском, Пиромани, Ф. Кремере, Сикейросе, Татлине и др.); «Война и вскоре после нее» (об И. Эренбурге, А. Суркове, М. Луконине и др.); «О собственной работе».

Уже после смерти писателя вышли мемуарные записи Симонова «Глазами человека моего поколения», представляющие собой размышления о Сталине, с которым автор часто встречался, о котором думал, которого прославлял и затем осудил, имея в виду его злодеяния.

Тяжелая, изнурительная болезнь подтачивала здоровье энергичного, темпераментного и жизнелюбивого Симонова. Летом 1979 года он вынужден был лечь в больницу, из которой уже не выйдет. Он умер 28 августа того же года, завещав перед кончиной развеять его прах над Буйническим полем под Могилевым, где, будучи корреспондентом, стал свидетелем подвига полка Кутепова, подбившего в неравном бою 39 немецких танков. Жена поэта — Л.А. Жадова, его сын Алексей и три его дочери — Катя, Маша и Саня выполнили это необычное завещание.

Поэты Р. Гамзатов, С. Баруздин, А. Вознесенский, Е. Евтушенко вос-

пели в стихах жизнь Симонова, это его завещание, «священный пепел» и необычную могилу в виде сурового камня. Чудной эпитафией большому писателю стала строфа, созданная Расулом Гамзатовым:

И навсегда повенчанный с войною,
Победоносный в прозе и стихах,
Живой и мертвый Симонов со мною,
Чей с полем боя породнился прах [11].

Памятью поэту, драматургу, прозаику, кинематографисту, общественному деятелю, гражданину стали названия одного из новых судов и улицы в Волгограде, мемориальная доска на улице Черняховского в Москве, стипендия имени К.М. Симонова в Литературном институте, премия имени К.М. Симонова Союза писателей, Симоновские чтения, собрание сочинений писателя в девяти томах. Ведь этот поэт, как и Маяковский, тоже мечтал, «чтобы, умирая, воплотится в пароходы, строчки и другие долгие дела».

ЛИТЕРАТУРА:

1. «Константин Симонов в воспоминаниях современников». — М.: Сов. писатель, 1984. — с. 212.
2. Там же — с. 438.
3. Кравченко Т. Ю. «Жди меня». История одной любви. — М.: ВАГРИУС, 2005. — с. 201.
4. См.: Алигер М. Беседа // «Константин Симонов в воспоминаниях современников...» — с. 56-57.
5. «Вопросы литературы». — 1961 — №5 — с. 162.
6. «Иностранная литература». — 1962 — №1 — с. 269.
7. Фрадкина С. Я. Традиции Л.Н. Толстого в прозе К.М. Симонова // Проблемы типологии литературного процесса. — Пермь, 1980. — с. 69.
8. Покольный Л. Д. О некоторых традициях Л.Н. Толстого в творчестве К.М. Симонова // Вопросы русской литературы. — 1 (39). — Львов, 1982. — с. 30-32.
9. Gamarra P Mes lectures pour tous. — Paris, 1980. — p. 228-236.
10. «Искусство кино». — 1975 — №11 — с. 87.
11. «Советская культура». — 1981-30 июня.

Алексей Воронов
(Россия, Санкт-Петербург)

...ТАК ЧТО ЖЕ С НАМИ ПРОИСХОДИТ?

*«Прочитал сейчас всё это...
И думаю: «Что с нами происходит?»
Василий Шукшин. «Кляуза»*

Совсем недавно исполнилось шестьдесят лет литературному театру «Классика» — яркому и неповторимому творческому коллективу, без которого сегодня невозможно себе представить облик театрального Петербурга. Благодаря исключительному таланту и разностороннему дарованию его основателя и художественного руководителя, заслуженного деятеля искусств России Дженни Николаевны Катышевой, постановки театра пользуются неизменным зрительским успехом. Их отличают высокий художественный вкус, бережное отношение к авторскому тексту, многообразие выразительных средств и, наконец, подлинная современность сценического прочтения — прежде всего, с точки зрения проблематики.

С 2010 года многие спектакли и литературные программы театра «Классика» проходят на сцене арт-кафе «Подвал бродячей собаки». Именно там осенью 2018 года состоялась премьера моноспектакля «Надо просто жить», поставленного Д.Н. Катышевой по произведениям Василия Шукшина и Василия Белова — двух выдающихся русских прозаиков второй половины XX столетия, рассказы которых звучат со сцены в исполнении лауреата Международного конкурса «Звезда Альбиона» Марианны Семёновой. Сейчас, когда с момента премьеры прошло больше года, уже не вызывает сомнения, что постановка стала безусловным украшением репертуара театра, о чём свидетельствуют восторженные отзывы со стороны благодарных зрителей. А это значит, что создателям спектакля удалось главное — они сумели нащупать и донести до зрителей те самые «болевые точки», которые во многом были определяющими в творчестве Шукшина и Белова, и которые остаются актуальными уже в наши дни.

Соединение в одной афише двух этих авторов не случайно — слишком много жизненных и творческих совпадений прослеживается в их судьбах. Они появились на свет почти одновременно в русских деревнях: Василий Шукшин — в сибирском селе Сростки, Василий Белов — в вологодской деревне Тимониha. Вместе с родителями и односельчанами, они ещё детьми испытали на себе все ужасы так называемой «коллективизации» 1930-х годов, когда дорога в рай оборачивалась настоящим адом. Особенно тяжёлый крест выпал на долю Василия Шукшина: в 1933 году, когда мальчику было неполных четыре года, а его младшей сестре Наталье — два годика, их отец Макар Леонтьевич был арестован и расстрелян, обвинённый в создании «контрреволюционной повстанческой организации в колхозе

«Пламя коммунизма». Так Мария Сергеевна Шукшина, мама будущего классика русской литературы, в одночасье стала «сибулонкой» (так называли тогда жён заключённых, которых только в их деревне было 80 человек). Отчаяние Марии Сергеевны было столь велико, что она решилась на страшный шаг — растопила печку и залезла в неё вместе с детьми, чтобы погибнуть, надышавшись угарным газом. Спасла их случайно зашедшая в дом соседка.

Детство Василия Белова закончилось в 1941 году, когда мальчику было восемь лет — его отец Иван Фёдорович погиб на фронте, и мама Анфиса Ивановна в одиночку растила детей. После окончания семилетки, юный Вася Белов сначала работал слесарем, затем в 1952 году был призван в армию, где и состоялся его литературный дебют в газете Ленинградского военного округа «На страже Родины». В эти же годы Василий Шукшин, также после окончания семилетки и работы на заводах, служил на флоте. После досрочной демобилизации в 1953 году, он экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости, затем работал в родных Сростках учителем русского языка в школе сельской молодёжи (одно время был даже директором этой школы). Но в 1954 году, уговорив мать продать корову, Шукшин на вырученные деньги едет в Москву, где поступает на режиссёрский факультет ВГИКа. Вскоре после этого в Москве оказывается и Василий Белов, зачисленный в Литературный институт имени М. Горького.

«Какими только посторонними делами не обременяла его действительность — и в колхозе-то он работал, и на флоте служил, и в автотехникуме учился, и в школе преподавал, и в фильмах снимался... и всё бесконечно мотался вдоль и поперёк нашего государства, пока не упёрся в то справедливое убеждение, что его единственное и естественное предназначение — это литература, что его место — это рабочий стол, что его инструмент — это шариковая авторучка и тетрадка за три копейки», — так писал критик и эссеист Вячеслав Пьецух о творческом пути Шукшина. И действительно, несмотря на успехи Василия Макаровича в большом кинематографе, сам он, чем дальше, тем отчётливее осознавал, что именно литература — его главное призвание. Ещё студентом, он опубликовал в журнале «Смена» свой первый рассказ «Двое на телеге», а в 1963 году вышла его первая книга «Сельские жители». Тогда же, в начале шестидесятых, увидели свет повесть Василия Белова «Деревня Бердяйка» и его стихотворный сборник «Деревенька моя лесная». Вскоре после этого были написаны повести «Привычное дело» и «Плотничьи рассказы», после которых за Беловым прочно закрепилась репутация одного из родоначальников и лидеров отечественной «деревенской прозы».

В 1960-е годы, когда Белов и Шукшин буквально ворвались в большую литературу, в общественном сознании всё более отчётливо укреплялось понимание того, какие страшные беды принесла всему русскому народу так называемая «война с крестьянством». О том, насколько ценились в русской деревне отзывчивость, душевность и человеческая порядочность, можно прочесть, например, в книгах Василия Белова «Лад» и «Повседневная жизнь русского Севера». Задуманные автором как «сборники зарисовок о северном быте и народной эстетике», эти книги стали настоящими энци-

клопедиями народной культуры Русского Севера. Рассказывая о традиционных праздниках и обрядах, народном быте и художественных промыслах родной ему вологодчины, Белов одновременно показывает, насколько было развито в русском крестьянине творческое начало, стремление украсить и облагородить окружающий мир.

Всё это теперь осталось в безвозвратном далёком прошлом. Бесконечные эксперименты по «советизации» русского села — начиная с ленинской продразвёрстки и кончая брежневской ликвидацией «неперспективных» деревень — привели к тому, что многие пашни заросли кустарниками и бурьяном, традиционные народные ремёсла безвозвратно исчезли. А самое страшное — то, что одновременно с исчезновением народной эстетики, произошло повсеместное оскудение и измелчание человеческих душ. Всеобщая девальвация духовных ценностей привела к резкому снижению нравственного порога. Вопиющее бессердечие, безразличие к чужой беде — всё то, что когда-то было органически несвойственно русской душе — в новых условиях стало едва ли не повседневной нормой.

Именно это было главной темой в творчестве Шукшина и Белова. Несмотря на то, что их произведения отличались глубоким знанием языка и деталей сельского быта, на первый план в них выходили глубокие нравственные проблемы — прежде всего, связанные с катастрофической девальвацией русских национальных и общечеловеческих ценностей. Эту «сверхзадачу» своего творчества очень точно определил Василий Шукшин, когда-то сказавший, что главная тема его произведений — поиск «человеческого в человеке». А Василий Белов однажды признался: «Писателем я стал не из удовольствия, а по необходимости — слишком накопело на сердце, молчать стало невтерпёж, горечь душила». Разумеется, многое из того, о чём писали Шукшин и Белов, казалось заведомо «непроходимым». В то время, как вокруг только «воспевали и превозносили», они размышляли о горькой участи русской деревни, о духовной деградации русского народа. Не сразу, но они сумели преодолеть, казалось бы, непробиваемые бастионы редакторских кабинетов. Их стали печатать благодаря тому, что каждый из них отличался упорным характером, высоким писательским талантом и трудолюбием.

«И ведь что любопытно: этого нельзя выдумать, нельзя пересказать с чьих-то слов, а можно только схватить в эфире и преобразовать в художественную прозу, пропустив через «чёрный ящик» своей души. Словом, не объяснить, «из какого сора» явился шукшинский мир, эта скрупулёзная анатомия русской жизни 1960-х и начала 1970-х годов, по которой грядущие поколения будут о нас судить». Так писал когда-то Вячеслав Пьецух о рассказах Шукшина, которого называл «последним гением русской литературы». И у Шукшина, и у Белова в рассказах часто встречаются люди «не от мира сего» — наблюдательные, острые на язык, в жизни которых всегда есть «место для подвига». Увы, окружающий мир таков, что милые и добрые «чудики», наполненные душевной теплотой и готовые согреть весь мир своими отзывчивыми сердцами, чаще всего наталкиваются на усмешку и непонимание, а нередко — на издевательство и неприкрытые гонения. Достаточно вспомнить, сколько вытерпел от городских родственни-

ков несчастный Чудик из одноимённого рассказа Василия Шукшина, включённого в эту постановку.

Спектакль «Надо просто жить» просто отличается тематической целостностью, драматургической выстроенностью, точным отбором деталей. Марианна Семёнова ярко и выразительно характеризует каждого персонажа, виртуозно владея самыми разнообразными жанрами — от буффонады и гротеска до подлинной трагедии. Только что мы смеялись над детской доверчивостью шукшинского простофили Беспалого, слепо доверявшего своей жене-вертихвостке — но через мгновение испытываем настоящее потрясение от наступившей его катастрофы. Мы радуемся благополучному концу приключений деревенской бабки из рассказа Василия Белова «Диалог», но тут же нас обжигает мысль — а сколько же мы каждый день встречаем таких вот одиноких и неприкаянных стариков, ставших жертвами жестокости и бессердечия со стороны собственных детей?!... Вместе с Андреем, главным героем беловского рассказа «Бескультурье» — исполнителем русских танцев, покоровшем своей виртуозностью едва ли не всю планету, — мы оказываемся на его родине, где в сельском клубе на танцевальном вечере молодёжь трясётся под западные твисты и шейки. Но вот наступил перерыв — и заиграла в клуб гармошка, и пошла лихая русская пляска; и наш герой, бесконечно счастливый, уже готов вступить в перепляс!.. Вдруг, откуда ни возьмись, в клуб врывается разъяренная заведующая. С криком: «Я вас отучу от этого бескультурья!» — она вновь заводит заезженную попсу, чуть ли не силой заставляя людей приобщаться к так называемым «культурным ценностям» Запада. А нами, вместе с несчастным Андреем, овладевает отчаяние от того, как по-варварски уничтожаются в советской деревне исконно русские народные праздники, танцы и обряды, представляющие собой, с точки зрения доморощенных культуртрегеров, «сплошное бескультурье». Те, кто таким образом уничтожают основу русской души, по сути совершают самое настоящее преступление, открывая дорогу бездушию и хамству.

Сейчас, когда нам известно, чем закончился жизненный путь Василия Шукшина и Василия Белова, мы с горечью видим, что эти замечательные художники, как и сотворённые ими «чудики», сами стали жертвами хамства. В конце 1973 года Шукшин лежал в московской больнице, поправляя своё здоровье, изрядно пошатнувшееся после съёмок фильма «Калина красная». Второго декабря его пришли навестить жена и дочь. Дежурный врач разрешил им пройти к больному — однако вахтёрша категорически отказывалась их пропускать, при этом заявляя: «Пропуск здесь я!». Причина такой «сверх принципиальности» была проста: родственники не заплатили грозной церберше 50 копеек (именно такой «данью» она облагала всех посетителей). Не помогли ни уговоры Василия Макаровича, ни пропуск от врача — непреклонная «блюстительница порядка» выгнала взысканную женщину с плачущим ребёнком. Свидетелями этой безобразной сцены были коллеги Шукшина, приехавшие навестить его аж из самой Вологды: писатель Василий Белов (тот самый!) и поэт Виктор Коротаев. Увы, и их постигла та же участь: несмотря на заранее оформленный пропуск, оба ушли

не солоно хлебавши, вдоволь наслушавшись в свой адрес угроз, приправленных отборной базарной бранью.

Василий Макарович был настолько потрясён этим неприкрытым хамством, что решился на самый настоящий бунт. В тот же день, так и не долечившись, он ушёл домой — прямо в больничном халате и шлёпанцах. Там, за рабочим столом, он по горячим следам написал документальный рассказ «Кляуза» — и, перечитав его, горько вздохнул: «Что с нами происходит?..». А ровно через 10 месяцев после этой истории, 2 октября 1974 года выдающийся писатель и кинематографист скончался от острой сердечной недостаточности на съёмках фильма «Они сражались за Родину». Он ушёл из жизни в самом расцвете творческих сил, ему было всего лишь 45 лет — и кто знает, на сколько ему сократили срок пребывания на земле вконец охамевшие «наполеончики и наполеоники», с которыми Василий Макарович сталкивался почти на каждом шагу?

Василий Белов дожил до горбачёвской перестройки, когда в стране начались долгожданные перемены — но очень скоро убедился в том, что эти перемены не сулят ничего хорошего. Так называемые «демократические силы» заботились не о том, чтобы укрепить русскую деревню и восстановить русскую духовность, а совсем наоборот — как можно быстрее подвергнуть страну принудительной «макдональдизации», «прихватизировать» её природные богатства и растащить их по оффшорным закоулкам. Многие известные писатели, активно выступавшие против подобного варварства, подвергались неприкрытой травле. Василий Белов, Юрий Бондарев, Валентин Распутин — все они в конце восьмидесятых — начале девяностых годов были голословно объявлены «мракобесами», «реакционерами» и фактически вычёркнуты из литературной жизни страны.

Василий Иванович, конечно, близко к сердцу принимал случившееся со страной — но не опустил руки, не пал духом. Много лет он занимался восстановлением церкви в родной Тимонихе — однако в 2006 году возрождённый им храм был осквернён и разграблен. Видимых последствий для здоровья писателя это не имело — но, очевидно, перенесённый стресс всё-таки сказался на его самочувствии. Через несколько лет Василия Белова разбил инсульт, от которого он скончался 4 декабря 2012 года, вскоре после своего 80-летия.

Шукшина и Белова больше нет с нами — однако сотворённые ими герои живут до сих пор: над ними смеются, за них переживают, о них спорят. Как и отечественные классики «золотого века» русской литературы, они всегда оставляли своим персонажам надежду на другую жизнь, более светлую и прекрасную; надежду на то, что рано или поздно в каждом человекообразном существе удастся пробудить истинно человеческие чувства. Эта же «сверхзадача» отличает и спектакль «Надо просто жить». Рассказ Василия Белова «Даня» в финале звучит как гимн великой материнской любви — и одновременно как мечта о том, что те, кто придут после нас, найдут ту самую дорогу к звёздам, откроют законы всеобщей красоты и гармонии. И словно живое воплощение красоты на этой земле звучит необыкновенно проникновенная, проникающая в душу песня Александра Алябьева «Соловей».

Спектакль во многом выигрывает благодаря участию в нём необычайно одарённой петербургской певицы, лауреата Международного конкурса Юлии Рожковой. Исполняемые ею музыкальные номера не просто иллюстрируют рассказы — они тематически расширяют драматургию постановки, усиливая её полифоническое звучание. Песни в этом спектакле воспринимаются как единое целое, несмотря на то, что созданы разными авторами в разные эпохи (кроме русской народной песни «Тройка» и алябьевского «Соловья» в нём звучит также песня «Берёза», написанная нашей современницей — петербурженкой Мариной Михальской). «Симфонизация» спектакля во многом достигается благодаря его музыкальному оформлению, в котором использованы шедевры отечественной и мировой классики — этюды и скерцо Шопена, а также концерт для скрипки с оркестром П. И. Чайковского.

Хочется от всей души поблагодарить создателей спектакля «Надо просто жить» за необыкновенную теплоту и сердечность, которыми они щедро одаривают каждого, кто приходит в зрительный зал. Спектакль драгоценен, прежде всего, тем, что заставляет нас верить в победу Гармонии над Хаосом — какой бы беспросветной ни казалась окружающая действительность. Потому что пока среди нас есть такие замечательные творцы — мы обязательно выстоим, преодолеем все напасти и прорвёмся прямо к солнечному свету (или, как иронически заметил один из героев Шукшина, отыщем свой «шанец»).

Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА (РОМАНТИЗМ) 19 ВЕК (ШАТОБРИАН, ВИНЬИ, МЮССЕ, В. ГЮГО, Ж. САНД, БЕРАНЖЕ)

История Франции начала 19 в. характеризуется острой борьбой между аристократией и буржуазией. Это и нашло отражение в литературе. Французский романтизм развивался в ходе борьбы между революционным и направлением, которое черпало свои силы в литературе предшествующих эпох.

Во главе второго направления французских романтиков стоял Шатобриан.

Франсуа Рене де Шатобриан (1768-1848). Младший сын знатной, бретонской дворянской семьи, он служил интересам аристократической среды. Шатобриан увлекался книгами Жан-Жака Руссо, пытался писать произведение во славу патриархальной простоты. Французскую революцию 1789 года он не принял, уехав в Америку, а когда вернулся в 1792, примкнул к контрреволюционному движению, вступил в армию Конде, а затем эмигрировал в Англию, где пробыл около восьми лет. В Англии Шатобриан написал труд «Опыт о революции» (1797). Это произведение было проникнуто глубокой враждебностью к недавним революционным событиям во Франции. Второе его крупное философское произведение — «Гений христианства» (1802) был закончен еще в эмиграции. В его произведениях заметна идеализация феодального прошлого и его преклонение перед авторитетом католической церкви. Самые значительные в художественном отношении его произведения — «Атала» (1801) и «Рене» (1802) — были им предназначены для иллюстрации отдельных положений, развиваемых в трактате «Гений христианства». Но когда Шатобриан издал их отдельно, эти работы приобрели совершенно самостоятельное значение. Они привлекали читателей изображением человеческих страстей, сложным развитием сюжета и трагическим финалом. Писатель стремился сделать свой рассказ поводом для поучения. В 1809 г. он закончил эпопею в прозе «Мученики». Историки считают писателя человеком, который первым раскрыл некоторые важнейшие черты мироощущения людей бурной эпохи конца 18 — нач. 19 в.

Отрывок из произведения Шатобриана «Рене»:

«...Быть может, в браке вы обретете облегчение от вашей тоски. Жена, дети наполнят, пожалуй, ваши дни. А какая женщина не постарается осчастливить вас! Пылкость вашей души, красота вашего ума, ваш благо-

родный и страстный вид, этот взгляд, гордый и нежный, — все обеспечивает вам ее любовь и ее верность. О, с какой усладой она заключит тебя в свои объятия и прижмет к своему сердцу! Как все взгляды ее, все мысли будут сосредоточены на тебе, чтобы предупредить твою самую маленькую печаль; она будет сама любовь, сама невинность перед тобою; тебе будет казаться, что ты снова обрел сестру...»

Альфред де Виньи (1797-1863)

Отпрыск из старинного дворянского рода. Долгое время служил в армии Бурбонов. Рано начал заниматься поэтическим творчеством. В поэзии Виньи начала века улавливается влияние эстетики субъективного и чувственного начала понимания жизни. Небольшая книга стихов «Поэмы» (1822) легла в основу сборника «Поэмы на новые и античные сюжеты». Этот сборник имел большой успех у читателей. Революцию Виньи принимал не однозначно. Одно время он считал себя ее сторонником. Период, непосредственно примыкающий к революции, ознаменовался созданием таких произведений, как драмы «Жена маршала д' Анкр», «Чаттертон», романы «Стелло», «Неволя и величие солдата». Писатель настойчиво трактует трагедию личности как один из моментов исторической трагедии.

Если рассматривать его поэмы, то в них мы увидим, что автор превозносит людей благородных, гордых, далеких от утилитаризма и расчетливости. В лучшей поэме «Хижина пастуха» поэт передает и красоту, надежду, которые он видит в сочувствии к людям, в искусстве, любви мужчины к женщине, и в то же время все это переплетается с фантастической картиной зла. Устрашающий образ зла (драмы «Сен-Мар», «Стелло») в творчестве Виньи — это вполне реальный политически и социально мотивированный, представленный как воплощение рока.

Отрывок из поэмы Альфреда де Виньи «Смерть волка»:

«...За ними стали все. Уж ясно видел взгляд
Перед волчицею резвившихся волчат,
И прыгали они, как псы с их громким лаем,
Когда, придя домой, мы лаской их встречаем;
Но шуму не было: враг-человек зверям
Повсюду грезится, как призрак смерти нам.
Их мать-красавица лежала перед ними,
Как изваяние волчицы, славной в Риме,
Вскормившей молоком живительным своим
Младенцев, призванных построить вечный Рим.
Спокойно волк стоял. Вдруг, с молнией во взгляде,
Взглянув кругом себя, поняв, что он в засаде,
Что некуда бежать, что он со всех сторон
Людьми с рабами их борзыми окружен,
Он к своре бросился, и, землю взрыв когтями,
С минуту поискал, кто злее между псами...»

Альфред де Мюссе (1810-1857)

Писатель был родом из дворянской семьи. Он рано начал заниматься литературным творчеством. В 1830 г. выходит в свет его сборник стихотвор-

рений «Сказки Испании и Италии», который имел успех у читателей. В 30-х годах Мюссе прославился своими поэмами и стихотворениями, а также романом «Исповедь сына века». В этом произведении Мюссе воссоздал внутренний мир и духовную драму той части французской молодежи 30-х годов, которая не приняла законов нового общества. В другом незаконченном романе «Падший поэт» Мюссе писал: «...Моя специальность — говорить прозой и рассказывать в стиле фельетона...», писатель как бы прощался со своим романтическим прошлым. Писатель действительно искал новых путей, одерживая и победы — драма «Лорензаччо», роман «Исповедь сына века», цикл поэм «Ночи». Но чаще работал по заказам, где просто не мог раскрыть весь свой талант.

Отрывок из произведения Альфреда де Мюссе «Исповедь сына века»:

«...Во время войн Империи, когда мужья и братья сражались в Германии, встревоженные матери произвели на свет пылкое, болезненное, нервное поколение. Зачатые в промежутке между двумя битвами, воспитанные в колледжах под бой барабанов, тысячи мальчиков хмуро смотрели друг на друга, пробуя свои хилые мускулы. Время от времени появлялись их отцы; обгаренные кровью, они прижимали детей к расшитой золотом груди, потом опускали их на землю и снова садились на коней...»

Виктор Гюго (1802-1885).

Гюго возглавлял романтизм борьбы, сыграл большую роль в развитии литературы и общественного движения Франции 19 в. Его творческий путь был сложен и противоречив. Он был гуманистом и неизменно отстаивал интересы угнетенных. Убежденным революционером Гюго не стал, видя свои идеалы в нравственном совершенствовании человеческого общества. В 1822 г. он издает сборник «Оды и баллады», написанный еще в период «когда все видел с высоты монархических и религиозных верований».

К концу 20-х годов Гюго отошел от своих старых позиций и вскоре возглавил борьбу революционных романтиков против того литературного направления, которое было опорой французской реакции. Основной удар классицизму и другим романтикам Гюго нанес своим предисловием к исторической драме «Кромвель» (1828). Там были сформулированы основные принципы романтизма, показана прогрессивная роль революционных романтиков. Он требовал предоставить писателю полную свободу в выборе художественных средств и приемов, законом для писателя должна быть природа, истина и вдохновение, а не свод безжизненных канонов и правил. Эти принципы нашли свое практическое применение в его драмах «Марион Делорм», «Мария Тюдор» и др.

Огромный интерес представляют романы Гюго — «Собор Парижской богородицы», «Человек, который смеется». Фабула романов остра и увлекательна, действие драматизировано, герои эффектны и красочны.

Роман «Собор Парижской богородицы» был написан в 1831 г. Действие происходит в Париже в 15 в. — уличная танцовщица, цыганка Эсмеральда, любит капитана Феба, красивого молодого человека, настоятель собора Клод Фролло тоже не равнодушен к Эсмеральде и покушается на жизнь своего соперника. В этом покушении обвиняют танцовщицу и приговари-

вают к смерти. Звонарь собора, уродливый Квазимодо, пытается спасти девушку. Но это ему не удается. Эсмеральда погибает.

В сложной политической обстановке Гюго пишет романы «Отверженные» и «Человек, который смеется», в которых ставит общественные проблемы.

Виктор Гюго был современником Парижской коммуны, но участие в ней не принимал, а только выразил ей сочувствие (стихи «За баррикадой», «Вот пленницу ведут...»).

Отрывок из романа Виктора Гюго «Собор парижской богородицы»:

«...В этот день на Гревской площади зажигались потешные огни, у Бракской часовни происходила церемония посадки майского дерева, в здании Дворца правосудия давалась мистерия. Об этом еще накануне возвестили при звуках труб на всех перекрестках плашатаи парижского прево, разодетые в щегольские полукафтаны из лилового камлота с большими белыми крестами на груди...»

Жорж Санд (1804-1876).

Люсиль Аврора Дюпен (по мужу Дюдеван) известна под псевдонимом Жорж Санд. Она была дочерью офицера. В 17 лет ее выдали замуж за барона Дюдевана. После семи лет брака она разорвала семейные узы и бежала в Париж. Там она пытается найти свой литературный путь. Совместно с Жюлем Сандо — она пишет роман «Роз и Бланш».

Ее первые романы — «Индияна», «Валентина», «Жак», «Лелия» посвящены женской эмансипации. Все произведения были написаны в тридцатые годы.

Позже, писательница обращается к жанру социального романа, где затрагивает большие общественные темы. Это известные ее романы — «Мельник на Анжибо», «Странствующий подмастерье», «Орас». Правдиво описывая противоречия между трудящимися и их притеснителями, писательница надеется разрешить их мирным способом — она призывает аристократов отказаться от своих состояний и привилегий и найти общий язык с трудящимися.

В романе «Орас» (1841) Ж. Санд развенчивает зло эгоиста и болтуна Ораса, возомнившего себя романтическим героем, и противопоставляет ему подлинных героев баррикадных боев. В другом произведении — «Консуэло» (1843) она описывает яркую, полную приключений жизнь дочери цыганки, уличной певицы Консуэло. Писательница ратует за правду жизни.

Отрывок из романа Жорж Санд «Консуэло»:

«...Маленькая Консуэло, заткнув уши, ничего не слышала из того, что говорилось, глаза ее рассеянно блуждали, ни на чем не останавливаясь; она была так погружена в работу, что в течение нескольких минут не обращала ни малейшего внимания на весь этот шум. Заметив наконец, что она является предметом всеобщего внимания, девочка отняла руки от ушей, опустила их на колени и уронила на пол тетрадь; сначала, словно окаменев от изумления, не сконфуженная, а скорее несколько испуганная, она продолжала сидеть, но потом встала, чтобы посмотреть, нет ли позади нее какого-нибудь диковинного предмета или смешной фигуры, вызвавших такую шумную веселость...»

Пьер Жан Беранже (1780-1857).

Подлинно народным певцом был французский поэт Пьер Жан Беранже. Многочисленные и разнообразные песни Беранже проникнуты свободолобивыми идеями. Он продолжал и развивал в своем творчестве традиции фольклорной песни, использовал элементы анакреонтической поэзии. Беранже писал шутливо-иронические песни о любви и радостях жизни. Но уже в его ранних произведениях звучат социальные мотивы (песнь «Король Ивето»). В стихотворении «Беднота» поэт говорит, что он свое творчество посвящает бедным людям. Беранже создал цикл сатирических стихотворений в период Реставрации. В этих произведениях он изображал дворян, вернувшихся из эмиграции во Францию («Маркиз де Караба», «Челобитная породистых собак»), и духовенство («Святые отцы»). Он подверг резкой критике мир наживы и эксплуатации («Бонди», «Улитка»). Поэт сочувствовал страданиям народа («Старик-бродяга»). Беранже воспевал память погибших на баррикадах во время Июльских боев («Июльские могилы», «Барабаны»).

Стихотворения и песни Беранже эмоциональны, они имеют определенный сюжет.

Отрывок из стихотворения Беранже «Бедный чудак»:

«...Всем пасынкам природы
Когда прожить бы так,
Как жил в былые годы
Бедняга-весельчак.
Всю жизнь прожить не плача,
Хоть жизнь куда горька.
Ой ли! Вот вся задача
Бедняги-чудака.
Наследственной шляпенки
Пред знатью не ломать,
Подарочек девчонки,
Цветы в нее вплетать,
В шинельке ночью лежа,
Днем — пух смахнул слегка!..»

ЛИТЕРАТУРА:

1. Библиотека Всемирной литературы. М., 1971.